

Российская Академия Наук

ISSN 0131-6117 (Print)

ISSN 3034-5928 (Online)

РУССКО-

R U S S I A N

СЕРБИЯ

S P E E C H

РЕЧЬ

2026

МАРТ-АПРЕЛЬ

НАУКА

— 1727 —

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Заместители главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

Заведующая редакцией: **М. А. Пузина**

Заведующие отделами: **С. В. Дьяченко, О. В. Антонова**

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://slavras.ru>, <http://russkayarech.ru/>

© Российская академия наук

Российская Академия Наук

ISSN 0131-6117 (Print)

ISSN 3034-5928 (Online)

Russian

R U S S K A Y A

Speech

R E C H'

2026

MARCH-
APRIL

НАУКА

— 1727 —

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev

Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga V. Antonova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev

Saratov State University, Saratov, Russia

Evgeniya E. Dmitrieva

M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia

Alexei A. Gippius

National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham

University of Florida, Gainesville, USA

Andrew A. Kibrik

Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky

University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Dina M. Magomedova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vladimir I. Novikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl

University of Graz, Austria

Maria Polinsky

University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova

University of Helsinki, Finland

Maria A. Puzina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Larissa Ryazanova-Clarke

University of Edinburgh, UK

Anna V. Zanadvorova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor:

Maria A. Puzina

Editorial staff:

Svetlana V. Dyachenko, Olga V. Antonova

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTS).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru

Website: <http://slavras.ru>, <http://russkayarech.ru/>

ISSN 0131-6117 (Print)

ISSN 3034-5928 (Online)

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *А. Е. Дёмина*. Фидбек в современном русском языке: адаптация и функционирование иноязычного слова
- 21..... *Ю. Ю. Макаров*. Не стоит ли редуцировать редукцию? (О проблематичности термина и понятия)
- 35..... *И. В. Нечаева*. Прописная или строчная? Некоторые факторы орфографического нормирования

Из истории русского языка

- 49..... *В. А. Мельничук*. Человек-...сэндвич, сэндвич, бутерброд: история слова
- 63..... *Д. А. Романов*. Устойчивые неидиоматические словосочетания в истории тульского региолекта (по записям В. А. Лёвшина 1803 г.)
- 77..... *А. А. Чекина*. *Всякого чїна людемъ*: способы выражения адресата в печатных указах Петра I

Язык художественной литературы

- 88..... *М. А. Бобунова*. «*В добром житье лице белеется и румянеется...*» (слово *лицо* в русской необрядовой лирике)
- 101..... *К. М. Корчагин*. О двух незамеченных новациях в стихе поэтов-шестидесятников
- 113..... *А. М. Петров*. О семантическом ореоле трехстопного амфибрахия в русском фольклорном стихе

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Alisa E. Demina*. *Feedback* in Modern Russian: Adaptation and Functioning of the Loanword
- 21..... *Yury Makarov*. Against Reduction (On the Problematic Nature of the Term and Concept)
- 35..... *Iya V. Nechaeva*. Uppercase or Lowercase? Some Factors in Spelling Normalization

From the History of the Russian Language

- 49..... *Viktoriya A. Melnichuk*. The History of the Word Sandwich-Man (*Chelovek-Sendwich*)
- 63..... *Dmitriy A. Romanov*. Set Non-idiomatic Word Combinations in the History of the Tula Regionallect (Based on the Recordings of V. A. Levshin, 1803)
- 77..... *Anastasiia A. Chekina*. *Vsyakogo China Lyudem*: Ways of Expressing the Addressee in the Printed Decrees of Peter the Great

The Language of Fiction

- 88..... *Maria A. Bobunova*. “*V Dobrom Zhit’e Litse Beleetsya i Rumyanetsya...*” (the Word *Face* in Russian Non-Ritual Lyrics)
- 101..... *Kirill M. Korchagin*. On a Couple of Missed Innovations in the Verse of the Sixtiers
- 113..... *Alexander M. Petrov*. On the Semantic Halo of the Three-Footed Amphibrach in Russian Folklore Verse

Фидбек в современном русском языке: адаптация и функционирование иноязычного слова

Алиса Евгеньевна Дёмина, Институт лингвистических исследований Российской академии наук (Россия, Санкт-Петербург), alise.djomina@gmail.com

DOI: 10.7868/S3034592826020012

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена процессу освоения иноязычного слова *фидбек* лексико-грамматической системой общелитературного русского языка. На основании анализа объемного языкового материала, содержащегося в Национальном корпусе русского языка и базе данных «Интегрум Профи», описывается семантическая, грамматическая и формальная адаптация этой лексемы. Установлено, что иноязычный неологизм *фидбек* вошел в русский язык из английского в середине 1990-х гг. через ряд профессиональных жаргонов (музыкальный, технологический, маркетинговый), при этом впоследствии наибольшее распространение получил лексико-семантический вариант, связанный со сферой маркетинга, а его расширительное употребление за рамками маркетингового дискурса способствовало деспециализации лексемы. Автор приходит к заключению, что в современном русском языке семантическая структура слова *фидбек* содержит целый ряд значений — как общелитературных, так и социально ограниченных. Результаты анализа подтверждают, что лексема *фидбек* вполне освоена грамматической системой русского языка (включена в систему грамматических классов, имеет соответствующее морфологическое оформление, образует аналит-конструкции, включается в деривационные процессы), однако пока еще остается вариативной в орфографическом отношении

(*фидбек/фидбэк*). Проведенное исследование позволяет констатировать, что на сегодняшний день иноязычное заимствование *фидбек* прошло путь от языковой периферии к основной части словарного состава русского литературного языка и не имеет полных семантических эквивалентов, в связи с чем подлежит фиксации в академических толковых словарях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современный русский литературный язык, профессиональный жаргон, заимствование, неологизм, адаптация иноязычного слова, *фидбек*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дёмина А. Е. *Фидбек* в современном русском языке: адаптация и функционирование иноязычного слова // Русская речь. 2026. № 2. С. 7–20. DOI: 10.7868/S3034592826020012.

Issues of Modern Russian Language

Feedback in Modern Russian: Adaptation and Functioning of the Loanword

Alisa E. Demina, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(Russia, Saint Petersburg), alise.djomina@gmail.com

ABSTRACT: The article examines the process of adapting the loanword *фидбек* (*feedback*) within the lexical and grammatical system of the standard Russian language. The empirical basis of the research consists of extensive linguistic material contained in the National Corpus of the Russian Language and the Integrum Profi database. Based on the analysis, the semantic, grammatical, and formal adaptation of the lexeme *фидбек* (*feedback*) is described. The research shows that this neologism was borrowed from English in the mid-1990s through several professional jargons (musical, technological, and marketing). Subsequently, its meaning associated with the field of marketing became the most widespread, and its extensive use outside the framework of marketing discourse contributed to the despecialization of the lexeme.

The author concludes that in modern Russian, the semantic structure of the word *фидбек* (*feedback*) contains a number of meanings, both related to standard language and socially restricted. The results of the analysis confirm that the lexeme *фидбек* (*feedback*) is fully integrated into the grammatical system of the Russian language (it is included in the system of grammatical classes, has an appropriate morphological design, forms analytical constructions, and is included in derivational processes), however, it still remains variable in spelling (*фидбек/фидбэк*). The research establishes that the loanword *фидбек* (*feedback*) has moved from the linguistic periphery to the core lexicon of the Russian standard language and does not have fully equivalent semantic counterparts. An important task is to record this word in academic explanatory dictionaries.

KEYWORDS: modern Russian standard language, professional jargon, borrowing, neologism, adaptation of a foreign word, *feedback*

FOR CITATION: Demina A. E. *Feedback* in Modern Russian: Adaptation and Functioning of the Loanword. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2026. No. 2. Pp. 7–20. DOI: 10.7868/S3034592826020012.

Введение

Конец XX — начало XXI в., как «период языковой нестабильности» [Маринова 2008: 5], характеризуется лавинообразным ростом числа поступающих в язык единиц. Особые политические, экономические и социокультурные условия привели к всплеску многих языковых процессов, в том числе интенсивной адаптации иноязычной лексики [Крысин 2000: 143]. Процессы «перенесения номинаций из чуждой лингвистической среды на русскую почву» [Скляревская 1991: 258], проблемы их освоения и функционирования стали объектом научного осмысления [Клементьева 2014; Крысин 1991, 2000; Маринова 2004, 2008; Пурицкая, Беляева 2023; Скляревская 2001; Янурик 2022]. Исследователи также обращаются к отдельным иноязычным заимствованиям и особенностям их адаптации в русском языке (см., напр., [Вепрева, Купина 2022; Зюзина 2021; Павлова 2024; Соколова 2024]).

Чем активнее происходит лексическое заимствование, тем более налаженным, бесперебойным и динамичным становится адаптационный механизм русского языка [Маринова 2008: 37]. В результате иноязычные неологизмы, изначально вошедшие в язык через ту или иную закрытую периферийную подсистему (к примеру, профессиональный жаргон),

в кратчайшие сроки выходят за рамки ограниченной сферы употребления или социальной группы и закрепляются в общелитературной части словарного состава [Крысин 1991: 77].

К числу подобных иноязычных неологизмов относится слово *фидбек*, процесс семантической, грамматической и формальной адаптации которого представляет яркий пример взаимодействия языкового стандарта и субстандарта. В данной статье рассмотрен процесс освоения этого слова лексико-грамматической системой общелитературного русского языка. Эмпирической базой исследования стал объемный языковой материал, представленный в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) и в базе данных «Интегрум Профи». В НКРЯ содержится 338 документов, включающих примеры употребления лексемы *фидбек* за 2003–2023 гг., причем 84 % этих источников представлены в подкорпусе «Социальные сети». В базе «Интегрум Профи» — около 96 000 документов, датированных 1996–2025 гг., 87 % из них относятся к различным интернет-СМИ (федеральным, региональным, тематическим и т. д.) и блогам. Эта статистика свидетельствует о том, что основной сферой употребления слова *фидбек* в современном русском языке является интернет-коммуникация. Далее в тексте статьи приводятся как полные цитаты из названных источников, так и их фрагменты, показательные в отношении тех или иных особенностей функционирования лексемы *фидбек*.

Семантическая адаптация

Вхождение лексемы *фидбек* в русский язык можно приблизительно датировать серединой 90-х гг. прошлого века (согласно «Интегрум Профи», первая фиксация относится к 1996 г.). В это время актуализируется значение, характерное для профессионального жаргона музыкантов, — ‘эффект, получаемый в результате взаимодействия усилителя и электрогитары’: *Голос вокалистки и лидера группы Энджи Харт, с помощью фидбэка, дилеев и реверов перенесен из родного Мельбурна во внегалактические просторы необъятного космоса* (InterMedia. 1996); *...какофония панковских гитар, воющего фидбэка, хриплых панкоидальных криков и грязных ритмовых брейков, которые Голди описывает как «жесткие до мозга костей»* (Зеркало недели. 1997).

Анализ текстов, представленных в НКРЯ и «Интегрум Профи», позволяет утверждать, что к начальному периоду функционирования слова *фидбек* в русском языке (хотя они и датируются четырьмя-пятью годами позднее — 2000–2001 гг.) относятся также регулярные употребления в других профессиональных сферах: не только среди музыкантов (*гитарный фидбэк, воющий фидбэк, реверсированные фидбэки, добавление фидбэка*),

но и среди геймеров (*игра с поддержкой фидбэк-технологии*), специалистов по компьютерной технике (*устройства с фидбэком, компьютерная мышь с тактильным фидбэком*), менеджеров и маркетологов (*фидбэк от ритейлеров, сервисы по сбору фидбэка, положительный фидбек от пилотной версии продукта*).

Таким образом, на начальном этапе функционирования слова *фидбек* в русском языке у него формируется ряд значений, соотносимых с различными профессиональными сферами употребления:

- ‘В музыке — эффект, получаемый в результате взаимодействия усилителя и электрогитары’: *Чуть усталый вокал... журчащий где-то справа бас... гитарный фидбэк, накатывающийся ленивыми волнами... это PLACEBO, это «Black Market Music» без прикрас* (Музыкальная газета. 2000).
- ‘В компьютерных технологиях — изменение работы системы в ответ на информацию, действие или событие’: *Правда, «пощупать» Интернет, игры и программные продукты с поддержкой TouchSense могут только владельцы двух моделей мышей с тактильным фидбэком* (IGA online. 2001).
- ‘В маркетинге — отзыв, оценка, совет, критическое замечание пользователя о каком-л. продукте, услуге, мероприятии’: *Не так давно ID родила новое произведение Q3A, и первые же фидбэки от тестеров выразили следующие мнения* (Виртуальные радости. 2000); *Каждый тренинг состоит из нескольких модулей, которые включают видеуроки, тесты, задания, кейсы и фидбек* (VC.ru. 2001).

При этом, по данным «Интегрум Профи», во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. наиболее частотное первое, «музыкальное», значение: на него приходится 44 % всех употреблений слова *фидбек* в этот период. Остальные 56 % распределяются примерно поровну между «технологическим» и «маркетинговым» значениями.

Характерно, что аналогичные значения имеются у исследуемого слова и в английском языке, из которого оно было заимствовано. Однако датируются они более ранними периодами. Так, по данным Большого оксфордского словаря английского языка (OED — Oxford English Dictionary), «музыкальное» значение (‘визжащий или жужжащий шум, получаемый в результате взаимовлияния усилителя и электрогитары’) отмечается у слова *feedback* в 1968 г. (а его более обобщенная «акустическая» разновидность — еще раньше, в 1936 г.), маркетинговое значение (в сочетании *customer feedback*) фиксируется в 1964 г. При этом наиболее ранние значения, выделяемые в OED, являются строго терминологическими: к 1920 г. отнесено употребление слова *feedback* в сфере радиоэлектроники

(‘возврат части выходного сигнала с одного участка цепи на вход того же или предыдущего участка’), а к 1943 г. — в сфере биологии (‘модификация социобиологической системы, возникающая в результате получения данных о результатах работы этой системы’). В русском языке оба этих научных значения также присутствуют, однако выражаются словосочетанием *обратная связь* — в терминосистемах радиоэлектроники и биологии соответственно [Прохоров (ред.) 1974: 222–224].

В учебном Оксфордском словаре английского языка (OALD — Oxford Advanced Learner's Dictionary), ориентированном на показ наиболее актуальной семантики, у слова *feedback* выделяются два значения — «маркетинговое»: ‘совет, критическое замечание или информация о том, насколько хорош или полезен какой-л. продукт или чья-л. работа’, и «музыкальное»: ‘неприятный шум, возникающий в электрическом оборудовании, таком как усилитель, когда часть энергии возвращается в систему’.

Таким образом, английское слово *feedback*, обладавшее к концу XX в. развернутой семантической структурой, в которой были представлены как узкоспециальные, так и более общеупотребительные значения, не было заимствовано русским языком во всем объеме своей семантики. Судя по всему, отдельные лексико-семантические варианты заимствовались хотя и почти одновременно, но все же независимо друг от друга. Подтверждением этому может служить тот факт, что разные значения слова *фидбек* приходят в современный русский язык через разные профессиональные дискурсы: музыкальный, технологический, маркетинговый, — и, уже закрепившись в регулярном словоупотреблении носителей русского языка, объединяются к 2020-м гг. в общую семантическую структуру, способную к дальнейшему функционированию и развитию.

Если говорить о регистрации иноязычного слова в толковом словаре как о завершающем этапе его освоения [Крысин 1991: 78], то приходится констатировать, что на данный момент слово *фидбек* не прошло этот этап. Оно не зафиксировано ни в одном академическом словаре русского языка, а представлено лишь в неологических словарях Е. Н. Шагаловой, в которых выделяются два значения: 1) ‘отзыв, отклик, ответная реакция на какое-либо действие или событие’, 2) ‘в музыке — эффект, получаемый в результате взаимодействия усилителя и электрогитары’ [Шагалова 2011: 333; 2020: 481–482]. Из этой интерпретации следует, что лексема *фидбек* может использоваться и как общеупотребительная (с весьма широким, если не сказать размытым, значением), и как специализированная (в музыкальном дискурсе).

Между тем анализ новейшего языкового материала позволяет выявить большее количество специализированных значений и дать более точную

и дробную характеристику общелитературных лексико-семантических вариантов.

Так, наиболее частотным и употребительным сегодня является значение слова *фидбек*, связанное с маркетингом. На основе анализа корпуса текстов в НКРЯ и «Интегрум Профи» можно уточнить предложенное нами ранее определение следующим образом:

- (1) 'В маркетинге — реакция представителей целевой аудитории на какой-л. продукт, услугу, мероприятие и т. п., представляющая собой отзыв, оценку, совет, критическое замечание, высказанное мнение относительно этого продукта, услуги, мероприятия и т. п.' (Мы сделали музыкальный номер и неожиданно для самих себя получили хороший **фидбэк** (Новости России. 2024); Воодушевившись позитивным **фидбеком** и просьбами о продолжении, мы приступили к созданию нашей следующей игры в жанре стелс (The Daily Telefrag. 2024); Команда намерена внимательно вычитывать обратную связь и оперативно чинить неисправности. **Фидбек** принимается по ссылке (Beltion-game.com. 2024); Через год на основании **фидбека** клиентов разработчики привлекли дополнительные инвестиции для внесения изменений в производственный цикл (Forbes.ru. 2024); И не стесняйся просить **фидбек** — довольный клиент часто забывает оставить отзыв, если ему об этом не напомнить (Дизайн в Казахстане. 2024); Я протестировал это решение на своих проектах и получил приятный **фидбэк** от клиентов (VC.ru. 2024).).

Однако довольно часто лексема *фидбек* употребляется и за пределами маркетингового дискурса, что приводит к ее деспециализации — процессу, происходящему, как правило, на одном из последних этапов адаптации иноязычного слова [Крысин 1991: 76]. В результате сегодня можно говорить о развитии следующего общеупотребительного значения слова *фидбек*:

- (2) 'Отзыв, оценка, совет, критическое замечание, мнение относительно кого-, чего-л., высказанные по результатам опыта взаимодействия с этим объектом' (Эксперты-практики делятся опытом, разбирают кейсы студентов и дают развернутый **фидбэк** на домашние задания (The Daily Telefrag. 2023); ...давать более качественный и структурированный **фидбек** студентам (Telegram. 2021); ...я вижу, что каждый раз, когда человек ставит границы и говорит: «Вот такого мне нельзя, это мне обидно», — в итоге оказывается для отношений плодотворным. Они потом развиваются более гармонично. Потому что я не насильник, и я реагирую на такой **фидбек** и стараюсь больше не причинять боли (VK. 2016)).

Помимо этих, наиболее распространенных значений слова *фидбек*, в современном русском языке по-прежнему остаются актуальными значения, сформировавшиеся на начальном этапе заимствования:

- (3) ‘В музыке — эффект, получаемый в результате взаимодействия усилителя и электрогитары’ (...мелодия группы *Beach Boys* сочетается с *фидбэком* и битами группы *Velvet Underground* (The Daily Telefrag. 2023)).
- (4) ‘В компьютерных технологиях — изменение работы системы в ответ на информацию, действие или событие’ (Все это контролируешь глазами: не как с физической F10 которую можешь нажать одной рукой, не глядя, чисто на мышечной памяти и еще и тактильный *фидбек* получишь (Telegram. 2022)).

Таким образом, актуальный объем значения лексемы *фидбек* демонстрирует, что сегодня это иноязычное заимствование обладает семантической структурой, содержащей как общелитературные, так и социально ограниченные лексико-семантические варианты. Развитая полисемия свидетельствует о том, что это заимствование заняло полноправное место в лексической системе и не может быть сочтено избыточным для кодифицированного литературного языка. Ни один из семантических эквивалентов слова *фидбек* (таких как *отклик*, *отзыв*, *обратная связь*, *ответная реакция*) не покрывает его семантику полностью, образуя синонимические связи лишь с его отдельными значениями.

Грамматическая и словообразовательная адаптация

Освоение лексемы *фидбек* грамматической системой русского языка не было сопряжено с трудностями. Грамматическое оформление этого имени существительного произошло путем присоединения русской флексии к иноязычной основе, в результате чего неологизм легко приспособился к падежной системе русского языка. Влияние на родовую принадлежность слова *фидбек* как склоняемого неодушевленного существительного оказал фонологический-морфологический фактор: будучи существительным на согласный, оно было отнесено к мужскому роду. Как отмечает Е. В. Маринова, «“обработка” неодушевленных существительных с точки зрения родовой отнесенности к концу XX в. упрощается» [Маринова 2008: 19], это связано с тем, что доминирующим языком-источником новых слов является английский, в котором отсутствует грамматическая категория рода.

Более сложным является вопрос отношения к категории числа. Подобно английскому *feedback*, русское *фидбек* является неисчисляемым

и, следовательно, нормативно употребляется только в форме единственного числа. Однако по аналогии с такими русскими синонимами, как *отзыв*, *отклик*, а также *эффект*, оно приобрело способность образовывать форму множественного числа: *фидбеки от тестировщиков*, *получить несколько положительных фидбеков*, *гитарные фидбеки*. Тем не менее форму множественного числа у слова *фидбек*, судя по всему, следует отнести к ненормативной речи (профессиональные жаргоны, общий жаргон). Числовое варьирование лексемы *фидбек* находится в русле тенденции к увеличению количества существительных с двумя числовыми формами, наметившейся на рубеже XX–XXI вв. [Валгина 2003: 172].

Другая грамматическая тенденция, в которую также вписывается слово *фидбек*, — это употребление иноязычных имен существительных в качестве аналитических прилагательных. Модель «фидбек + существительное» оказалась достаточно продуктивной и получила широкое распространение: *фидбек-чат*, *фидбек-сообщение*, *фидбек-анкета*, *фидбек-встреча*, *фидбек-отчет*, *фидбек-гитара*, *фидбек-эффект*, *фидбек-технология*, *фидбек-механизм* и мн. др.

В синтаксическом отношении характерен перенос моделей управления из языка-источника: *feedback on something* — *фидбек на что-л.*, *feedback about something* — *фидбек о чем-л.*, *feedback from somebody* — *фидбек от кого-л.* Тем не менее анализ языкового материала показывает, что в русском языке модель «фидбек о чем-л.» (*фидбек о встрече*) крайне редка, в отличие от частотной модели «фидбек на что-л.» (*фидбек на проект*, *фидбек на работу*, *фидбек на кошачий корм*). Представляется, что модель с предлогом *на* закрепляется также благодаря аналогии со словом *отзыв*. Модель управления «отзыв на что-л.» хотя и ошибочна, но постепенно становится все более распространенной и, вполне вероятно, вскоре приобретет нормативный статус. Частотной также является характерная для жаргонной речи модель «фидбек по чему-л.» (*фидбек по аппке (мобильному приложению)*, *фидбэк по психологическому развитию*, *фидбэк по прошедшему месяцу*), образованная, вероятно, по аналогии со словосочетанием «выступление, высказывание по вопросу».

О том, что слово *фидбек* успешно проходит стадии освоения русским языком, свидетельствует его деривационная активность. *Фидбек* выступает в качестве производящего слова и становится центром нового словообразовательного гнезда, что свидетельствует об активном типе словообразовательной адаптации [Маринова 2008: 35]. Наибольшее количество дериватов относится к именам прилагательным и глаголам (с образованными от них причастиями).

Как показывает анализ языкового материала, суффиксальные прилагательные возникают в профессиональном жаргоне, откуда постепенно

перемещаются в сторону сниженного стиля общелитературного языка: *фидбековая гитарная буря, фидбековые петли, фидбековая информация о пробках; фидбечный усилитель, фидбечная аудитория, фидбечный фестиваль; фидбековские рули, фидбековский делитель*. То же относится к образованным приставочно-суффиксальным и суффиксальным способом глаголам и причастиям: *зафидбечить (микрофон может зафидбечить, сильно зафидбеченная гитара); отфидбечить (наставник отфидбечил работы); фидбекнуть (оценить и фидбекнуть концепцию, для одного конкретного фидбекнувшего, толпа фидбекающих менеджеров); фидбечить (гитары фидбечат, сообщество фидбечило разработчикам, фидбечить искрометными комментариями, активно фидбечащие клиенты)*. Существительные, образованные от лексемы *фидбек*, представлены в анализируемых текстах только жаргонным словом *фидбечик*: *Ваши идеи для наших подкастов (ответить на вопросы, позвать гостя) — ждем фидбечик! Задавайте вопросы в комментариях! Зачитаем и обсудим!* (Goals.by. 2019).

Таким образом, слово *фидбек* может считаться вполне освоенным грамматической системой современного русского языка: оно имеет определенную частеречную отнесенность, соответствующее морфологическое и словообразовательное оформление, включается в деривационные процессы.

Формальная адаптация

Еще одним важным аспектом, связанным с адаптацией слова в русском языке, является проблема его правописания. Несмотря на то что слово *фидбек* уже более четверти века употребляется в русском языке, оно все еще вариативно в орфографическом отношении: *фидбЭк vs фидбЕк*. На этапе вхождения слова в русский язык превалировал вариант написания через «Э» (в профессиональном жаргоне мог использоваться также сокращенный вариант *фид*, но он не стал широкоупотребительным): согласно материалам «Интегрум Профи», именно этот вариант встречается в 89 % словоупотреблений, датируемых второй половиной 1990-х гг.

Однако сегодня вопрос с написанием лексемы *фидбек* все еще не решен, этап становления орфографической нормы не пройден. В НКРЯ представлены два варианта написания: *фидбэк* (166 документов) и *фидбек* (169 документов). В базе данных «Интегрум» — шесть вариантов: *фидбек* (41 538 документов), *фидбэк* (34 831 документ), *фид-бек* (33 документа), *фид-бэк* (110 документов), *фид бек* (33 документа) и *фид бэк* (42 документа). Если отбросить статистически ничтожные варианты с раздельным и дефисным написанием, а также учесть неизбежную погрешность, связанную с неполнотой корпуса текстов, представленных в НКРЯ и в «Интегруме», то

можно с высокой долей уверенности сказать, что в узусе варианты *фидбек* (по данным «Интегрума» — 54 %, по данным НКРЯ — 50 %) и *фидбэк* (по данным «Интегрума» — 45 %, по данным НКРЯ — 50 %) равноправны.

Отсюда следует, что это именно тот случай, когда выбор «правильного» варианта должен диктоваться кодификаторами. Однако пока в наиболее авторитетном орфографическом ресурсе «Академос» слово *фидбек* отсутствует. Судя по другим зафиксированным в «Академосе» словам с формантом *бэк/бек* (*кешбэк*, *флешбэк*, *хетчбэк*, *фастбэк*, *бай-бэк*), и в нашем случае следовало бы предпочесть написание через «Э». Но есть и обратный пример: в 2020 г. в «Академос» было добавлено слово *лифтбэк* (тип автомобильного кузова, ср. *хетчбэк* или *кешбэк*, также добавленный в 2020 г.) с написанием через «Е». Эта несогласованность, видимо, определяется общей тенденцией кодификаторов заменять «Э» на «Е» после твердых согласных в заимствованных словах: ср., напр., зафиксированное в «Академосе» гнездо с корнем *фешен-* (при распространенном в узусе написании *фэшн-*). Таким образом, на сегодняшний день слово *фидбек/фидбэк* орфографически вариативно, остается ожидать его фиксации в той или иной форме.

Заключение

Слово *фидбек* уже давно «живет» в русском языке. Оно прошло свой собственный путь — от субстандартных «гитарных фидбеков» до общеупотребительных «фидбеков под постами в соцсетях». Бытование его в нашем языковом пространстве продолжается: лексема *фидбек* приблизилась от языковой периферии к общелитературной части словарного состава, закрепился объем ее значений, сформировались словообразовательные гнезда на ее основе и т. д. Важной задачей ближайшего будущего является фиксация этого слова, не имеющего точных аналогов в русском языке, на страницах академических толковых словарей.

Литература

База данных «Интегрум Профи» [Электронный ресурс]. URL: http://www.integrumworld.com/rus/int_prof.html (дата обращения: 10.03.2025).

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.

Вепрева И. Т., Купина Н. А. Риторика: актуальное слово в коммуникативной ситуации текущего времени // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 531–546.

Зюзина Е. А. Словообразовательная адаптация слов-англицизмов из сферы компьютерных технологий // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5 (90). С. 399–401.

- Клементьева Е. В.* Адаптация иноязычных заимствований в русском языке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5 (27). С. 260–263.
- Крысин Л. П.* Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 74–78.
- Крысин Л. П.* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 142–161.
- Маринова Е. В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: автореферат дис. ... д-ра филол. наук / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 2008. 44 с.
- Маринова Е. В.* Лексическое заимствование на рубеже XX–XXI вв. (общая характеристика и сопутствующие процессы) // Проблемы языковой картины мира на современном этапе. Н. Новгород: НГПУ, 2004. С. 109–113.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.03.2025).
- Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. URL: <https://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 11.03.2025).
- Павлова А. С.* Неолексема *кринж* и ее дериваты как неологические средства выражения семантики стыда, разочарования и неловкости в современной интернет-коммуникации // Говорящий и пишущий: К 100-летию со дня рождения Татьяны Григорьевны Винокур / Отв. ред. Е. В. Какорина, А. Р. Пестова. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 2024. С. 283–298.
- Прохоров А. М.* (ред.). Большая советская энциклопедия. Т. 18: Никко-Отолиты. М.: Сов. энциклопедия, 1974. 631 с.
- Пурицкая Е. В., Беляева Е. А.* Вторичные заимствования в современном русском языке: глаголы цифровой сферы // Русский язык в школе. 2023. № 84 (6). С. 81–91.
- Скляревская Г. Н.* Состояние современного русского языка. Взгляд лексикографа // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 1 / Отв. ред. О. Л. Дмитриева. М.: ИРЯЗ, 1991. С. 250–264.
- Скляревская Г. Н.* Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам (Корейская ассоциация славистов). 2001. № 6. С. 177–202.
- Соколова М. Г.* «Фреш или не фреш?» (Лингвистическое портретирование слова *фреш* в современном публицистическом дискурсе) // Русская речь. 2024. № 1. С. 49–57.
- Шагалова Е. Н.* Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов. М.: АСТ: Астрель, 2011. 413 с.
- Шагалова Е. Н.* Словарь новейших иностранных слов. М.: Аст-пресс школа, 2020. 576 с.
- Янурик С.* Новые несклоняемые английские заимствования в русском языке последних лет в свете словарных и корпусных данных // Язык и культура в цифровую эпоху / Отв. ред. Л. В. Рацибурская. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2022. С. 427–436.

Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 01.03.2025).

Oxford English Dictionary (OED) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 01.03.2025).

References

- Baza dannyykh "Integrum Profi"* [Integrum Profi Database]. Available at: http://www.integrumworld.com/rus/int_profi.html (accessed 10.03.2025).
- Klement'eva E. V. [Adaptation of Foreign Language Borrowings in Russian]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2014, no. 5 (27), pp. 260–263. (In Russ.)
- Krysin L. P. [Stages of Mastering a Foreign Word]. *Russkii yazyk v shkole*, 1991, no. 2, pp. 74–78. (In Russ.)
- Krysin L. P. [A Foreign Language Word in the Context of Modern Social Life]. *Russkii yazyk koncza XX stoletiya (1985–1995)* [The Russian language of the late 20th century (1985–1995)]. Moscow, Yazyk Russkoy Khul'tury Publ., 2000, pp. 142–161. (In Russ.)
- Marinova E. V. [Lexical Borrowing at the Turn of the XX–XXI Centuries (General Characteristics and Related Processes)]. *Problemy yazykovoï kartiny mira na sovremennoĕ etape* [The Problems of the Linguistic Picture of the World at the Present Stage]. Nizhny Novgorod, NGPU Publ., 2004, pp. 109–113. (In Russ.)
- Marinova E. V. *Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX – nachala XXI vv.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya*. Avtoreferat dis. ... d-ra filol. nauk [Foreign Language Words in Russian Speech of the Late XX – Early XXI Centuries: Problems of Development and Functioning. Doct. phil. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2008. 44 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 10.03.2025).
- Orfograficheskii akademicheskii resurs "AKADEMOS" Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN* [The Spelling Academic Resource "AKADEMOS" of the Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences]. Available at: <https://orfo.ruslang.ru/> (accessed 11.03.2025).
- Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD). Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed 01.03.2025).
- Oxford English Dictionary (OED). Available at: <https://www.oed.com/> (accessed 01.03.2025).
- Pavlova A. S. [The Neolexeme *Кринж* (Kringe) and Its Derivatives as Neological Means of Expressing the Semantics of Shame, Frustration and Awkwardness in Modern Internet Communication]. *Govoryashchii i pishushchii: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Tat'yany Grigor'evny Vinokur* [Speaking and Writing: On the 100th Anniversary of Tatiana Grigorievna Vinokur's Birth]. Moscow, V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences Publ., 2024, pp. 283–298. (In Russ.)

- Prokhorov A. M. (ed.). *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. T. 18: Nikko–Otolity* [Great Soviet Encyclopedia. Vol. 18: Nikko–Otoliths]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1974. 631 p.
- Puritskaya E. V., Belyaeva E. A. [Secondary Borrowings in Modern Russian: Digital Sphere Verbs]. *Russkii yazyk v shkole*, 2023, no. 84 (6), pp. 81–91. (In Russ.)
- Shagalova E. N. *Samyi noveishii tolkovyi slovar' russkogo yazyka XXI veka: ok. 1500 slov* [The newest explanatory dictionary of the Russian language of the 21st century: approx. 1500 words]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2011. 413 p.
- Shagalova E. N. *Slovar' noveishikh inostrannykh slov* [Dictionary of the Latest Foreign Words]. Moscow, Ast-press Shkola Publ., 2020. 576 p.
- Sklyarevskaya G. N. [The State of the Modern Russian Language. The Lexicographer's View]. *Russkii yazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki. Ch. 1* [The Russian Language and Modernity. Problems and Prospects of the Development of Russian Studies. Vol. 1]. Moscow, IRYAZ Publ., 1991, pp. 250–264. (In Russ.)
- Sklyarevskaya G. N. [The Word in a Changing World: The Russian Language of the Beginning of the 21st Century: State, Problems, Prospects]. *Issledovaniya po slavyanskim yazykam (Koreiskaya assotsiatsiya slavistov)*, 2001, no. 6, pp. 177–202. (In Russ.)
- Sokolova M. G. ["Fresh or not Fresh?" (Linguistic Portraying of the Word *Фреш* (Fresh) in Modern Journalistic Discourse)]. *Russkaya rech'*, 2024, no. 1, pp. 49–59. (In Russ.)
- Valgina N. S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active Processes in Modern Russian Language]. Moscow, Logos Publ., 2003. 304 p.
- Vepreva I. T., Kupina N. A. [Rhetoric: Actual Word in Communication Situation at Current Time]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2022, vol. 9, no. 3, pp. 531–546. (In Russ.)
- Yanurik S. [New Indescribable English Borrowings in Russian in Recent Years in the Light of Dictionary and Corpus Data]. *Yazyk i kul'tura v tsifrovuyu epokhu* [Language and Culture in the Digital Age]. Nizhny Novgorod, N. I. Lobachevsky National Research University Publ., 2022, pp. 427–436. (In Russ.)
- Zyuzina E. A. [Word-Forming Adaptation of English Words from the Sphere of Computer Technologies in Russian]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2021, no. 5 (90), pp. 399–401. (In Russ.)

Не стоит ли редуцировать редукцию? (О проблематичности термина и понятия)

Юрий Юрьевич Макаров, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Институт языкознания РАН (Россия, Москва), yurmak@iling-ran.ru

DOI: 10.7868/53034592826020023

аннотация: В статье представлены аргументы против редукции. Показывается, что это слово чрезмерно многозначно и де-факто не соответствует определению термина. Кратко рассматриваются исторические предпосылки данной ситуации, а также вносятся практические предложения по ее исправлению, идейно соответствующие аналогичным исследованиям, прежде всего статье «Против маркированности (и чем ее заменить)» Мартина Хаспельмата. В частности, предлагается использовать однозначные термины, обозначающие конкретные фонетические или фонологические процессы, вместо обращения к абстрактному понятию редукции. Дополнительно обсуждается проблематичность противопоставления качественной и количественной редукции, играющего главную роль в разговоре о редукции в русскоязычных источниках и практически отсутствующего в источниках англоязычных. Несмотря на то что связь качества и количества хорошо известна — прежде всего благодаря работам Л. В. Щербы, — чрезмерное к ней внимание может привести к ряду ложных выводов; например, что количественные изменения возможны без качественных и наоборот. В качестве альтернативной классификации типов редукции предлагается уделять внимание тому, как она выражается в фонетике и фонологии. Наконец, в статье обсуждается редукция согласных, а также вопрос о том, насколько редукция универсальна.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терминология, редукция, фонетика, фонология, гласные, согласные

для ЦИТИРОВАНИЯ: Макаров Ю. Ю. Не стоит ли редуцировать редукцию? (О проблематичности термина и понятия) // Русская речь. 2026. № 2. С. 21–34. DOI: 10.7868/S3034592826020023.

БЛАГОДАРНОСТИ: Автор благодарен В. А. Плунгяну и анонимному рецензенту за ценные комментарии.

Issues of Modern Russian Language

Against Reduction (On the Problematic Nature of the Term and Concept)

Yury Makarov, Vinogradov Russian Language Institute RAS, Institute of Linguistics RAS (Russia, Moscow),
yurmak@iling-ran.ru

ABSTRACT: This article presents arguments against the concept of reduction.

It demonstrates that the term is excessively polysemous and, in practice, fails to align with the formal definition of a term. After briefly reviewing the historical background of this terminological ambiguity, the paper offers practical suggestions for resolving it. These proposals are ideologically aligned with similar critical research, most notably by drawing a parallel to Martin Haspelmath’s article “Against markedness (and what to replace it with)”. Specifically, it is proposed that the abstract concept of reduction should be replaced with unambiguous terms that denote specific phonetic or phonological processes.

Furthermore, the article critically evaluates the traditional distinction between “qualitative” and “quantitative” reduction. This dichotomy plays a central role in Russian phonetics but is virtually absent from English sources. It is argued that while the connection between quality and duration is well-established — primarily through the works of L. V. Shcherba in the Russian tradition — an excessive methodological focus on this opposition is

harmful. It can lead to false conclusions, such as the erroneous assumption that quantitative changes can occur without qualitative ones, or vice versa. Finally, as an alternative classification, it is proposed that attention should be paid to reduction in phonetics as opposed to reduction in phonology, while also addressing consonant reduction and the universality of the phenomenon.

KEYWORDS: terminology, reduction, phonetics, phonology, Russian linguistics, vowels, consonants

FOR CITATION: Makarov Y. Against Reduction (On the Problematic Nature of the Term and Concept). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 2. Pp. 21–34. DOI: 10.7868/S3034592826020023.

ACKNOWLEDGEMENTS: I am grateful to Vladimir Plungian and the anonymous reviewer for valuable comments.

1. Введение

В своей статье «Против маркированности (и чем ее заменить)» Мартин Хаспельмат [2006], рассмотрев значения, вкладываемые в понятие маркированности разными исследователями, пришел к выводу, что вместо маркированности стоит говорить о конкретных характеристиках, ею подменяемых. Например, если под словом *маркированный* понимается *редкий*, то выбор должен пасть в пользу последнего; если *маркированность* значит *отклонение от нормы*, то предпочтительно последнее; и т. д.

С выводами Хаспельмата трудно не согласиться. Термины, в отличие от общеупотребительной лексики, призваны (почти) однозначно передавать то, что имеется в виду. В ситуации, когда у термина имеется с десяток разных значений, упрощения научной коммуникации не происходит — напротив, она становится затруднена. Так, когда лингвист пишет о *маркированности* некоторого явления, без дополнительных пояснений совершенно не ясно, что имеется в виду: эта характеристика может быть связана и с частотностью, и с естественностью, и с формальной ролью описываемого явления в системе языка. Список догадок может быть продолжен. В данной ситуации термин теряет свою функцию точного носителя смысла и переходит в область интуитивного понимания (именно так фонолог Керен Райс охарактеризовала¹ *маркированность*).

¹ ‘...[M]arkedness is something about which linguists come to have strong intuitions’ (Маркированность — это нечто, о чем лингвисты имеют сильную интуицию) [Rice 2003: 419].

Существует некоторое количество работ, посвященных прочим чрезмерно многозначным терминам. Среди них можно отметить, например, другие исследования Хаспельмата [Haspelmath 2010; Haspelmath 2023] и исследование по истории лениции Патрика Ханибоуна [Honeybone 2008]. Далее в данной статье речь пойдет о *редукции* (прежде всего на материале русскоязычной лингвистической традиции). В разделе 2 будет рассмотрена многозначность соответствующего термина; раздел 3 будет посвящен дихотомии «качественная vs. количественная редукция»; раздел 4 коснется того, как редукция понимается в фонетике и фонологии; в разделе 5 будет рассмотрена проблема универсальности редукции; наконец, в разделе 6 будут сформулированы выводы.

2. Многозначность

В статье «Редукция: краткая история понятия (XVIII–XX вв.)» [Макаров 2025] рассматривалась история становления термина *редукция*. Среди основных выводов было упомянуто, что этот процесс протекал стихийно и — в русскоязычной традиции — при отсутствии попыток исчерпывающей систематизации. Важным фактором, внесшим вклад в стихийность процесса, послужило то, что в западноевропейских языках (в частности, английском, немецком, французском) у *редукции* и соответствующих дериватов имелись общеязыковые значения. В ранних употреблениях англоязычных терминов *редукцией* называлось вообще любое изменение, как правило ведущее к уменьшению числа сегментов. Так, и «вырезание» слога, и монофтонгизация дифтонга, и просто выпадение звука назывались редукцией. В XIX в. в западной литературе начали появляться употребления, отдаляющиеся от идеи сокращения: один звук мог изменяться («редуцироваться») в другой, и происходить это могло совершенно разными путями. Звук [ʃ] мог становиться [s], а [θ] превращаться в [h] или [ʔ]; гласные могли становиться согласными соответствующего места образования... Это лишь малая часть значений, в которых рассматриваемый термин употреблялся в англо- и русскоязычной литературе с XVIII по XX вв. (полный список насчитывает 21 значение).

В то же время в русскоязычной литературе XX в. основным поводом к разговору о редукции служили вокалические процессы в русском языке, затрагивающие гласные безударных слогов. Складывается впечатление, что концепция редукции, разработанная Л. В. Щербой [1983/1912], легла в основу всех дальнейших исследований, и последующие достижения лишь уточняли какие-то детали, но не пытались предложить новое понимание. Упрощая, можно суммировать идею Щербы так: если на

произнесение звука остается меньше времени (например, по сравнению с ударной позицией), то речевые органы не успевают выполнить все нужные действия («остаются так сказать на полпути»), что и приводит к изменению свойств звука². Иначе говоря, Щерба утверждал, что меньшее количество ведет к изменению качества. Так родилось противопоставление качественного и количественного типов редукции в русскоязычной традиции.

3. Проблемы качества и количества, а также чрезмерного к ним внимания

Обязательное противопоставление качественной и количественной редукции свойственно прежде всего русскоязычной традиции³. Общим местом всех описаний является то, что количественная редукция — это уменьшение длительности сегмента (обычно гласного), а качественная — его тембра, то есть качества [Бондарко 1977: 158; Матусевич 1976: 96]. Нередко эти подтипы используются для противопоставления реализаций фонем типа /y/ и /o/ в безударных слогах. Так, в *буровой* ожидается лишь изменение длительности первого гласного, т. е. только количественная редукция; для *домовой* же свойственно изменение не только его количества, но и качества, а именно редукция в «нейтральный» гласный [э] (шва), также известный как [ь] (ер).

В действительности же этот подход весьма поверхностен: довольно рано было показано, что /y/ в безударных позициях претерпевает не только количественные, но и качественные (спектральные) изменения [Бондарко, Вербицкая, Зиндер 2022/1966; Lindblom 1963]. Импликации, порождаемые этой дихотомией, могут привести к ложному представлению, что количественные изменения возможны без качественных или, наоборот, что качественные возможны без количественных.

Защитник рассматриваемого противопоставления мог бы заметить, что количественные изменения, в отличие от качественных, менее доступны восприятию, ср. [Бондарко 1977: 157]: на слух [y] в *буровой*, *бурда* и *бур* практически идентичны. Схожая идея передается формулировкой

² Эта концепция предвосхитила понятие *недострела* (undershoot) Б. Линдблома [1963].

³ В англоязычной фонетической традиции аналогичное противопоставление качественной и количественной редукции отсутствует, и это ставит русскоязычных авторов, пишущих о «qualitative» или «quantitative reduction», в стилистически неловкое положение. Удивительна в этом отношении рекомендация именно таких переводов в словаре О. С. Ахмановой [1966]. Для передачи русских терминов можно было бы рекомендовать конструкции типа *reduction of/in length/quantity/quality*, ср. их употребление в [Gimson, Ramsaran 1989: 100, 129–131; Laver 1994: 68].

«Редукцию, которая не связана с меной звукотипа, называют количественной редукцией» [Князев, Пожарицкая 2012: 69]. Тем не менее такой «разворот» парадоксален: количественная редукция, т. е. сокращение длительности, это факт акустики и артикуляции, равно как и качественная редукция, т. е. изменение спектральных характеристик и целевых артикуляций. Эти *фонетические* термины — не перцептивные и не должны оцениваться с перцептивных позиций. Если бы была необходимость запечатлеть то, что некоторые типы редукции приводят к перцептивно существенной разнице, а другие — нет, то справедливо было бы говорить о редукции воспринимаемой и невоспринимаемой. Акустические корреляты такой редукции могли бы быть самыми разными: от длительности до интенсивности.

С методической точки зрения выставление дихотомии *качественная vs. количественная* на передний план в каждом курсе фонетики также вредно. Произносящий фразу «В языке X имеется редукция гласных», скорее всего, будет иметь в виду наличие качественных, перцептивно значимых изменений безударных гласных. Однако студент, заучив, что «редукция бывает двух типов», столкнется с необходимостью уточнить, о какой редукции идет речь: о качественной или количественной? Имеется ли в виду, что длительность гласных существенно зависит от позиции в слове? Или что имеет место существенное аллофоническое варьирование в безударных позициях?

Более того, в учебниках фонетики нередко указывается, что редукция происходит и с согласными [Князев, Пожарицкая 2012: 57]. Затем, как правило, все обсуждение сводится к гласным, где и сообщается о двух типах редукции [Князев, Пожарицкая 2012: 69]. После ознакомления с таким курсом остается вопрос: что такое качественная редукция согласных? А количественная?

Наконец, существенно то, что акцентирование именно количественного и качественного аспектов приводит к неверным выводам о том, что происходит в процессе редукции⁴. Как было сказано выше, количественная редукция сопряжена с длительностью звука, а качественная — с его артикуляцией и как следствие спектральными характеристиками. В действительности же редуцироваться (т. е. уменьшаться) может и частота основного тона (ЧОТ), и интенсивность, и громкость, и т. д. — значит ли это, что нужно ввести особые типы *редукция ЧОТ*, «*интенсивностная*» *редукция*, «*громкостная*» *редукция*?

⁴ В связи с этим справедливо и замечание анонимного рецензента о том, что сведение количественной редукции лишь к длительности и игнорирование, например, изменений интенсивности гласного некорректно.

Представляется, что в рамках курсов фонетики достаточно объяснения взаимосвязи длительности (количества) с качеством⁵. Вместо того чтобы сообщать студенту о том, что существуют два типа редукции, гораздо более универсальным и продуктивным было бы обсуждение различий между редукцией фонетической (во всем ее многообразии, а не только в длительности и тембре гласных) и фонологической.

4. Редукция фонетическая и фонологическая

Одним из результатов развития понятия редукции в XX в. стало разграничение его фонетической и фонологической интерпретаций. Истоки современного фонетического понимания можно усмотреть в концепции «недострела» Линдблома, которая изначально была сфокусирована на гласных. Согласно ей, фонетическая редукция рассматривается как недостижение целевых формантных значений, свойственных изолированному произнесению, и общее сжатие вокалического пространства. Эти изменения возникают в результате коартикуляции (т. е. взаимодействия идеальных артикуляционных установок, часто приводящего к упрощенной реализации) и ряда других факторов, в том числе просодических [Bates 1995: 10–11; van Bergem 1991; Fourakis 1991; Harrington 2010: 91–95; Lindblom 1963; Padgett, Tabain 2005]. В таком понимании, не основанном на реализации в виде шва-образных гласных, фонетическая редукция происходит и в языках типа испанского⁶, французского⁷ и итальянского⁸, что выражается в недостижении идеальных артикуляционных и акустических установок, а также в меньшей длительности сегмента [Fletcher 2010: 560]. Такая трактовка, однако, не единственна: некоторые авторы считают необходимой централизацию, т. е. шва-образность [Andersen 1995: 19]; это требование стоит отнести к редукции фонологической.

Фонологическая редукция — это нейтрализация фонемного контраста, приводящая к (мор)фонологическим чередованиям полных гласных

⁵ Это, однако, стоит делать с осторожностью. Например, хорошо известно, что в русском литературном языке «редуцированный» гласный первого предударного слога может быть дольше, чем ударный. Как, спрашивается, можно объяснить подобные факты при «качественно-количественном» подходе?

⁶ Ср.: «В испанском языке все гласные, независимо от того, в какой позиции они находятся, произносятся с сохранением тех черт, которые присущи их произнесению в изолированном положении... Они устойчивы и равномерны» [Макарова 2005: 13].

⁷ Ср.: «Напряженностью артикуляции объясняется отсутствие редукции во французском языке — явления, свойственного русским гласным» [Попова, Казакова, Ковальчук 2009: 10].

⁸ Ср.: «Итальянские гласные, как под ударением, так и в безударном положении произносятся четко и полнозвучно, вследствие чего в итальянском языке, в отличие от русского языка, нет редукции (ослабления силы голоса и долготы)» [Пичугина 1977: 9].

с редуцированными [Andersen 1995: 9; Bates 1995; Iosad 2012: 522; Padgett, Tabain 2005: 26–29]. Важным отличием от редукции фонетической является то, что фонологическая редукция не зависит от контекста, ударения и темпа речи [Bates 1995: 26].

Понимание редукции исключительно как нейтрализации, тем не менее, приводит к ряду проблемных ситуаций. Например, в литовском языке фонемы /a/ и /aː/, /e/ и /eː/ противопоставляются в безударной позиции, однако под ударением нейтрализуются в долгом аллофоне, ср. *rastùs* ‘найденных (муж. р. вин. п.)’ ≠ *rąstùs* ‘брёвна (вин. п.)’, но *rąstas* ‘найденный (муж. р. им. п.)’ = *rāstas* ‘бревно (им. п.)’ [Андронов 2013; Girdenis 2014: 205]. Хотя это и пример нейтрализации, едва ли будет привычным считать его редукцией.

Различение редукции фонетической и фонологической связано также с разграничением синхронии и диахронии. В описанном выше смысле фонетическая редукция — явление синхронное, которое возникает на уровне исполнения моторной программы (артикуляции). Напротив, фонологическая редукция связана с уже состоявшейся заменой одной реализации на другую. Например, трудно согласиться с тем, что в современном русском литературном языке при произношении слова *ядро* указание грамматического модуля состоит в том, что в первом слоге нужно произнести [a]-образный звук, и лишь на уровне реализации этого указания произносится [и] (вследствие фонетической редукции). Более убедительным кажется то, что в рассматриваемой позиции [и] — это не следствие «недострела» до запланированного [a]-образного звука, а сама целевая артикуляция. Иначе говоря, процесс, приведший к [и] на месте <я>, — факт диахронии. Собственно фонетическая редукция в русском языке существует и касается, например, безударных реализаций фонемы /у/. Таким образом, редукция имеет две природы: фонетическую (*лягúшка* — *лягушáчий*) и фонологическую (*ядро* [(и)идрó] при *я́дра* [jáдра]), причем первая связана с синхронией, а вторая — с диахронией.

5. Универсальность редукции

Неудивительным следствием сосредоточения внимания на редукции гласных в исследованиях второй половины XX в. явилось ощущение того, что редукции согласных не существует. Так, в статье [Andersen 1995: 19] термин *редукция согласных* предстает как ранее неизвестный и переизобретается⁹. На самом деле о редукции по отношению к согласным писали и в ранних фонетических трудах XIX в., и в XX в. это не сошло на нет.

⁹ ‘As far as I know, there is no precedent for the term *consonant reduction*.’ (Насколько мне известно, термин *редукция согласных* ранее не употреблялся.)

Например, в «An Introduction to the Pronunciation of English» (Введение в произношение английского языка) Альфреда Чарльза Гимсона *редукция* употребляется не только в контексте централизации [Gimson, Ramsaran 1989: 126] и сокращения [Gimson, Ramsaran 1989: 96, 102] гласных, монофтонгизации дифтонгов [Gimson, Ramsaran 1989: 113] и даже сочетаний гласного и согласного [Gimson, Ramsaran 1989: 118], а также упрощения трифтонгов [Gimson, Ramsaran 1989: 139], — но и в связи с изменением кластеров типа [ŋg] → /ŋ/ [Gimson, Ramsaran 1989: 201, 218, 239].

Существуют и исследования, специально посвященные редукции согласных [Fougeron, Keating 1997; Manuel, Shattuck-Hufnagel, Huffman, Stevens, Carlson, Hunnicutt 1992; van Son, Pols 1996; van Son, Pols 1999]. Среди их результатов можно выделить то, что (фонетически) редуцированные согласные характеризуются рядом акустических особенностей¹⁰. В упомянутых статьях также рассматривается влияние темпа и регистра речи, а также просодической позиции на вероятность редукции согласных.

В русистике в качестве примера редукции согласных нередко приводится аллофоническое варьирование йота. Так, в [Колесникова 2024: 56] находим утверждение о том, что «редукция в области согласных ограничена ослаблением звукотипа [j], который в качестве согласного встречается в единственной позиции — перед ударным гласным. Во всех остальных позициях он редуцируется либо до неслогового гласного / аппроксиманта [ɨ], либо вообще до нуля» (ср. аналогичное указание на редукцию йота в [Князев, Пожарицкая 2012: 57]). Если принять, что для произнесения шумного согласного требуется больше речевых усилий, чем для аппроксиманта, то этот пример действительно иллюстрирует фонетическую (артикуляционную в терминах С. В. Князева) редукцию. Тем не менее нельзя согласиться с тем, что этот пример единственный в русском языке. Аналогичные колебания регулярно наблюдаются и для фонем /в/ и /в'/, реализуемых в виде аппроксимантов в беглой речи [Yanushevskaya, Bunčić 2015: 223]. К фонетической редукции можно было бы отнести и произношения типа [ш':] вместо [ш'ч']¹¹ (т. е. утрату смычки аффрикатой) в сочетаниях типа *с чем*, а также ряд других примеров.

6. Выводы, или Не стоит ли редуцировать редукцию?

Итак, применительно к русскоязычной традиции было бы уместно отказаться от чрезмерного и непрактичного противопоставления *качественной* и *количественной* редукции в пользу более содержательного

¹⁰ Изменяются локусные значения второй форманты; длительность сокращается пропорционально гласным; уменьшается спектральный центроид (но не у взрывных).

¹¹ Стоит отметить, что в современной разговорной речи возможно и произношение [с^(ʰ)ч'].

разговора о соответствующих фонетических и фонологических процессах. Не следует и заикливаться на гласных, как бы показательны их чередования в русском языке ни были. Связанные с редукцией явления касаются не только гласных, но и согласных, и этому необходимо уделять должное внимание.

По аналогии с заключением Хаспельмата о маркированности, предлагается отказаться от использования термина *редукция* без предварительных пояснений, что под ним подразумевается. Последнее вовсе станет ненужным, если вместо пространного *окончание в этом спряжении редуцировалось* прямо сказать: утратилось; вместо неоднозначного *в итальянском языке нет редукции гласных* однозначно сказать: чередования гласных в безударных позициях не происходит; и т. д. За время существования науки о языке полной и общепринятой концепции редукции придумано так и не было. В связи с этим неудивительно, что термин де-факто потерял (или так и не нашел?) свой практический смысл. Надежды на то, что в лингвистическом узусе *редукция* таки обретет точное, терминологическое значение, как кажется, нет, и даже наблюдается противоположный процесс, т. е. приобретение обиходного смысла, ср. пример из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru):

По логике вещей, старшие носят вирус младшим, младшие к 3 годам успевают всей этой “радостью” переболеть и, по идее, должны к саду уже не болеть или болеть меньше? 😊 Подумываю **редуцировать** садик из жизни дочери...

[Екатерина Тамарина. Безудержное Материнство Дом (07.01.2017)]

Когда термин имеет как минимум 21 значение и требует интуиции для своего понимания, это верный знак, что его пора *редуцировать*.

Литература

- Андронов А. В. О функциональных характеристиках ударного слога [Рукопись]. СПб., 2013.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
- Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. 175 с.
- Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р. Акустические характеристики безударности (на материале русского языка) // Избранные статьи / Под ред. Н. В. Богдановой-Бегларян, Н. Д. Светозаровой. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2022. С. 64–79.

- Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2012. 430 с.
- Колесникова С. М. Современный русский язык в 3 т. Т. 1. Фонетика. Орфография. Лексикология. Словообразование. М.: Юрайт, 2024. 383 с.
- Макаров Ю. Ю. Редукция: краткая история понятия (XVIII–XX вв.) // Русская речь. 2025. № 1. С. 65–82.
- Макарова Т. Н. Фонетика испанского языка. Вводный курс. СПб.: КАРО, 2005. 176 с.
- Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М.: Просвещение, 1976. 288 с.
- Пичугина Р. Н. Учебник итальянского языка для вузов искусств. М.: Высшая школа, 1977. 311 с.
- Попова И. Н., Казакова Ж. А., Ковальчук Г. М. Французский язык: учебник для I курса институтов и факультетов иностранных языков. М.: Нестор Академик, 2009. 21-е изд. 576 с.
- Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1983. 155 с.
- Andersen H. Consonant Reduction in Russian // The Language and Verse of Russia / Под ред. H. Birnbaum, M. S. Flier. М.: Восточная литература РАН, 1995. С. 19–30.
- Bates S. A. R. Towards a definition of schwa: An acoustic investigation of vowel reduction in English, 1995. 368 p.
- Bergem D. R. van. Acoustic and Lexical Vowel Reduction. Barcelona, 1991. P. 1–5.
- Fletcher J. The Prosody of Speech: Timing and Rhythm / Eds. W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon. Vol. 1. Wiley, 2010. P. 521–602.
- Fougeron C., Keating P. A. Articulatory strengthening at edges of prosodic domains // The Journal of the Acoustical Society of America. 1997. Vol. 101. № 6. P. 3728–3740.
- Fourakis M. Tempo, stress, and vowel reduction in American English // The Journal of the Acoustical Society of America. 1991. Vol. 90. № 4. P. 1816–1827.
- Gimson A. C., Ramsaran S. An Introduction to the Pronunciation of English. 4th ed. London; New York; Melbourne; Auckland: Edward Arnold, 1989. 364 p.
- Girdenis A. Theoretical Foundations of Lithuanian Phonology. 2nd ed. Vilnius: Vilnius University, 2014. 413 p.
- Harrington J. Acoustic Phonetics // The Handbook of Phonetic Sciences / Eds. W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon. Vol. 1. Wiley, 2010. P. 81–129.
- Haspelmath M. Against markedness (and what to replace it with) // Journal of Linguistics. 2006. Vol. 42. № 1. P. 25–70.
- Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies // Language. 2010. Vol. 86. № 3. P. 663–687.
- Haspelmath M. Defining the word // Word. 2023. Vol. 69. № 3. P. 283–297.
- Honeybone P. Lenition, weakening and consonantal strength: tracing concepts through the history of phonology // Lenition and Fortition Studies in Generative Grammar / Eds. J. Brandão de Carvalho, T. Scheer, P. Ségéral. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008. P. 9–92.

- Iosad P. Vowel reduction in Russian: No phonetics in phonology // *Journal of Linguistics*. 2012. Vol. 48. № 3. P. 521–571.
- Laver J. *Principles of phonetics*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1994. 707 p.
- Lindblom B. Spectrographic Study of Vowel Reduction // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1963. Vol. 35. № 11. P. 1773–1781.
- Manuel S. Y., Shattuck-Hufnagel S. I., Huffman M. K., Stevens K. N., Carlson R., Hunnicutt S. Studies of vowel and consonant reduction // *Proceedings of the 1992 International Conference on Spoken Language Processing* / Eds. J. J. Ohala, T. M. Nearey, B. L. Derwing, M. M. Hodge, G. E. Wiebe. Edmonton, Canada: University of Alberta, 1992. P. 943–946.
- Padgett J., Tabain M. Adaptive Dispersion Theory and Phonological Vowel Reduction in Russian // *Phonetica*. 2005. Vol. 62. № 1. P. 14–54.
- Rice K. Featural markedness in phonology: variation // *The Second Glot International State-of-the-Article Book* / Eds. L. Cheng, R. Sybesma. Berlin; New York: De Gruyter, 2003. P. 389–430.
- Son R. J. J. H. van, Pols L. C. W. An acoustic profile of consonant reduction // *Proceedings of Fourth International Conference on Spoken Language Processing. ICSLP '96*. Philadelphia, PA, USA: IEEE, 1996. P. 1529–1532.
- Son R. J. J. H. van, Pols L. C. W. An acoustic description of consonant reduction // *Speech Communication*. 1999. Vol. 28. № 2. P. 125–140.
- Yanushevskaya I., Bunčić D. Russian // *Journal of the International Phonetic Association*. 2015. Vol. 45. № 2. P. 221–228.

References

- Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1966. 607 p.
- Andersen H. Consonant Reduction in Russian. *The Language and Verse of Russia*. Eds. H. Birnbaum, M. S. Flier. Moscow, Vostochnaya Literatura RAN Publ., 1995, pp. 19–30. (In Eng.)
- Andronov A. V. *O funktsional'nykh kharakteristikakh udarnogo sloga* [On the functional characteristics of the stressed syllable]. [The manuscript]. St. Petersburg, 2013.
- Bates S. A. R. *Towards a definition of schwa: An acoustic investigation of vowel reduction in English*, 1995. 368 p.
- Bergem D. R. van. Acoustic and Lexical Vowel Reduction. *Barcelona*, 1991, pp. 1–5. (In Eng.)
- Bondarko L. V. *Zvukovoi stroi sovremennogo russkogo yazyka* [Sound system of the modern Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977. 175 p.
- Bondarko L. V., Verbitskaya L. A., Zinder L. R. [Acoustic characteristics of unstressedness (in Russian)]. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Eds. N. V. Bogdanova-Beglaryan, N. D. Svetozarova. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2022, pp. 64–79. (In Russ.)
- Fletcher J. The Prosody of Speech: Timing and Rhythm. *The Handbook of Phonetic Sciences*. Eds. W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon. Wiley, 2010, vol. 1, pp. 521–602. (In Eng.)

- Fougeron C., Keating P.A. Articulatory strengthening at edges of prosodic domains. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 1997, vol. 101, no. 6, pp. 3728–3740. (In Eng.)
- Fourakis M. Tempo, stress, and vowel reduction in American English. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 1991, vol. 90, no. 4, pp. 1816–1827. (In Eng.)
- Gimson A. C., Ramsaran S. *An Introduction to the Pronunciation of English*. 4th ed. London; New York; Melbourne; Auckland, Edward Arnold Publ., 1989. 364 p.
- Girdenis A. *Theoretical Foundations of Lithuanian Phonology*. 2nd ed. Vilnius, Vilnius University Publ., 2014. 413 p.
- Harrington J. Acoustic Phonetics. *The Handbook of Phonetic Sciences*. Eds. W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon. Vol. 1. Wiley, 2010, pp. 81–129. (In Eng.)
- Haspelmath M. Against markedness (and what to replace it with). *Journal of Linguistics*, 2006, vol. 42, no. 1, pp. 25–70. (In Eng.)
- Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. *Language*, 2010, vol. 86, no. 3, pp. 663–687. (In Eng.)
- Haspelmath M. Defining the word. *Word*, 2023, vol. 69, no. 3, pp. 283–297. (In Eng.)
- Honeybone P. Lenition, weakening and consonantal strength: tracing concepts through the history of phonology. *Lenition and Fortition Studies in Generative Grammar*. Eds. J. Brandão de Carvalho, T. Scheer, P. Ségéral. Berlin; New York, Mouton de Gruyter, 2008, pp. 9–92. (In Eng.)
- Iosad P. Vowel reduction in Russian: No phonetics in phonology. *Journal of Linguistics*, 2012, vol. 48, no. 3, pp. 521–571. (In Eng.)
- Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K. *Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk* [Modern standard Russian language]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ.; Gaudeamus Publ., 2012, vol. 2. 430 p.
- Kolesnikova S. M. *Sovremennyi russkii yazyk: v 3 t. T. 1. Fonetika. Orfografiya. Leksikologiya. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language in 3 vols. Vol. 1. Phonetics. Orthography. Lexicology. Word formation]. Moscow, Yurait Publ., 2024. 383 p.
- Laver J. *Principles of phonetics*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 1994. 707 p.
- Lindblom B. Spectrographic Study of Vowel Reduction. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 1963, vol. 35, no. 11, pp. 1773–1781. (In Eng.)
- Makarov Y. [Reduction: A Brief History of the Concept (18th–20th Centuries)]. *Russkaya Rech'*, 2025, no. 1, pp. 65–82. (In Russ.)
- Makarova T. N. *Fonetika ispanskogo yazyka. Vvodnyi kurs* [Phonetics of Spanish: An introductory course]. St. Petersburg, KARO Publ., 2005. 176 p.
- Manuel S. Y., Shattuck-Hufnagel S. I., Huffman M. K., Stevens K. N., Carlson R., Hunnicutt S. Studies of vowel and consonant reduction. *Proceedings of the 1992 International Conference on Spoken Language Processing*. Eds. J. J. Ohala, T. M. Nearey, B. L. Derwing, M. M. Hodge, G. E. Wiebe. Canada, University of Alberta Publ., 1992, pp. 943–946. (In Eng.)
- Matusevich M. I. *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1976. 288 p.

- Padgett J., Tabain M. Adaptive Dispersion Theory and Phonological Vowel Reduction in Russian. *Phonetica*, 2005, vol. 62, no. 1, pp. 14–54. (In Eng.)
- Pichugina R. N. *Uchebnik ital'yanskogo yazyka dlya vuzov iskusstv* [Textbook of Italian for art universities]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1977. 311 p.
- Popova I. N., Kazakova Zh. A., Koval'chuk G. M. *Frantsuzskii yazyk: uchebnik dlya I kursa institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* [French: A textbook for the first-year students of institutes and faculties of foreign languages]. Moscow, Nestor Akademik Publ., 2009. 576 p.
- Rice K. Featural markedness in phonology: variation. *The Second Glot International State-of-the-Article Book*. Eds. L. Cheng, R. Sybesma. Berlin; New York, De Gruyter Publ., 2003, pp. 389–430. (In Eng.)
- Shcherba L. V. *Russkie glasnye v khachestvennom i kolichestvennom otnoshenii* [Russian vowels in their qualitative and quantitative relationships]. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad Branch, 1983. 155 p.
- Son R. J. J. H. van, Pols L. C. W. An acoustic description of consonant reduction. *Speech Communication*, 1999, vol. 28, no. 2, pp. 125–140. (In Eng.)
- Son R. J. J. H. van, Pols L. C. W. An acoustic profile of consonant reduction. *Proceedings of Fourth International Conference on Spoken Language Processing*. ICSLP '96. Philadelphia, PA, USA, IEEE Publ., 1996, pp. 1529–1532. (In Eng.)
- Yanushevskaya I., Bunčić D. Russian. *Journal of the International Phonetic Association*, 2015, vol. 45, no. 2, pp. 221–228. (In Eng.)

Прописная или строчная? Некоторые факторы орфографического нормирования

Ия Вениаминовна Нечаева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), inechaeva@mail.ru

DOI: 10.7868/53034592826020035

аннотация: Речь идет о некоторых языковых факторах, влияющих на употребление прописной графемы, которые работают не на всем лексическом материале, а только на некоторых категориях наименований. Фактор семантизации связан с приобретением некоторыми собственными именами нарицательных значений (путем метонимического либо метафорического переноса); при этом некоторые имена понижают регистр, а другие сохраняют прописную (*оливье* ‘салат’, *наполеон* ‘торт’, но *Гулливер* ‘человек высокого роста’ или *перен.* ‘масштабная личность’), *Чернобыль* ‘ядерная катастрофа’). Фактор десемантизации (утраты наименованием словарного лексического значения) также орфографически неабсолютен. Его влияние на правописание подтверждают примеры *Голая Пристань* (город), *Охотный Ряд* (улица), *Марьино Роца* (район), *Стрелка* (район в Нижнем Новгороде). Однако в некоторых случаях появляются орфографические колебания — например, тогда, когда индивидуальное название превращается в название серии объектов (*сапсан* ~ «*Сапсан*», «*метеор*» ~ «*Метеор*» и др.). Фактор плюральности связан с обобщенным употреблением; считается, что поэтому он работает на понижение буквенного регистра, особенно при наличии отрицательной оценки. Однако неединичные узловые примеры таких обобщений не подтверждают данную тенденцию (ср. *Швондеры* и *Шариковы*, *выросшие Поттеры*).

Иконический фактор не всегда отличают от аксиологического фактора, который является научно не признанным, однако оба фактора имеют определенное действие (по отношению к самым значимым событиям, глобальным установлениям, некоторым священным понятиям и др.). Фактор аббревиации также действует избирательно: вопреки правилу, все чаще звуковые аббревиатуры оформляются в современном письме без прописных (*ковид*, *vip*, *пин-код*, иногда *спид*). Фактор фразеологизации касается, к примеру, названий, у которых родовое слово находится в препозиции и неотделимо от собственно названия (*А/аллея звезд*, *в/Война Алой и Белой розы*). Фактор инографики работает в отношении номинаций, оформленных латиницей в кириллическом тексте. Он касается товарных знаков, эргонимов и др.

ключевые слова: орфография, прописная буква (графема), строчная буква (графема), факторы нормирования, семантизация, десемантизация, иконичность, аббревиация, инографика

для цитирования: Нечаева И. В. Прописная или строчная? Некоторые факторы орфографического нормирования // Русская речь. 2026. № 2. С. 35–48. DOI: 10.7868/S3034592826020035.

Issues of Modern Russian Language

Uppercase or Lowercase? Some Factors in Spelling Normalization

Iya V. Nechaeva, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), inechaeva@mail.ru

ABSTRACT: The article examines several linguistic factors that affect the use of the uppercase grapheme, which do not apply to all lexical material but only to certain categories of names. The semantization factor is associated with the acquisition of common meanings by some proper names through metonymic or metaphorical transfer; however, some names shift to lowercase,

while others retain capitalization (*оливье* ‘salad’, *наполеон* ‘cake’, but *Гулливер* ‘tall man’, *Чернобыль* ‘nuclear disaster’). The factor of desemantization (loss of vocabulary meaning by the name) is also not orthographically absolute. Its influence on spelling is confirmed by the examples of *Голая Пристань* (city), *Охотный Ряд* (street), *Марьино Поле* (district), *Стрелка* (district in Nizhny Novgorod). However, in some cases spelling variation occurs: for example, when an individual name turns into the name of a series of objects (*сапсан* ~ “*Сапсан*”, “*метеор*” ~ “*Метеор*”, etc.). The plurality factor is associated with generalized usage; therefore, it is assumed that it promotes lowercase spelling, especially in the presence of negative evaluative connotation. However, frequent non-unique examples of such generalization do not consistently confirm this tendency (cf. *Швондеры* и *Шариковы*, *выросшие Поттеры*).

The iconic factor is not always distinguished from the axiological factor, has not been fully recognized in linguistic theory, but both factors have a certain effect (with regard to major events, global institutions, and some sacral concepts). The abbreviation factor also acts selectively: contrary to the rule, an increasing number of phonetic abbreviations in modern writing are formed without capital letters (*ковид*, *вип*, *пин-код*, sometimes *спид*). The phraseologization factor concerns, for example, names in which the generic term precedes the proper name and is inseparable from it (*А/аллея звезд*, *в/Война Алой и Белой розы*). The foreign-language factor applies to nominations written in Latin letters within Cyrillic texts; it primarily concerns trademarks, ergonyms, and similar names.

KEYWORDS: spelling, capital letter (grapheme), lowercase letter (grapheme), normalization factors, semantization, desemantization, iconicity, abbreviation, foreign graphics

FOR CITATION: Nechaeva I. V. Uppercase or Lowercase? Some Factors in Spelling Normalization. *Russian Speech = Russkaya Rech’*. 2026. No. 2. Pp. 35–48. DOI: 10.7868/S3034592826020035.

В графической оппозиции прописная ~ строчная на выбор правильного написания влияют различные языковые факторы в зависимости от категории имени собственного. Опыт работы над созданием современных правил употребления прописной позволяет сделать некоторые обобщения на этот счет.

Имеется в виду прописная буква (графема) в выделительной функции, т. е. не связанная с началом высказывания, а связанная со статусом выделяемого в тексте слова или составного наименования. Надо сказать, что среди условий, влияющих на правописание, обнаруживаются факторы общего применения и факторы ограниченного действия. Некоторые соображения, относящиеся к факторам общего применения (узальному, парадигматическому, дистрибутивному и фактору экономии), были изложены в статье [Нечаева 2017: 450–457]. Настоящая же работа представляет собой попытку рассмотреть факторы ограниченного действия, которые работают не на всем лексическом материале, а лишь на некоторой его части.

Основной общепринятый принцип употребления прописной графемы — это соответствие понятию имени собственного, широко понимаемому. По общему правилу все однословные собственные имена пишутся с прописной буквы; в неоднословных именах и наименованиях с прописной пишется, как правило, первое слово и входящие в это наименование собственные имена (кроме антропонимов и топонимов, у которых с прописной обычно пишутся все составляющие их компоненты). Однако мы видим, что при том многообразии онимического и пограничного с ним материала, которое имеет место в современном русском языке, общих установок недостаточно.

Рассмотрим следующий ряд факторов:

- фактор семантизации,
- фактор десемантизации,
- фактор плюральности,
- иконический фактор,
- аксиологический фактор,
- фактор аббревиации,
- фактор фразеологизации,
- фактор инографии.

1. Фактор семантизации. В классическом понимании имя собственное не связано с понятием и функционально предназначено лишь для выделения объекта из ряда подобных, его индивидуализации. «Наиболее типичные имена являются немотивированными этикетками» [Березович 2001: 41]. Поэтому фактор семантизации (приобретения именем нарицательного лексического значения) орфографически значим. Всем известны примеры перехода имен собственных в нарицательные, чаще всего по принципу метонимии (это эпонимы *оливье* [по имени ресторатора Л. Оливье], *наполеон* [торт, по имени французского императора], *сэндвич* [от титула Дж. Монтегю, графа Сэндвичского], *чеддер* [по месту первоначального производства — деревне Чеддер в Англии], *боржом* [по названию

города-курорта в Грузии], *палех* [по названию поселка в Ивановской области], *катюша* [ракетная установка], *макаров* [пистолет], *иван-да-марья* [растение], *кардиган* [по имени графа Кардигана, которому приписывают изобретение данного предмета одежды], *гобелен* [по названию французской королевской мануфактуры Гобеленов] и т. д.); подробнее см. [Нечаева 2023: 123–124]. Эти номинации уже закрепились в языке и, как правило, не вызывают вопросов.

Однако в современных метафорических употреблении типа *Гулливер* (человек высокого роста или *перен.* масштабная личность), *Чернобыль*, *Хиросима* (ядерная катастрофа), *Сталинград* (жестокая кровопролитная битва), *Олимп* (среда обитания тех, кто достиг высокого положения), *Плюшкин* (скряга), *Казанова* (соблазнитель, герой любовных приключений), *Каин* (братоубийца) и т. д. прописная обычно сохраняется. Примеры из «Национального корпуса русского языка»:

— *В сравнении с суперзвездами спринта вы кажетесь настоящим Гулливером. Может быть, именно высокий рост мешает добиться больших успехов? — Согласен, у большинства элитных спринтеров маленький рост, и это дает определенное преимущество.* С. Подушкин. Дмитрий Дорофеев: «Придется бить рекорд России» // «Известия», 2002.01.28

Ефремов был особой, особенной личностью, человеком крупным и мощным, Гулливером, — зачем же к нему с липутскими мерками и судом? «Когда разгуляется»-2 // «Известия», 2001.10.01

Была Лиля, которая слышала по радио торжественное заседание в Москве, где говорилось, что вся Украина освобождена от немцев, а на юге Украины их ожидает второй Сталинград. В. А. Швец. Дневник (1944)

Когда-нибудь я наверняка поднимусь на теннисный Олимп. Ромульд Шидловский. Кто хочет стать первой ракеткой. Лейтон Хьюитт проявляет большее рвение, чем Андре Агасси // «Известия», 2001.11.14

Друзья, — сказал Скворцов, — вы недооцениваете человека. Перед вами — Казанова лихареvского масштаба. Каждый вечер он бреется с риском для здоровья, надевает галстук-бабочкой системы «смерть девушкам» и уходит на поиски любовных утех... И. Грекова. На испытаниях (1967)

Судя по узусу, наличие явной метафоричности не требует обязательного понижения буквенного регистра. Строчная в подобных контекстах также встречается, но несколько реже¹. В любом случае наличие колебаний

¹ Точное статистическое соотношение вариантов установить проблематично, поскольку для этого необходим сбалансированный источник узуальных употреблений, коим НКРЯ не является. Можно лишь отметить наличие тех и иных вариантов с преимуществом у прописной графемы. Варианты со строчной приходится искать целенаправленно, но вот один из них: *Гуров, открывший обитую коричневой кожей дверь кабинета генерала, задержался и позвал Стаса: — Ну ты, казанова! Опять завис? А руководство будет ждать?* А. Макеев, Н. Леонов. Эхо дефолта (2000–2004).

говорит о том, что мы имеем дело с фактором ограниченного действия. Учитывая узус, мы не можем в правилах настаивать на строчной графеме, несмотря на наличие очевидной переносности значения.

Пожалуй, только *иуда* может считаться достаточно освоенным нарицательным с частотным написанием со строчной, но и здесь колебания сохраняются:

*Надеюсь, вам известен общий принцип справедливого общества, что всякий труд должен быть оплачен? Так вот, завтра каждый **Иуда** будет получать свои серебрянники за третий квартал этого года.* Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26–51 (1968) // «Новый Мир», 1990
*Кричал на каждого строителя («Ты как кирпич кладешь, **иуда**?!).* Гузель Яхина. Дети мои (2018)

В последнем примере, судя по всему, выбор строчной определяется бранным употреблением имени со стертой метафоричностью значения.

2. Противоположным предыдущему фактору является фактор десемантизации (утраты по историческим причинам словарного лексического значения); он должен приводить к повышению буквенного регистра. Так и происходит в случае с названиями *Голая Пристань* (город), *Охотный Ряд* (улица), *Бочаров Ручей* (дача, резиденция), *Лосиный Остров* (лесной массив), *Маршалловы Острова* (государство), *Марьино Роцца* (район) и т. п. То же касается однословных названий: *Орел*, *Остров* (города), *Яр²* (поселок), *Стрелка* (район в Нижнем Новгороде). Существует и масса других вторичных номинаций, образованных с помощью нарицательных слов: прозвища (*Рыжий*, *Зайка*, *Киса*, *Лапа*, *Малыш...*), товарные наименования (*салат «Айсберг»*, *порошок «Миф»*, *автомобиль «Ягуар»*, *реактивная установка «Град»...*) и др. Колебания появляются тогда, когда название перестает быть индивидуальным и превращается в название серии объектов, например поезда *сапсан* ~ «*Сапсан*», *ласточка* ~ «*Ласточка*», суда *метеор* ~ «*Метеор*», *ракета* ~ «*Ракета*», *комета* ~ «*Комета*», *мистраль* ~ «*Мистраль*», в отличие от таких индивидуальных названий, как пароход «*Титаник*», ледокол «*Лидер*», поезда «*Красная стрела*», «*Янтарь*» и т. п. Примеры подобных колебаний (иногда даже в одном и том же источнике):

В «Сапсане» было уютно. Донцов не раз летал на нем в Питер и обратно, используя дорожное время для решения головняков, какими наполнена жизнь бизнесмена. Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019

² Яр — из тюркского: крутой, обрывистый склон; овраг, лощина.

Донцов, с закрытыми глазами сидя в кресле «сапсана», невольно улыбаясь, вспомнил один из ее монологов. Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019

Он тоже поедет на Метеоре в Петергоф. Иван Артцишевский: «Президенты — тоже люди» // «Известия», 2001.06.28

До утра «метеор» мерно бился бортом о причал, а над водами носился хорошо поставленный Каринин стон. Ю. М. Поляков. Любовь в эпоху перемен (2015)

3. **Фактор плюральности (множественности).** Считается, что этот фактор работает на понижение буквенного регистра. В справочнике Д. Э. Розенталя приводится такое правило: «если индивидуальные названия людей употребляются в обобщенном смысле как родовые обозначения (обычно они имеют при себе определения и несут отрицательную оценку), то они пишутся со строчной буквы, напр.: *квислинги* (коллорабационисты), *новые эдисоны*, *новоиспеченные хусейны*» [Розенталя, Джанджакова, Кабанова 2018: 24]. Обобщенный смысл обычно предполагает употребление в плюральной форме. Поэтому сформировалось представление, что множественное число понижает буквенный регистр.

В «Полном академическом справочнике» понижение регистра «допускается как экспрессивно-стилистический прием, чаще всего с целью усиления отрицательной или иронической оценки лица: *современные чичиковы, азефы, робеспьеры, новоявленные геббельсы* и т. п.» [Лопатин (ред.) 2009: 146]. Очевидно, что в настоящее время уже мало кто помнит, кто такие *азефы* и *квислинги*, да и с *эдисонами*, скорее всего, дело обстоит немногим лучше. А как пишутся во множественном числе «герои» нашего времени? И как быть, если обобщение есть, а отрицательная оценка отсутствует? Обратимся к узусу:

Видимо, там есть не только Павлы Корчагины, но и Швондеры и Шариковы. Антон Филатов. «Остров Крым» не хочет иметь ничего общего с Москвой // «Известия», 24.12.2007

Вглядитесь в лицо Бенедикта Камбербэтча — современного Шерлока Холмса из сериала ВВС — или Джесси Айзенберга в роли Марка Цукерберга из «Социальной сети» Дэвида Финчера. Это же выросшие Поттеры. Впрочем, Поттеры не растут. Сага о магах // «Коммерсант», 15.11.2010

Словом, нельзя исключить того, что очень скоро безответная любовь исчезнет из человеческого обихода. И все мужчины превратятся в пылких Ромео, а всякие Дон Жуаны и Казановы отправятся в исторический музей. Дон Жуана — на свалку истории! // «Известия», 05.10.2001

*Тут же крутились и безусые юнцы, и усатые солидные дяди, и возбужденные подреберным бесом седобородые **казановы**.* Григорьев Роман. Как удержать мужа дома // «Труд-7», 05.12.2002

Мы видим, что как при выраженной отрицательной оценке (*Швондеры, Шариковы*), так и без нее (*Павлы Корчагины, Поттеры*) прописная может сохраняться (при наличии прагматического фактора знания о денотате). Но одновременно может и развиваться вариативность (*Казановы ~ казановы*). Потому фактор плюральности также имеет ограниченное действие.

4. **Иконический фактор.** Под иконичностью понимается свойство языкового знака, проявляющееся в наличии между его двумя сторонами, означающим и означаемым, некоторого материального или структурного подобия. Это свойство может быть проявлено на разных уровнях языка (см. [Сигал 1997: 100–119]). Применительно к нашей теме это понимается так: названия масштабных явлений требуют обозначения с помощью большой буквы. Письменная практика постоянно предоставляет нам свидетельства того, что этот фактор работает. Поскольку в стандартном тексте большая часть слов состоит из строчных графем, употребление прописной может создавать иллюзию не рядового явления, а исключительного, как бы возвышающегося над своим окружением (что поддерживается и визуальным впечатлением). Самые значимые международные институты (*Организация Объединенных Наций*), великие исторические события (*Великая Отечественная война*), названия крупных надгосударственных объединений (*Содружество Независимых Государств*) и др. имеют прописные во всех своих компонентах (кроме родовых наименований); многие религиозные понятия также отмечены повышением регистра. Вопреки унификации пишут с двумя прописными *Стена Плача* (хотя *Стена коммунаров ~ стена Коммунаров* — с одной³) из тех же соображений:

*Иерусалим разделен колючей проволокой, иорданцы не пропускают евреев к **Стене Плача**, и школьникам о ней рассказывают на специальном уроке, привозя классы на некую горку, с которой виден краешек этой самой святыни.* Дина Рубина. Медная шкатулка (2011–2015)

*Увидел, наконец, **Стену коммунаров** — сохранился кусок старой стены и в ней как бы высеченные лица.* С. Н. Есин. Дневник (1995)

*График времяпрепровождения был сугубо коллективный и отклонений не допускал: кладбище Пер-Лашез и **стена Коммунаров** — один час, музей Ленина на улице Мари-Роз — два часа <...>.* Михаил Веллер. Хочу в Париж (1990)

³ Вариативностью здесь отмечен выбор компонента, подлежащего выделению, но не количество таких компонентов.

5. Близок к иконическому, но не идентичен ему аксиологический фактор, или фактор положительной оценки либо подчеркнутого уважения. Основанный на нем критерий орфографического выбора является лингвистически не признанным. Об этом писали и В. Ф. Иванова, и Н. А. Еськова, и другие лингвисты:

«Поскольку основная семантическая функция прописных и строчных букв состоит в том, чтобы разграничивать имена собственные и нарицательные, то правило об употреблении прописных и строчных букв в собственных именах, несомненно, следует формулировать с учетом степени нарицательности, а не от “положительности” или “отрицательности” называемых героев» [Иванова 1975: 107].

«Мы сталкиваемся здесь с отражением очень давнего наивного представления, что прописная буква помогает выразить уважение к тому или иному лицу или идее. Оно давно высмеяно, в числе других — Белинским и Добролюбовым. Последний писал: “Всякому мыслящему человеку ясна, конечно, вся нелепость и фантастичность подобного способа выражать свое почтение, и этого, конечно, никто не станет приводить в защиту прописных букв, тем более, что уничижительные Ваньки и Петрушки все-таки остаются с В и П большими и, следовательно, обличают почтительных грамотеев в непоследовательности”» [Еськова 1965: 151–152].

Тем не менее этот фактор на практике работает. Так, названия должностей (высоких и не очень) и учрежденческих подразделений в современных текстах частотно пишутся с прописной вопреки действующим правилам, с чем постоянно приходится сталкиваться в деловой переписке. Ср. свидетельство Н. Т. Валеевой по поводу написания *Мэр*, которая, приводя немало примеров, резюмирует: «По-видимому, к такому написанию не слишком грамотных журналистов и корректоров подталкивает интуитивное восприятие фигуры столичного градоначальника как чрезвычайно масштабной и значимой» [Валеева 2014: 278]. Дело здесь не в недостаточной грамотности, а в ментальных особенностях, отражающихся в языке: уважение к власти имущим требует, по мнению пишущего, графического подтверждения такого уважения. В юридической и коммерческой документации договаривающиеся стороны также обозначаются прописной буквой, что является общепринятой нормой. Следует признать, что позиция лингвистов все же несколько противоречива: ведь используем же мы прописную при обращении Вы в знак уважения. Поэтому не будем списывать со счетов аксиологический фактор, хотя его действие и ограничено.

6. Фактор аббревиации. Аббревиация, сведение слова к букве не всегда означает ее капитализацию (capital letter). Так, аббревиатурные имена пишутся не по правилам аббревиатур, а по правилам написания личных имен. Примеры: *Ким* (от Коммунистический интернационал молодежи: не *КИМ*), *Марлен* (от Маркс, Ленин, не *МарЛен*), *Мэлс* (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, не *МЭЛС*), *Рем* (от революция мировая, не *РеМ*), *Вилен* (от Владимир Ильич Ленин, не *ВИЛен*), *Владлен* (от Владимир Ленин, не *ВладЛен*), *Вилора* (от Владимир Ильич Ленин — организатор революции, не *ВИЛОРа*), *Рада* (от рабочая демократия, не *РаДа*) пишутся с одной прописной в начале слова, и это правильно. Их аббревиатурность зачастую уже не осознается. Но ослабление этого фактора в отношении оппозиции прописная ~ строчная проявляется не только у личных имен.

По правилам «звуковые инициальные аббревиатуры пишутся прописными буквами, напр.: *ООН, МИД, НОТ, ОМОН, ГАИ, СПИД, ГЭС, ГРЭС*. По традиции пишутся строчными буквами некоторые (немногие) звуковые аббревиатуры: *вуз, втуз, дот, дзот*. Отдельные звуковые аббревиатуры могут писаться и прописными и строчными буквами, напр.: *НЭП* и *нэп*, *ЗАГС* и *загс*» [Лопатин (ред.) 2009: 168] (§ 205). То же касается и заимствованных аббревиатур (§ 207). К чему приводит следование этому правилу, мы можем видеть на страницах «Русского орфографического словаря», где, например, сложения с аббревиатурой *ВИП-* (*ВИП-зона, ВИП-клиент, ВИП-персона, ВИП-тусовка* и др.) — такие своего рода слова-кентавры — занимают почти целый столбец [Лопатин, Иванова (ред.) 2018: 83].

Между тем утверждение о том, что лишь немногие звуковые аббревиатуры пишутся со строчной буквы, пора уже поставить под сомнение. Список таких слов постепенно растет. Так, *пин-код* [**p**ersonal **i**dentification **n**umber], *ковид* [**c**orona **v**irus **d**isease], *vip* [**v**ery **i**mportant **p**erson] (и все сложения с ними), а также *спид* как нарицательные слова в узусе нередко обходятся без прописной, вопреки правилу. Вот такие примеры можно найти в «Национальном корпусе русского языка»:

*Вскоре был поставлен страшный диагноз: **спид**, от которого он умирает...* Василий Катанян. Лоскутное одеяло (1980–1989)

*Он также отметил, что выплаты назначаются в том случае, если медик сам пострадает при оказании помощи пациенту с **ковидом**. Кабин мин направит 3,5 млрд рублей на страхование медиков при работе с **ковид-больными*** // «Ведомости», 2021.12.28

*«Мне представлялось, что это будет зажавшийся богачей, которому нужна в подругу непременно победительница конкурса “Краса России” — для **vip-эскорта**, как это тогда называлось».* А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009

Сегодня, когда родителей нет дома, это будет их личный кинотеатр на двоих, с вип-местами. Владимир Панкратов. Шестое января, вторник // «Волга», 2015

Говорить об устойчивом написании со строчной буквы пока не приходится (за исключением, может быть, *ковида*), но есть колебания, для разных слов в разной степени проявляющиеся. Особенно это касается слова *vip*. Следовательно, фактор аббревиации также не является безусловным при выборе написания.

7. Фактор фразеологизации, назовем его так (понимая под фразеологизацией процесс приобретения словосочетанием фразеологической устойчивости). Это явление очень затрудняет жизнь орфографиста-кодификатора и на узуальном уровне способствует появлению колебаний. Происходит это тогда, когда имя собственное сопровождается родовым наименованием или определением, которые трудноотделимы от собственно названия, что вызывает вопросы по употреблению прописной. Соответственно имеют место два различных случая.

Адъективные конструкции. Название имеет устойчивое определение, выполняющее классифицирующую функцию. Примеры: *р/Раннее Возрождение, п/Позднее Возрождение, с/Северное Возрождение, з/Зимняя Олимпиада, л/Летняя Олимпиада, б/Белая Олимпиада*, которые справедливо воспринимаются как цельные названия. Прописная в собственно названии (второй компонент) утрачена быть не может, но существует обычай помечать первое слово, поэтому в узусе нередко встречаются две прописных. Мы не рекомендуем это делать в правилах, однако без категорического императива, и будем наблюдать за такими номинациями дальше. Существуют также названия, в которых определение становится смыслообразующим, уточняя или преобразуя значение исходного компонента: *старый Новый год, «б/Большая семерка», б/Бедная Лиза, м/Маленькая разбойница* и т. п.

Генитивные конструкции. Фактор фразеологизации работает тогда, когда родовое наименование в препозиции (которое по правилам пишется со строчной) настолько слито с собственно названием, что последнее без него не может употребляться. В узусе такие названия часто имеют прописную в первом слове. Вот примеры из различных лексико-семантических групп: *в/Война Севера и Юга, в/Война Алой и Белой розы; долина Десяти Пиков / Долина десяти пиков, долина Смерти / Долина смерти, долина Гейзеров / Долина гейзеров; «Движение перемен», движение Сопротивления; «Памятник убитым евреям Европы» («Мемориал жертвам холокоста») (ср. *памятник Кириллу и Мефодию, памятник героям Плевны*); *Аллея фонтанов, Аллея славы, Аллея звезд*. При этом у топонимов*

в аналогичных конструкциях мы по-прежнему пишем строчную: *море Лаптевых, пролив Дрейка, улица Пушкина* и др. Кажется, что топонимы со словами *долина, аллея* должны писаться так же, но узус не всегда это поддерживает, а правила их разделяют, хотя и нечетко. Ср. также *музей О. Родена — Музей древнекитайского искусства* (различие в написании связано с наличием в первой номинации имени собственного). Какова будет дальнейшая динамика правописной нормы, покажет время.

8. **Фактор инографики.** Речь идет о случаях, когда наименование записывается не в кириллической графике, а в латинской. И это довольно частое явление в современном письме, см. [Григорьева 2009: 142–148]. Преимущественно оно касается товарных знаков, с которыми мы сталкиваемся ежедневно; также это относится к эргонимам и названиям зарубежных политических организаций, которые в русском письменном узусе могут употребляться без транслитерации. Примеры:

товары: сыр *Brie President*, конфеты *Ferrero Collection*, шоколад *Ritter Sport*, кофе *Carte Noire*, стиральный порошок *Tide Color*, туалетная вода *L'Ange Noir*, автомобили *Nissan Qashqai*, *Renault Sandero*, *Opel Omega* и т. д.; эргонимы (предприятия, организации и другие названия деловых объединений людей), причем не только зарубежные, но и российские: *Bank of America*, *Volkswagen Group*, *United Company Rusal*; названия партий: *Podemos* (Бразилия), *Fine Gael* (Ирландия) и др.

Примеры из НКРЯ: *United Company Rusal, которая получит активы «Русала», «Суала» и Glencore, уже зарегистрирована на о. Джерси. Надо чаще встречаться // «Ведомости», 2007.01.29*

Марксисты и республиканцы из партии Podemos требуют вернуть Хуана Карлоса и судить его в Испании с намерением превратить это в суд над монархией. Королевский детектив может закончиться конфликтом Бурбонов и Виндзоров // Vesti.ru, 09.08.2020

Депутаты нижней палаты парламента Ирландии (Дойла) утвердили кандидатуру лидера партии Fine Gael Лео Варадкара на пост премьер-министра Ирландии. Премьер-министром Ирландии избран Лео Варадкар // «Коммерсант», 14.06.2017

В этих случаях прописная обычно употребляется так, как в английском языке, т. е. в каждом слове названия (кроме служебных слов).

Смежен с предыдущим **фактор непереводаемости** названия (название передается в транслитерированном виде без перевода): партии *Шинн Фейн* ('мы сами', Ирландия), *Мас Паус* ('больше страны', Испания), *Ла Альянса* ('альянс', Чили), *Нур Отан* ('свет отечества', Казахстан), *Хрисис Авги* ('Золотая заря', Греция). Подобные названия также пишутся по образцу языка-источника.

* * *

Таковы некоторые факторы, влияющие на выбор «прописная или строчная?» в современном письме. Как мы видели, существуют ограничения на их применение в зависимости от характера лексического материала. Кодификатору же свойственно понятное стремление распространить правило на возможно большее число номинаций и назвать это унификацией. Будь то аббревиатура, или десемантизированное нарицательное, или что-то другое — есть соблазн дать обобщенную формулировку: в таких случаях всегда употребляется прописная буква (ведь идеальным считается то правило, которое не знает исключений). Однако «всегда» в орфографии и пунктуации — слово опасное. И ономастический материал это наглядно показывает: как мы видели, находятся случаи, которые ограничивают общий тренд или даже вносят в него поправки. Живой язык сопротивляется подобным упрощениям, и это следует учитывать.

Литература

- Березович Е. Л.* Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // Известия АН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 34–46.
- Валеева Н. Т.* Употребления прописных и строчных букв: академическая норма, корпоративная норма, узус // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 2. М., 2014. С. 274–281.
- Григорьева Т. М.* Латиница против кириллицы и vice versa // Кириллица – латиница – гражданица: коллективная монография / Отв. ред. Т. В. Шмелева. Великий Новгород, 2009. С. 136–151.
- Еськова Н. А.* Об одном наивном орфографическом приеме (Прописные и строчные буквы в собственных именах, употребленных переносно) // Вопросы культуры речи. Вып. 6. М.: Издательство Академии наук СССР, 1965. С. 147–152.
- Иванова В. Ф.* Трудные вопросы орфографии. М.: Просвещение, 1975. 175 с.
- Лопатин В. В.* (ред.). Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2009. 432 с.
- Лопатин В. В., Иванова О. Е.* (ред.). Русский орфографический словарь. Изд. 5-е, испр. М.: АСТ-ПРЕСС-школа, 2018. 896 с.
- Нечаева И. В.* Употребление прописной графемы: аргументы и факторы // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13. 2017. С. 449–458.
- Нечаева И. В.* Антропонимы в письменной речи // Вопросы ономастики. 2023. № 1. С. 111–139.
- Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П.* Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование. 12-е изд. М.: АЙРИС-пресс, 2018. 496 с.
- Сигал К. Я.* Проблема иконичности в языке // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 100–119.

References

- Berezovich E. L. [Russian onomastics at the present stage: critical notes]. *Izvestiia AN. Seriya literaturny i yazyka*, 2001, vol. 60, no. 6, pp. 34–46. (In Russ.)
- Es'kova N. A. [About a naive spelling technique (Uppercase and lowercase letters in proper names used figuratively)]. *Voprosy kul'tury rechi* [Speech culture issues], issue 6. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1965, pp. 147–152. (In Russ.)
- Grigor'eva T. M. [Latin versus Cyrillic and vice versa]. *Kirillitsa – latinitsa – grazhdanitsa* [Cyrillic alphabet – Latin alphabet – grazhdanica alphabet]. Ed. by T. V. Shmeleva. Veliky Novgorod, 2009, pp. 136–151. (In Russ.)
- Ivanova V. F. *Trudnye voprosy orfografii* [Difficult spelling questions]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1975. 175 p.
- Lopatin V. V. (ed.). *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian spelling and punctuation. Complete Academic Reference]. Moscow, AST-PRESS-KNIGA Publ., 2009. 432 p.
- Lopatin V. V., Ivanova O. E. (eds.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian spelling dictionary]. 5th ed., corr. Moscow, AST-PRESS Shkola Publ., 2018. 896 p.
- Nechaeva I. V. [The use of capital grapheme: arguments and factors]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language]. 2017, no. 13, pp. 449–458. (In Russ.)
- Nechaeva I. V. [*Синяя борода* and *Мальчик-с-пальчик*, or the Problem of spelling of multiple-word individual names]. *Russkaya rech'*, 2020, no. 6, pp. 40–53. (In Russ.)
- Rozenal' D. E., Dzhandzhakova E. V., Kabanova N. P. *Spravochnik po russkomu yazyku: pravopisanie, proiznoshenie, literaturnoe redaktirovanie* [Handbook of the Russian language: spelling, pronunciation, literary editing]. 12th ed. Moscow, AIRIS-press Publ., 2018. 496 p.
- Sigal K. Ya. [The problem of iconicity in language]. *Voprosy yazykoznavaniya*, 1997, no. 6, pp. 100–119. (In Russ.)
- Valeeva N. T. [Use of uppercase and lowercase letters: academic norm, corporate norm, usage]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language]. Issue 2, Moscow, 2014, pp. 274–281. (In Russ.)

Человек-...сандвич, сэндвич, бутерброд: история слова

Виктория Александровна Мельничук, Высшая школа печати и медиатехнологий
Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна
(Россия, Санкт-Петербург), hatikva_gdola@mail.ru

DOI: 10.7868/S3034592826020043

аннотация: В статье рассматривается история композита *человек-сэндвич* в русском языке XIX–XXI вв. Обозначая особый вид живой рекламы, получивший распространение в Европе и Америке, исследуемое слово проникло в русский язык в результате лексического калькирования из английского при посредстве французского языка и использовалось в массовых газетах как экзотизм, обозначавший отсутствующую в городской жизни Российской империи реалию, которая привлекла внимание авторов физиологических очерков. В XIX — начале XX в. слово демонстрировало фонетические и графические варианты: *человек-сандвич* (более частотный и впоследствии употреблявшийся в прессе русской эмиграции) и *человек-сэндвич*. На материале газетных фельетонов начала XX в. в статье показано, как происходило освоение нового понятия: журналисты подыскивали социальную аналогию для *человека-сандвича* в условиях российской действительности. В языке советской прессы слово *человек-сэндвич* вновь получило статус экзотизма, описывающего идеологически чуждую реалию. Разнообразие форм рекламы, вернувшееся в 90-е годы в Россию, привело к повторному заимствованию понятия, в связи с чем слово *человек-сэндвич* приобрело ряд синонимов: *сэндвичмэн*, *промо-сэндвич*, *человек-бутерброд*. Показаны сопровождавшие историю слова в русском языке грамматические колебания, связанные с выражением категории одушевленности и образованием формы множественного числа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык начала XX в., заимствование, калька, язык газет, неология

для ЦИТИРОВАНИЯ: Мельничук В. А. *Человек-...сандвич, сэндвич, бутерброд: история слова* // Русская речь. 2026. № 2. С. 49–62. DOI: 10.7868/S3034592826020043.

From the History of the Russian Language

The History of the Word Sandwich-Man (*Chelovek-Sendwich*)

Viktoriya A. Melnichuk, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Higher School of Printing and Media Technologies (Russia, Saint Petersburg), hatikva_gdola@mail.ru

ABSTRACT: The article examines the history of the compound noun *chelovek-sandwich* in the Russian language from the 19th to the 21st century. This word denotes a special type of mobile advertising that became widespread in Europe and the United States. It entered the Russian language as a lexical calque from English via French and was used in mass-circulation newspapers. The word attracted the attention of authors of physiological essays. In the 19th and early 20th centuries, the word exhibited phonetic and graphic variants: *chelovek-sandwich* (the more frequent form, later used in the Russian émigré press) and *chelovek-sendwich*. Using the material from newspaper feuilletons of the early 20th century, the article demonstrates how the new concept was assimilated: journalists sought social analogies for the *chelovek-sandwich* in the context of Russian reality. In the language of the Soviet press, the word *chelovek-sendwich* once again acquired the status of a word designation for an ideologically alien reality. The diversity of advertising forms that reemerged in Russia in the 90s led to the repeated borrowing of the concept, as a result of which the expression *sandwich man* acquired a number of synonyms: *sendwichman*, *promo-sandwich*, *chelovek-buterbrod*. The article also studies grammatical fluctuations related to animacy and plural formation that accompanied the history of the word in the Russian language.

KEYWORDS: russian language in the early 20th century, borrowing, calque, newspaper speech, neology

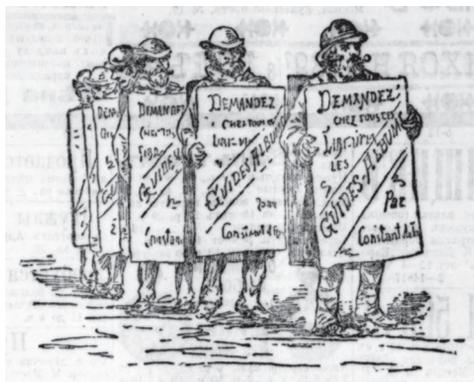
FOR CITATION: Melnichuk V. A. *The History of the Word Sandwich-Man (Chelovek-Sendwich)*. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2026. No. 2. Pp. 49–62. DOI: 10.7868/S3034592826020043.

Слово *человек-сэндвич* не раз попадало в поле зрения лингвистов и рассматривалось как явление неологии [Суханова 2005: 16; Гурчиани 2009: 11], но эта лексическая единица имеет более долгую историю в русском языке.

Сама реалия — *человек-сэндвич* как один из видов наружной рекламы — достаточно часто упоминается в изданиях, посвященных рекламной деятельности [Ананьева, Сулова 2017; Савельева, Трубникова 2018]. Родиной этой формы живой рекламы считается Лондон первой половины XIX в., в связи с чем часто приводится неточная цитата Ч. Диккенса, который «охарактеризовал их [людей-сэндвичей. — В. М.] как “кусочек человеческого мяса между двумя ломтиками склеенного картона”» [Лукиянчикова 2018]. Вероятно, в действительности тиражируется цитата из шеститомного труда «Лондон», изданного Ч. Найтом: *Boz has somewhere likened this phenomenon to a sandwich — a piece of human flesh between two slices of pasteboard*¹ [London 1841: 37]. Она, в свою очередь, отсылает к «Очеркам Боза» Ч. Диккенса, в тексте которого все менее драматично: *So, he stopped the unstamped advertisement — an animated sandwich, composed of a boy between two boards — and having procured a very small card with the Signor's address indented thereon* [Dickens 1835]. В переводе И. В. Майнова этот фрагмент звучит так: *В этих видах он остановил «объявление» — этот одушевленный сэндвич, состоявший из мальчика промеж двух досок — и, взяв у него миниатюрную карточку с указанным на ней адресом синьора, отправился со всех ног в его квартиру* [Диккенс 1886: 348]. Переводчик посчитал необходимым сопроводить слово *сэндвич* подстрочным комментарием: *ломтик жареной говядины между двумя ломтиками хлеба* [Диккенс 1886: 348].

В язык русских массовых газет композит *человек-сэндвич* со значением ‘человек, ходящий по улицам с рекламными плакатами’ [Ушаков 1940: стб. 47] проникает в конце XIX в. как экзотизм — штрих из жизни

¹ *Боз где-то сравнил это явление с бутербродом — куском человеческой плоти между двумя листами картона.* (Перевод наш. — В. М.)

Ил. 1. Парижские типы.
Ходячая реклама.
«Петербургский
листок». 21.08.1897

Il. 1. Parisian
Street Types.
A Sandwich Man.
Peterburgskiy Listok.
21.08.1897

европейских столиц (прежде всего — Лондона и Парижа, см. Ил. 1) и крупных американских городов, где коммерсанты вынуждены искать все более изощренные способы прорекламирровать свой товар.

Говорят, что один из наших барнумов решил подражать заграничным. Между прочим, по его инициативе, по улицам Петербурга будут бродить «живые рекламы».

*В Париже таких господ называют **Ces hommes sandwich-man** [«Петербургский листок», 1897.10.07] («Петербургский листок» — далее ПЛ, даты приводятся по старому стилю, цитаты — в новой орфографии, пунктуационное оформление цитат сохраняется.)*

Иноязычное вкрапление *hommes sandwich-man* (homme франц. ‘человек’), будучи полукалькой английского *sandwich-man* с метатезой компонентов, вероятно, и повлияло на появление соответствующей полукальки в русском языке — *человек-сэндвич*. Следует отметить, что в языке газет компонент *sandwich* воспроизводился и в соответствии с транслитерацией *сандвич* (более частотный вариант, на употребительность которого могло влиять произношение по аналогии с французским источником — *homme sandwich-man*), и в соответствии с транскрипцией английского слова — *сэндвич* (единичные употребления).

В газетных публикациях, посвященных этой иностранной реалии, сразу же начинает встречаться и сокращенный вариант номинации: *сандвич* в значении ‘человек-сандвич’. В такой усеченной форме слово зачастую оформлялось кавычками, которые не столько подчеркивали его новизну, сколько, на наш взгляд, помогали разграничить прямое, уже известное носителям русского языка (‘два сложенных вместе ломтика хлеба с какой-н. закуской между ними, тартинка’ [Ушаков 1940: стб. 47]) и новое для них переносное значение:

Не довольствуясь объявлениями неподвижными, американцы, а вслед за ними и англичане, ввели в употребление передвижную рекламу, людей-сэндвичей, которые расхаживают по городским улицам, облеченные в огромные картонные, на которых наклеены объявления.

Такие «сэндвичи» ходят обыкновенно не в одиночку, а целыми процессиями, чтоб публика скорее обратила внимание [Пл. 05.02.1898].

Впоследствии оба значения без каких-либо стилистических помет были отражены в словарной статье *сэндвич* в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова [Ушаков 1940: стб. 47]. В «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой композит *человек-сэндвич / сэндвич* лексикографического описания не получил, в словарной статье *сэндвич* указано лишь прямое значение слова [Евгеньева 1999: 27].

При склонении изменяемость показывали оба элемента композита, причем компонент *сэндвич* последовательно изменялся как одушевленное существительное, а множественное число образовывалось с учетом супплетивизма первого компонента: *человек-сэндвич — люди-сэндвичи*.

Журналисты, освещая жизнь зарубежного *человека-сэндвича*, делали акцент на социальном: описывали его происхождение и общественное положение, уровень доходов, костюм и манеру поведения — отбор деталей, в целом характерный для жанра физиологического очерка. Наиболее преуспел в таком живописании К. И. Чуковский, работавший в 1903–1904 гг. корреспондентом «Одесских новостей» в Лондоне. Он побывал на «обеде сэндвичей» — организованном благотворителями празднике для их поддержки, после чего отправил в Одессу очерк «Бутербродные люди». Остроумное название очерка опередило время: в XXI в. *человека-сэндвича* будут называть в том числе *человеком-бутербродом*.

Ключевым стилистическим приемом этой «корреспонденции» К. И. Чуковского оказывается антитеза: автор подчеркивает контраст между описанием веселого праздника и суровых будней *человека-сэндвича*, благополучием, веющим от рекламируемого товара, и бедственным, «унизительным» положением тех, кто вынужден носить рекламу буквально на своей шее:

<...> я чрезвычайно обрадовался, когда получил возможность посетить на 3-й день Святков обед сэндвичей. Сэндвич — это, собственно, бутерброд. Но на лондонском жаргоне этим словом обозначаются особые люди, которые, как хлеб маслом, угобжаются² досками для наклеивания афиш. <...>

² *Угобжаться* (старин.) 1. стать плодородным. 2. перен. Ублаготвориться, стать вполне довольным от чего-н. (шутл., ирон.) [Ушаков 1940: стб. 880].

Длинной вереницей проходят они друг за другом — медленным, похоронным шагом. Стоять на месте им нельзя — нужно вечно двигаться, вечно совать прохожему в глаза свои афиши. Кольцо тянет спину, голова без конца держится, ни выровняться, ни отдохнуть за весь день нельзя. Главное же мучение — это унижительное несоответствие между знаменосцем и его знаменем. На афише изображены жирные яства модного ресторана — сэндвич голоден и тощ. Афиша кричит о доблести лакированных сапог славного Питера Робинзона — у сэндвича на ногах вместо обуви какое-то решето. Афиша напоминает вам, что сегодня в Гаррик-театре «Веселые бабы Виндзора» — сэндвич угрюм, жалок, и слово «веселый» выглядит с его афиши как злобное издевательство.

<...> Я подсел к одному из стариков — и после нескольких общих фраз узнал, что каждый сэндвич зарабатывает в день — летом 1 шил., а зимою 1 шил. 2 пенса. То есть как раз столько, сколько стоит 1 ф. мяса [Чуковский 2013: 477–479]. (Попутно заметим, что дневное жалование человека-сэндвича — 1 шиллинг, по данным газетных публикаций, — равнялось вознаграждению, которое получал сам К. И. Чуковский в день, составляя каталоги русских книг в библиотеке Британского музея [Лозовская 1977].)

Любопытно, что К. И. Чуковский посчитал новое значение слова *сэндвич* порождением «лондонского жаргона» и подробно прокомментировал образ, лежащий в основе нового значения, сделав толкование ироническим. Подобно тому как хлеб для сэндвича «обогащается» маслом, чтобы быть съеденным, человек-сэндвич *угобжается* рекламными досками, чтобы заработать на пропитание.

В очерке К. И. Чуковского встречается индивидуально-авторское прилагательное *сандвичевый* (<...> предложение *сандвичевых* плеч куда больше спроса на них [Чуковский 2013: 477]) и причастие *сандвичующий* (*Хотя между обедающими были нередки люди, сандвичующие уже 40 лет и больше* [Чуковский 2013: 479]) от потенциального **сандвичевать* 'служить человеком-сэндвичем'. В других источниках, относящихся к концу XIX — началу XX в., производных лексических единиц от слова *сэндвич* зафиксировать не удалось, кроме композита *женщина-сэндвич* (*девица-сэндвич*), который является результатом калькирования, а не собственно словообразовательной активности заимствования. Как известно, реклама действует, пока привлекает внимание и вызывает эмоциональную реакцию целевой аудитории. В Европе и Америке коммерсанты постепенно модифицировали становившийся привычным для потенциальных покупателей образ *человека-сэндвича*, а газетчики Российской империи эти метаморфозы представляли в обзорах иностранной жизни, развлекая читателя описанием чужих нравов и заодно подбрасывая идеи местным предпринимателям.

Ил. 2. Девицы-сандвичи.
Лондонская новинка.
«Петербургский листок».
05.02.1898

Il. 2. Sandwich Girls.
A London Novelty.
Peterburgskiy Listok.
21.08.1898

Так в «Петербургском листке» появилась заметка о *женщинах-сандвичах* (*девицах-сандвичах*). Дамы рекламировали товары в опрятных и даже «кокетливых» нарядах (см. Ил. 2), которые их выгодно отличали от подавшихся в сэндвичи клошаров:

*Однако, такие «сандвичи» сделали слишком обыкновенным явлением на улицах больших городов и предприимчивые коммерсанты придумали теперь — **женщин-сандвичей**.*

Эта новинка лишь в последние дни появилась на лондонских улицах.

*В противоположность своему прототипу, **девицы-сандвичи** нарядно, даже кокетливо одеты в одинаковые костюмы несколько театрального характера, с высокими белыми шляпами. Через плечо у них перевязь, на которой название той фирмы и продукта, который желают рекламировать [ПЛ. 05.02.1898].*

Позднее и сандвичам мужского пола тоже пытались придать более благополучный вид, таким образом привлекая внимание покупателей:

*Ходячая реклама в виде изящно одетого в модный костюм франта на парижских бульварах. **Люди-сандвичи** в бедных одеждах, уже перестали интересовать публику. Теперь в Париже открыли способ вернуть внимание публики к ходячим рекламам, начавши одевать **людей-сандвичей** модными франтами [«Петербургская газета». 20.12.1912].*

Журналисты в России пытались сопоставлять диковинных *людей-сандвичей* со знакомыми русскому читателю обитателями столицы. Наиболее близкой аналогией оказались факельщики похоронных процессий: они сопровождали катафалк с усопшим, неся зажженные факелы (важно в условиях короткого светового дня и при отсутствии газовых фонарей на пути к кладбищу) и ведя под уздцы лошадей. Занимались этой работой

люди «дна», скитающиеся по ночлежкам, нередко пьяницы. Представляется, что этот поиск социальной аналогии — своеобразная примерка нового, чужого понятия к действительности российского города и картине мира его жителей.

Плата им дается грошовая, и в «сандвичи», как у нас в факельщики похоронных процессий, идет служить голь перекатная, не имеющая постоянной работы и в конец обносившаяся. «Сандвич» может быть одет в отрепья, потому что наряд его не заметен за огромными досками, которые он носит на спине и на груди [ПЛ. 05.02.1898].

Факельщикам на время сопровождения процессии выдавали униформу, поэтому их «отрепья» были незаметны для почтенных горожан, как и неприглядный вид сандвичей, скрытый за рекламными щитами. Походка факельщиков была размеренной, перемещались они чередой. Ср. в очерке К. И. Чуковского: *Длинной вереницей проходят они друг за другом — медленным, похоронным шагом*, — возможно, эту метафору автору, наверняка видевшему похоронные процессии в России, услужливо подбросила зрительная память.

На улицах Петербурга человек-сандвич появился лишь в начале XX в.: применительно к русской действительности слово впервые встречается в фельетоне «Петербургского листка» (1903), где упоминается, что *«люди-сандвичи у нас появились впервые летом»* [ПЛ. 11.09.1903]. В Москве этот способ распространения рекламы появился несколько позже — в 1906–1908 гг.

Образ человека-сандвича на русской почве не приобрел тех драматических черт, что характеризовали его заграничный прототип. Для петербуржца он пример праздношатающегося, человека без определенного рода занятий, перебивающегося поденщиной:

Возможность зарабатывать деньги на пропитание в столице, ровно ничего не делая, а лишь разгуливая по главнейшим улицам столицы — факт доказанный. <...>

Стоит лишь сделаться человеком-сандвичем, т. е. ходячей рекламой. <...> В Париже, на бульварах, они вдобавок орут во всю глотку <...>

У нас ходящие сандвичи пока молчат. Но и они вскоре должны тоже заговорить по примеру парижских. (Жуир) [ПЛ. 11.09.1903].

Автор, подписывавшийся псевдонимом Жуир, вводит пояснение слова сандвич — «ходячая реклама». Это выражение появилось в петербургской бульварной прессе еще в 1860-е годы и обозначало любые способы привлечения внимания к товару с участием человека: использование ростовых кукол, нативная реклама — непосредственный рассказ покупателя, уже использующего купленное и рекомендующего его к приобретению.

В следующем фельетоне тот же автор пародирует заимствованное слово, подменяя непереуведенный компонент *сэндвич* словом из общей с ним тематической группы — *тартинка* — разновидность бутерброда, который обычно тоньше и готовится с одним куском хлеба. Поэтому, по логике Жуира, *люди-тартинки* и менее заметны, чем *человек-сэндвич*.

Люди-сэндвичи у нас не привились. Петербург не Париж! <...> на них там смотрят и читают все то, что напечатано на двух высоких картонах, между которыми находится марширующий человек-сэндвич. У нас? Люди-тартинки проходили незамеченными и сэндвичи не достигали цели <...> Охотников же изображать из себя сэндвичей у них была масса. Ничего не деля, а лишь разгуливая, зарабатывать по рублю в сутки занятие приятное для любого праздношатающегося. (Жуир) [ПЛ. 19.12.1903].

В фельетонах припоминают русскому человеку-сандвичу и его социальное происхождение, в частности совмещение службы на благо российской рекламы и работы факельщиком. Хриплый голос — деталь, которая должна навести читателя на мысль о вредных привычках человека-сэндвича:

«Сэндвичи»...

Такой бутербродной кличкой прозвали почему-то тех типов, которые из себя ходячую рекламу изображают, разгуливают с вывесками на груди и на спине.

Рассказывают, что за границей это очень модный и уже не новый прием, ну, а у нас они только что появились, эти сэндвичи.

И ничего — ходят.

Светло-коричневые такие, лицом бриты, походка медлительная, торжественная.

Извозчики изумлены и пока что — глумятся:

— Экий пряник расписной!

Но на меня сэндвичи произвели глубокое впечатление и именно манерою ходить.

Очень уж великолепно ходят, — через час по столовой ложке и бровью не дрогнет, хоть автомобиль на него наезжай.

Лицо мрачное, недвижимое, словно он не сэндвич, а фараон Исамметих XIII в замаринованном виде.

<...>

И рискнул с одним из таких на интервью:

— Откуда, мол, ты прелестное дитя?

А он мне весьма хриплою октавой:

— Из похоронной бюры-с...

Вот она, торжественность-то, и объяснилась! (Борей) [ПЛ. 13.07.1903].

Ценным штрихом в истории освоения заимствованного явления становится упоминание реакции на диковинного *человека-сэндвича* завсегдаев городских улиц — извозчиков: их глумление «*экий пряник расписной*», с одной стороны, пародийно возвращает к «кулинарным истокам» номинации (*бутерброд — сэндвич — уже упоминавшаяся тартинка*), а с другой стороны, включает «чужое» явление в пространство русской языковой действительности (расписной пряник — узнаваемая русская выпечка).

Люди-сандвичи распространяли не только коммерческую рекламу. К их услугам как за рубежом, так и в Российской империи прибегали и для политической агитации. Например, в «Петербургском листке» упоминается привлечение *сандвичей* к думской выборной кампании в Киеве:

«Кадеты» прибегли даже к практикуемому в Европе, но новому у нас способу рассылки по улицам «сандвичей», живых реклам, людей с навешенными на них вывесками-рекламами [ПЛ. 26.03.1906].

Расширение лексических и синтаксических возможностей демонстрирует слово *сандвич* в заметке, представленной в газете «Речь» (1914). Слово *сандвич* сочетается с существительным *студенты*, которое выступает в качестве приложения. Новый композит обозначает уже не наемных распространителей рекламы, а людей, целенаправленно использовавших атрибуты живой рекламы (переносные щиты) для выражения своей политической позиции, без получения за это платы. При этом в тексте отмечены типичные внешние черты работы *сандвичей* — движение «*вереницей*», перемещение по центральной улице для привлечения внимания:

Идите в Думу!

*Об этом зывали к населению глашатаи с гранитной думской лестницы, украшенной плакатами, студенты высших учебных заведений, добровольно взявшие на себя обязанности **сандвичей** и ходившие 3 ноября по Невскому пр. с плакатами: «Холодно в окопах»...*

*Впереди длинной вереницы **сандвичей-студентов** шли трубач и барабанщик* [«Речь». 04.11.1914].

После Октябрьской революции лексическая судьба *человека-сэндвича* складывалась по-разному в языке русской эмиграции и в языке метрополии. В эмигрантских газетах слово встречается, причем в огласовке, которая в газетах Российской империи была более частотной, — *сандвич*:

В России говорили «умрешь под забором».

Во Франции говорят «очутишься под мостом».

Под забором умирали. Под мостом живут.

Живущие под мостом называются «клошарами». <...>

Клошары не всегда абсолютно безработные. Они иногда немножко подрабатывают, в качестве «сэндвичей», — носителей картонных щитов с рекламами. Рекламируются при помощи сэндвичей чаще всего дешевые ресторанчики. <...> Иногда рекламу пускает новая дешевая парикмахерская с перманентной завивкой. Иногда гадалка, умеющая предсказывать не только будущее, но и прошлое, что в гадальном деле считается гораздо труднее.

Сэндвичи большей частью люди пожилые, бородатые, с лицами безнадежными и всегда точно озябшими, в расшлепанных сапожонках, шагают смущенно, словно стыдясь громоздящегося на их плечах рекламного вранья. (Тэффи) [«Последние новости». 30.10.1938].

В фельетоне Тэффи «Мирная жизнь» *сэндвич* уже не реалия иностранной жизни, а повседневность эмигранта, узревшего социальные глубины, о которых раньше он мог лишь читать на страницах городской газеты. Примечательно, что если в дореволюционных публикациях *человек-сэндвич* **выглядит** бедно на фоне рекламируемого, то у Тэффи, напротив, товар *дешев* — и это **осознает** именно рассказчик, ощущающий внутреннее сходство с клошаром.

В советских же газетах композит *человек-сэндвич* встречался редко — вновь, как и в начале своего пути в русский язык, — в статусе экзотизма, но уже не просто чужого, а идеологически чуждого слова. Например, *человек-сэндвич* стал героем заметки в рубрике «По ту сторону» и иллюстрацией социальной несправедливости:

<...> Западногерманское «экономическое чудо» превратило его в «человека-сэндвича». И вот он стоит возле ратуши баварской столицы и зазывает покупателей на распродажу всякой старой рухляди из запасов американского военного имущества [«Вечерняя Москва». 04.06.1959].

В этом тексте встречается любопытная грамматическая новация: второй компонент композита изменяется как неодушевленное существительное (*превратило в «человека-сэндвича»*). Видимо, такой грамматической формой журналист хотел подчеркнуть отчаянное положение безработного «в странах капиталистического Запада».

После распада СССР вместе с рыночной экономикой вернулось разнообразие форм рекламы, среди которых нашлось место и *человеку-сэндвичу*. В отличие от таких слов, как *губернатор, гувернер, гимназия*, восстановление которых в активном словарном запасе определялось именно возвращением реалии в обиход [Скляревская 1998: 6], в случае *человека-сэндвича* произошло, вероятно, повторное заимствование. Для обозначения живой рекламы стало использоваться не только известное с XIX в. слово, но и целый ряд новых лексических единиц, являвшихся его полными

синонимами и не отраженных в материалах серии «Новое в русской лексике. Словарные материалы»: *сэндвичмэн, промо-сэндвич, человек-бутерброд* (по материалам Национального корпуса русского языка, именно эта номинация наиболее частотна). Такое расширение номинативного ряда может быть как раз следствием повторного заимствования понятия. Активизация употребления этих номинаций, по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), приходится на начало 2000-х годов:

Мебельные сети постепенно отнимают клиентов у «человеков-сэндвичей», в людных местах торгующих мебелью «по картинке» [«Мебельный бизнес», 15.10.2003].

Наружную рекламу на улицах Москвы заменяют «люди-бутерброды» [Vesti.ru, 08.07.2002].

Похоже, Мавроди решил отказаться от телевидения и «бутербродов» с билбордами в пользу телефонных спам-сообщений [«Известия», 02.07.2012].

В наше время несколько сместился социальный акцент, сопровождавший слово на протяжении всей его истории: в языковом сознании современного носителя русского языка работа *человека-сэндвича* по-прежнему представляет собой неквалифицированный, низкооплачиваемый, хотя и доступный труд. Однако берутся за него не только деклассированные элементы, но и пенсионеры и студенты. Наблюдается и некоторая размытость значения: современный *человек-сэндвич* (*человек-бутерброд*) может не только носить на себе рекламные объявления на щитах, но и облачаться в костюм ростовой куклы, раздавать листовки. Таким образом, значение композита сближается со значением выражений *ходячая реклама, живая реклама*.

Интерес представляют отдельные грамматические факты современного употребления композита *человек-сэндвич*: в стилистически нейтральных контекстах была неоднократно зафиксирована нестандартная форма множественного числа *человеки-сэндвичи*, появление которой отражает неполный супплетивизм пары *человек — люди* [Мельчук 1972]. Темой отдельного исследования может стать продуктивность компонента *сэндвич* в составе других композитов (*сэндвич-панели* в строительстве, *ребенок-сэндвич* в психологии семейных отношений и др.).

Таким образом, слово *человек-сэндвич*, появившись в русском языке в конце XIX в. в связи с заимствованием новой реалии — особой формы рекламы, активно употреблялось в публицистическом и фельетонном стиле в начале XX в., пережило забвение в советские годы и возродилось в языке последнего тридцатилетия, отражая перипетии истории живой рекламы в России.

Источники

Диккенс Ч. Лондонские очерки и картинки. М.: В. Н. Маракуев, 1886. 405 с.
Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. 1502 стб.

Литература

- Ананьева Н. В., Сулова Ю. Ю.* Рекламная деятельность. Красноярск: СФУ, 2017. 197 с.
Гурчиани М. Т. Композиты в русском языке новейшего периода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 22 с.
Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Русский язык; Полиграф-ресурсы, 1999. 797 с.
Лозовская К. И. (ред.). Воспоминания о Корнее Чуковском: Сб. / Сост. К. И. Лозовская, Э. С. Паперный, Е. Ц. Чуковская. М.: Сов. писатель, 1977. 472 с.
Лукиянчикова М. В. История рекламы. М.: Издательские решения, 2018. 103 с.
Мельчук И. А. О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972. С. 396–438.
Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 27.12.2024).
Савельева О. О., Трубникова Н. В. Всеобщая история рекламы. М.: Дашков и К, 2018. 415 с.
Скляревская Г. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
Суханова И. Ю. Словообразовательные гнезда с вершиной-иноязычным словом: на материале русской лексики рубежа XX – XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 18 с.
Чуковский К. И. Дневник 1901–1921 / Собр. соч.: В 15 т. Т. 11. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. 592 с.
Dickens Ch. The dancing academy // Sketches by Boz. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Sketches_by_Boz/The_dancing_academy (дата обращения: 27.12.2024).
London. Edited by Charles Knight. Volume V. 1841. [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.ru/books/edition/London_v_5/Vuc4AQAAAMAAI (дата обращения: 27.12.2024).
-

References

- Anan'eva N. V., Suslova Yu. Yu. *Reklamnaya deyatel'nost'* [Advertising activities]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2017. 197 p.
Chukovskii K. I. [Diary 1901–1921]. Vol. 11. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 15 vols. Moscow, Agentstvo FTM, Ltd Publ., 2013. 592 p.

- Dickens Ch. *The dancing academy* // Sketches by Boz. Available at: https://en.wikisource.org/wiki/Sketches_by_Boz/The_dancing_academy (accessed 27.12.2024).
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 4. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Polygraph Resources Publ., 1999. 797 p.
- Gurchiani M. T. *Kompozity v russkom yazyke noveishego perioda*. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Composites in the Russian language of the modern period. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Kazan, 2009. 22 p.
- Knight Ch. (ed.). *London*. Vol. V. 1841. Available at: https://www.google.ru/books/edition/London_v_5/Vuc4AQAAMAAJ (accessed 27.12.2024).
- Lozovskaya K. I. (ed.). *Vospominaniya o Kornee Chukovskom: Sbornik* [Memories of Korney Chukovsky: Collection]. Compiled by K. I. Lozovskaya, Z. S. Paperny, E. Ts. Chukovskaya. Moscow, Sov. Pisatel' Publ., 1977. 472 p.
- Luk'yanchikova M. V. *Istoriya reklamy* [History of advertising]. Moscow, Izdatel'skie Resheniya Publ., 2018. 103 p.
- Mel'chuk I. A. [On suppletivism]. *Problemy strukturnoi lingvistiki 1971* [Problems of structural linguistics 1971]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 396–438. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 27.12.2024).
- Savel'eva O. O., Trubnikova N. V. *Vseobshchaya istoriya reklamy* [General history of advertising]. Moscow, Dashkov i K Publ., 2018. 415 p.
- Sklyarevskaya G. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya* [Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Late 20th Century. Language Changes]. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 700 p.
- Sukhanova I. Yu. *Slovoobrazovatel'nye gnezda s vershinoi-inoyazychnym slovom: Na materiale russkoi leksiki rubezha XX – XXI vv.* Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Word-formation nests with a foreign-language vertex: Based on Russian vocabulary of the turn of the 20th–21st centuries. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2005. 18 p.

Из истории русского языка

Устойчивые неидиоматические словосочетания в истории тульского региолекта (по записям В. А. Лёвшина 1803 г.)

Дмитрий Анатольевич Романов, Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Россия, Тула), kafrus@rambler.ru

DOI: 10.7868/53034592826020051

аннотация: Изучение истории региолектов русского языка осуществляется преимущественно с опорой на их письменную фиксацию. Существует немалое количество текстов региональной тематики, еще не включенных в научный филологический оборот. Ведущую роль среди них играют тексты научного и этнографического характера. В их языковом составе широко представлены различного рода устойчивые неидиоматические словосочетания, которые характеризуют природные и социальные условия жизни, быт, хозяйственную деятельность и традиционную культуру населения российских регионов. Рассматриваемые языкознанием как фразеологическая периферия, устойчивые неидиоматические словосочетания в информационном отношении не менее содержательны и интересны для лингвокультурологических, социолингвистических, лингворегионоведческих исследований, чем идиомы. Не имея коннотативных семантических напластований, сохраняя значения входящих в их состав элементов, такие словосочетания доносят из прошлого в настоящее «прямые» сведения обо всех сферах жизни людей, дают четкое представление о реалиях, отдаленных от сегоднешнего времени. При этом они зачастую приобретают культурно-историческую нагрузку, которая с неодинаковой степенью глубины считается современными носителями языка и которая ценна для региональной лексикографии и фразеологии.

На материале книги В. А. Лёвшина «Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год» в статье рассматриваются устойчивые неидиоматические словосочетания четырех тематических групп: 1) топонимика и гидронимика, 2) трудовая деятельность, 3) политические и социальные явления, 4) быт, обычаи и обряды. Каждая из названных групп дает новые или уточняет уже имеющиеся данные об устойчивых языковых единицах в тульском региолекте начала XIX в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: устойчивые словосочетания, региолект, культура, топонимия, гидронимия, производственная терминология, обряды

для цитирования: Романов Д. А. Устойчивые неидиоматические словосочетания в истории тульского региолекта (по записям В. А. Лёвшина 1803 г.) // Русская речь. 2026. № 2. С. 63–76. DOI: 10.7868/S3034592826020051.

благодарности: Исследование выполнено в рамках реализации гранта Правительства Тульской области «Фразеология тульских говоров в научном освещении» (договор ДС/158 от 28.12.2024 г.)

From the History of the Russian Language

Set Non-idiomatic Word Combinations in the History of the Tula Regionalelect (Based on the Recordings of V. A. Levshin, 1803)

Dmitriy A. Romanov, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Russia, Tula), kafrus@rambler.ru

ABSTRACT: The history of Russian regionalelects is studied mainly on the basis of written records. There exists a considerable number of texts on regional topics that have not yet been incorporated in scholarly philological circulation. Among these, texts of a scientific and ethnographic nature play a leading role. Their linguistic composition extensively represents various

kinds of stable non-idiomatic phrases that characterize the natural and social conditions of life, everyday practices, economic activities and traditional culture of the population of Russian regions.

Stable non-idiomatic phrases, considered by linguistics as phraseological periphery, are no less informative and interesting for linguacultural, sociolinguistic and linguaregional studies than idioms. Lacking connotative semantic layers and preserving the meanings of the elements included in their composition, such combinations convey “direct” information about all spheres of people’s lives from the past to the present and provide a clear idea of realities remote from contemporary reality. At the same time, they often acquire a cultural and historical load, which is read with varying degrees of depth by modern native speakers and which is valuable for regional lexicography and phraseography.

Based on the book by V. A. Levshin “Topographical description of Tula province. 1803” the article examines stable non-idiomatic word combinations of four thematic groups: 1) toponymy and hydronymy, 2) labor activity, 3) political and social phenomena, 4) everyday practices, customs and rituals. Each of these groups either introduces new data or clarifies existing information on stable linguistic units in the Tula regionallect of the early 19th century.

KEYWORDS: stable phrases, regionallect, culture, toponymy, hydronymy, production terminology, rituals

FOR CITATION: Romanov D. A. Set Non-idiomatic Word Combinations in the History of the Tula Regionallect (Based on the Recordings of V.A. Levshin, 1803). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 2. Pp. 63–76. DOI: 10.7868/S3034592826020051.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out within the framework of the implementation of the grant of the Government of the Tula Region “Phraseology of Tula Dialects in Scientific Light” (agreement DS/158)

Введение

Известно, что фразеология в широком ее понимании включает не только образные устойчивые сочетания слов, но и словосочетания, которые, не обладая какими-либо дополнительными семантическими скрепами переосмысляющего характера, являются просто регулярно воспроизводимыми в речи. На фоне идиом подобные устойчивые словосочетания долгое время оставались на периферии лингвистики. В классификации

фразеологических единиц у них даже не было специального терминологического обозначения. Как известно, Н. М. Шанский первым предложил всю фразеологическую периферию (неидиоматические словосочетания, составные термины, воспроизводимые фразы различных типов и т. п.) именовать фразеологическими выражениями [Шанский 1969: 62].

С развитием той отрасли фразеологии, которая предметом изучения сделала устойчивые фразы (поговорки, крылатые выражения), неидиоматические устойчивые словосочетания продолжали оставаться как бы «бесхозными», несмотря на то что лингвисты понимали их значение для коммуникации. Подобные единицы в той или иной степени подробности рассматривались во второй половине прошлого века специалистами по ономастике, терминологии, стилистике, однако специального описания и должного терминологического представления они до сих пор не получили. Лексикографы, охотно прибегающие к использованию подобных сочетаний в качестве иллюстрации семантики отдельных их компонентов, сохраняющих исходные значения, именуют подобные сочетания устойчивыми номинативными, типичными, воспроизводимыми [Горбачевич 2004: 27]. В отдельных, преимущественно учебных пособиях их предлагается называть составными именованями [Дудников 1990: 123]. Последний термин нельзя считать устоявшимся в науке, хотя, на наш взгляд, он вполне удачен. Целью настоящей работы является рассмотрение разнообразных по семантике устойчивых неидиоматических словосочетаний, представленных в тульском региолекте, зафиксированном письменным источником одной из прошлых эпох его развития. Под региолектом мы вслед за предложившим этот термин А. С. Гердом [Герд 2001: 224] понимаем территориальную разновидность языка, включающую общенациональный язык, местные диалекты, городское просторечие, элементы профессиональной речи жителей и имеющую более широкое распространение в определенном регионе, чем отдельный говор или частный социолект.

Материалы и подходы к их научному представлению

В. А. Лёвшин относится к числу российских просветителей позднего периода. Имя этого человека ассоциируется с писательской, научной, издательской и общественной деятельностью. Будучи разносторонне одаренным, отличаясь способностью пристально наблюдать за окружающим миром, обычаями и нравами своего народа и стремясь к научному обобщению собственных наблюдений, Лёвшин оставил в своих трудах бесценные свидетельства об эпохе и родном крае. В родовом имении Темрянь Белёвского уезда Тульской губернии он почти безвыездно прожил более 50 лет.

Один из самых обширных и серьезных трудов Лёвшина — «Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год» — может восприниматься как еще не включенный в научный оборот источник сведений о региональном языке рубежа XVIII–XIX вв. На этом материале, по нашему мнению, будет интересно проиллюстрировать роль устойчивых неидиоматических словосочетаний, которые отражают важные факты из истории региона и явления традиционной культуры Тульского края. Взгляд на текст Лёвшина из XXI в. позволяет с достаточной степенью точности вычлени из него те словосочетания, которые являются устойчивыми, потому что воспроизводятся как готовые конструкции до настоящего времени. Мотивировка отдельных из них «потускнела» или вовсе утратилась. Таким образом, составные наименования прошли своеобразное испытание более чем двумя веками и, сохранив устойчивость в тульском региолекте, определенным образом характеризуют его, что и будет предметом нашего рассмотрения.

Устойчивые сочетания слов неидиоматического характера хранят несколько не меньше культурной информации, чем фразеологизмы в узком смысле их понимания. Различие между этими понятиями состоит в том, что устойчивые сочетания не имеют эмоционально-экспрессивных и коннотативных наслоений в семантике и выполняют собственно номинативную функцию, в отличие от идиом. Таким образом, идиоматические и неидиоматические устойчивые словосочетания используются в различных коммуникативных ситуациях и для разных целей, имеют разную степень обобщения, однако их культурно-историческая нагруженность одинаково важна и ценна для носителей языка. При этом у всех устойчивых сочетаний такая информация зачастую становится символической: «культурные коннотации... не забываются, а живут (“живодействуют”) в сознании, отвечая постоянно идущим в культуре процессам символизации ценностно значимого содержания, его предельной семиотизации...» [Ковшова 2019: 28]. Происхождение и этапы развития (если последние имели место) подобной культурной нагруженности устойчивых словосочетаний зачастую скрыты или неявны для носителей языка. Региональный характер подобных словосочетаний помогает прояснить не только причины их устойчивости, но и культурные коды, «работающие» в них.

1.

Одной из наиболее представительных по составу групп устойчивых неидиоматических словосочетаний в тульском региолекте является топонимия и гидронимия. До настоящего времени используется большинство отмеченных Лёвшиным региональных географических собственных

имен подобного типа. Часть из них уже во времена Лёвшина имела значительную «историческую нагруженность».

В первую очередь нужно назвать *Куликово поле* и *Муравский шлях*. В начале XIX в. это были топонимы, которые, с одной стороны, хранили исторический шлейф, понятный определенной части населения, с другой — обозначали конкретные географические реалемы, актуальные для всех носителей региолекта. Лёвшин дает энциклопедически исчерпывающие толкования этим устойчивым словосочетаниям-топонимам. В частности, о Куликовом поле он сообщает следующее: «Начинается Куликово поле от нынешней деревни Казанки и простирается в угол нынешней округи Богородицкой, где селы Михайловское, Никитское, Воскресенское. Между больших дорог, идущих из Богородицка в Данков и Ефремов, не осталось уже ныне никаких признаков сего знаменитаго приключения, кроме того, что иногда выпахивают обломки оружия» [119]¹.

До настоящего времени точно не выяснено происхождение словосочетания *Куликово поле* ([Отин 1980], [Смолицкая 2002: 177–178]) и даже не определены границы самого географического пространства, которые видятся современным ученым гораздо более обширными, чем указано у Лёвшина [Кузнецов 2017]. Что касается Муравского шляха, то в период Лёвшина он воспринимался просто как дорога через Ефремов и Елец к Воронежу. Составной топоним *Муравский шлях* дважды упоминается в «Топографическом описании...», и всякий раз Лёвшин реконструирует за этим названием его историческую нагрузку: «Дорога сия называлась в старину *Муравский шлях* и была любимый путь крымских татар» [119]; «Дорога сия, *Муравский шлях*, от самого Крыму через Курскую губернию до Ефремова и далее идет по месту возвышенному и не имеет никаких препятствующих неприятелю и проезжим купцам переправ» [131]. В настоящее время этот топоним стал историзмом и свидетельствует о том, какое значение имела тульская территория для торговых и военных перемещений в Средние века.

С Муравским шляхом связан топонимический комплекс, включающий словосочетания-названия частей тульской засечной черты, которая служила защитой от возможных нападений с юга. Лёвшин упоминает названия нескольких тульских засек. Они до настоящего времени воспроизводятся жителями как устойчивые словосочетания, обозначающие определенные районы в самой Туле и ближайших пригородах: *Щегловская засека*, *Малиновая засека*, *Заупская засека*, *Федяшевская засека*, *Синецкая засека*. В современном региолекте эти микротопонимы, разумеется,

¹ Здесь и далее цитаты из анализируемого источника сопровождаются указанием только номера страницы. Графика и орфография оригинала в основном сохранены, за исключением буквы «ять» и конечного «Ъ».

воспринимаются как исторически нагруженные, но их старая оборонительная семантика затеняется актуальным и первичным для жителей современной Тулы элементарным топонимическим значением.

Микротопонимы Тулы связаны со слободским устройством города и расположением домов относительно оружейного завода. Тульский оружейный завод начался с так называемой Кузнецкой слободы, созданной в 1595 г. по указу царя Федора Иоанновича; в 1703 г. Петр I разрешил купцу Никите Антуфьеву устройство на слиянии рек Упы и Тулицы Демидовской плотины, рядом с которой в 1712 г. начал строиться Императорский казенный оружейный завод, нанимавший рабочих из упского заречья и пригородного сельца Чулкова. До настоящего времени в тульском региолекте актуальными остаются такие приведенные Лёвшиным устойчивые словосочетания: *Оружейная сторона, Посадская сторона, Зарецкая сторона, Кузнецкая слобода, Чулкова слобода, Демидовская плотина*.

Гидронимы в форме устойчивых словосочетаний находят отражение в особой части «Топографического описания...», посвященной рекам Тульской губернии. Наиболее известным из таких обозначений является *Красивая Меча*, которая памятна многим любителям русской литературы по произведениям И. С. Тургенева, И. А. Бунина, М. М. Пришвина и др. *Красивая Меча* — название реки в Ефремовском районе Тульской области. Лёвшин сообщает: «*Красивая Меча происходит от ключей в Богородицком округе, выше села Огарево*» [33].

Происхождение этого топонима не раз становилось предметом специальных изысканий, но однозначного решения проблема не имеет. Связь этого составного наименования с неким мечом является надуманной и относящейся к сфере народной этимологии. Наиболее аргументированной считается финно-угорская этимология, о которой не раз писалось: [Отин 1970], [Смолицкая 2002: 168]. Народное переосмысление наименования находит отражение в тексте Лёвшина, где указано, что один из мелких притоков Красивой Мечи именуется *Каменным Мечом*. Такое название, несомненно, является результатом народного словотворчества на основе прочно вошедшего в употребление гидронима с финно-угорским корнем *-меч-* ('крутой, обрывистый').

Составные названия рек Тульской губернии, подробный реестр которых приведен в «Топографическом описании...» Лёвшина, дают представление о рельефе и других географических особенностях территории, которые важны для правильного объяснения бытовых деталей, способов землеобработки, трудоемкости хозяйственных процессов и т. д. в Тульском крае. Подобные историко-географические сведения способны объяснить многие черты национального характера в целом и его региональных разновидностей [Гумилев 2023: 124–125].

Составные названия рек образуются в тульском региолекте согласно общезыковым номинативно-семантическим принципам: по размеру; по месту впадения в более крупную реку; по рельефу местности, где река протекает; по расстоянию от места наблюдения. Вот ряд примеров из многостраничного реестра тульских региональных гидронимов Лёвшина: *Сухая Дубня, Большая Волковка, Малая Колодня, Лесная Невенка, Полевой Уперт, Мокрая Гатня, Средний Дубик, Верхний Дубик*.

В приведенных примерах находят отражение сравнительная маловодность отдельных рек, их склонность к пересыханию летом и, соответственно, затрудненность огородничества на западе Тульского края, степной речной ландшафт крупных рек центра региона с большим хозяйственным водозабором, а также склонность к заболачиванию земель в лесистых местностях и образованию гатей на востоке, где, наоборот, процветало огородничество, но было практически невозможно зерновое земледелие.

2.

Производственные устойчивые сочетания терминологического характера, фиксируемые Лёвшиным, особенно характерны для Тулы и ближайших окрестностей, население которых составляли преимущественно ремесленники. Оружейное, самоварное, пряничное, гармонное производство в Туле, кружевоплетение в Белёве, изготовление глиняной игрушки и посуды в Одоеве (сначала кустарное, затем — артельное и фабричное) запечатлевались в языке многочисленными устойчивыми неидиоматическими словосочетаниями. Дошедшие до настоящего времени, они сохраняют иногда следы уже не существующих производств, т. е. создают историческую панораму трудовых занятий населения региона.

С традиционными для Тулы оружейными ремеслами связаны названия геологических пород и различных металлических сплавов. Например: *купоросная земля, горная смола, зеленая медь*. *Зеленая медь* — сплав меди с цинком (иногда с добавлением олова), из которого изготавливались детали для оружия и особенно — для его украшения. Зеленая (или желтая) медь с различной концентрацией цинка чаще (с конца XVII в.) именовалась немецким по происхождению словом *латунь*, однако в регионах со старой металлоплавильной традицией сохранялось и старое устойчивое словосочетание *зеленая (желтая) медь*. В частности, у Лёвшина читаем: «*При заводе ... между прочаго, из красной меди с прибавкою шпиаутера составляют так называемую зеленую медь*» [74].

Ценную информацию содержат в себе устойчивые словосочетания, называющие применяемые в региональном строительстве природные материалы, например *мыльный камень*. *Мыльным камнем* именовался прочный

известняк белого цвета, добываемый близ села Сныхова Белёвского уезда. Эта порода использовалась в каменном строительстве Тулы со Средних веков. В частности, фундамент стен Тульского кремля, построенного в начале XVI в., изготовлен из мыльного камня.

О характере сельского труда и особенностях зернообработки в Тульской губернии говорят следующие зафиксированные В. А. Лёвшиным устойчивые словосочетания: *выгонять на росу, лошадь с запалом, мельница колотовка, мельницы на судах*.

Выгонять на росу — ранний выгон крупного рогатого скота для любого подножного прокорма в засушливое время: «Вредное обыкновение для скота выгонять на росу. Значит сие, что каждое семейство на рассвете выгоняет своих скотов в кусты или на берег реки или в иное место, где есть трава, чтоб до выгонения общего стада утром их накормить. Они разбредаются и толочат хлебные нивы и луга, отчего выходит много ссор и неудовольствий» [274]. Это словосочетание отражает неблагоприятные последствия малой плодородности нечерноземных земель, составлявших большую часть Тульской губернии. Только крайние южные территории (Чернский и Новосильский уезды) имели другие почвы и, соответственно, почти не знали проблем с кормом для скота в периоды задержки или отсутствия дождей.

Крестьяне Тульской губернии, как и все сельские жители России, очень бережно относились к домашним животным, особенно используемым в хозяйстве. В отличие от горожан, для которых лошадь была лишь средством передвижения, сельское население губернии оберегало лошадей от излишней нагрузки, поскольку они были задействованы в пахоте. Это отмечает Лёвшин, комментируя устойчивое словосочетание *лошадь с запалом*. *Лошадь с запалом* — заезженная, уставшая лошадь: «Лошадей с запалом у крестьян почти не бывает, ибо она скорой езде лошадей не подвергают» [280].

Неширокие, но быстрые реки Тульской губернии обуславливали особый характер мукомольного производства, что фиксируется в словосочетаниях *мельница колотовка* и *мельницы на судах*. Эти мельницы были намного меньше ветряных, их жернова работали интенсивнее и громче, ось колеса крепилась на особых плотках (судах), располагавшихся на противоположных берегах.

3.

Составные наименования политической и социально-исторической тематики отчетливо показывают, что «различные типы информации имеют разные механизмы внедрения в семантику... и разную в ней “глубину залегания”» [Ковшова 2019: 29].

Так, текст Лёвшина дает ряд интересных сведений о древних реалиях, отражающих эпоху позднего Средневековья. Например, суверенное могущество так называемого Белёвского княжества отражено в словосочетании *белевская деньга*. *Белевская деньга* — разновидность старинных монет, чеканившихся в середине XV в., когда Белёв был самостоятельным удельным княжеским городом. Лёвшин сообщает: «В 1781-м году при копании в городе Белеве позреба выкопаны две медные денежки, немного более старинной серебряной копейки, из которых на одной штемпель совсем изгладилса, но у другой с одной стороны была надпись: *деньга белевская*» [158]. Говоря о политическом значении «бития собственной монеты», Лёвшин демонстрирует подлинно научный уровень культурно-исторической информации составного наименования *белёвская деньга*, делясь с читателем в том числе археологическими сведениями о древних гробницах белевских князей под уже снесенной к его времени Иоанновской церковью белевского Спасо-Преображенского монастыря.

В тексте «Топографического описания...» присутствуют словосочетания-историзмы, обозначавшие социальный статус людей, характерный для Тульского края как для исторической помещичьей территории в исконном понимании слова *помещик*, т. е. человек, получавший поместье за службу государю (преимущественно военную). Таких устойчивых словосочетаний отмечено два: *боярские дети* и *засечные сторожи*.

Боярские дети — дворяне-однодворцы, входившие в конное войско русского князя и воевавшие со своим снаряжением. «*Сии-то однодворцы в старину назывались дети боярские, составлявшие свободных людей и конное войско. Из них зажиточные на данных им землях поселили крестьян и впоследствии попали в сословие дворян*» [174]. Как известно, фонетическая неоднородность тульских говоров (с их умеренным яканьем на фоне окружающего южнорусского диссимилятивного) объясняется в том числе и социальными факторами — заселением полученных боярскими детьми поместий крепостными крестьянами, приобретенными на разных российских территориях. Таким образом на русский юг проникла северная фонетическая черта — учет твердости/мягкости последующего согласного при произношении гласного в первом предупредительном слоге, чего не было больше ни в одном близлежащем регионе.

Засечные сторожи — дворяне Каширского и Венёвского уездов, происходившие от караульных командиров при тульских засеках. «*Есть еще в Тульской губернии особливый род людей под названием засечные сторожи, которых до ста пятидесяти человек и у которых есть свои земли и крестьяне*» [175].

К приведенным словосочетаниям примыкают зафиксированные Лёвшиным более поздние по происхождению устойчивые именованья

социальных статусов, в том числе городских: *черный народ*, *гуртовые купцы*, *коронные купцы*. Так именовались бедные мещане, оптовые закупщики и торговцы, имевшие лавки на центральных улицах уездных и губернского городов.

4.

Неидиоматические устойчивые словосочетания дают представление о быте, устройстве жилища, питании, организации трапезы и т. д., характерных для жителей Тульского региона. Многие из таких словосочетаний показывают отличительные черты тульского быта на фоне аналогичных черт других южнорусских территорий. Отдельные устойчивые словосочетания свойственны и соседним региолектам, но имеют в тульской локализации особое значение. Например, словосочетание *черная изба*. *Черная изба* у туляков — небольшое помещение в крестьянском доме рядом с печкой, поварня, тогда как в других регионах это, как правило, отдельное строение.

Лёвшин говорит о том, что в разных частях губернии и в разных семьях губернского центра (традиционно православных, раскольничьих, придерживающихся нового или старого уклада и др.) одни и те же реалемы могли называться по-разному. Например, *красный угол* в избе мог именоваться *передним углом*, *святым углом* или устойчивой предположительно надежной конструкцией *под святыми*. Ясно, что эти составные наименования не абсолютно оригинальны, но в своей совокупности, характерной только для Тульского края, они подтверждают идею, что в российских региолектах при одинаковых принципах названия реалей и при сходстве реалем «различна степень детализации экстралингвистических факторов и принципы их отбора системой знаков-терминов» [Толстой 2011: 18].

Тульскую и отчасти Орловскую локализацию имеет словосочетание *красное окно*, обозначавшее окно напротив переднего угла избы. Лёвшин отмечает, что тульская изба, как правило, имела лишь одно красное окно, которое по своему устройству было косящатым (вертикальным большим, в несколько диаметров бревен, со скошенной оконницей), в то время как все прочие окна делались волоконовыми (маленькими горизонтальными, в толщину одного бревна, со ставней-задвижкой).

К числу сочетаний бытового характера можно отнести *соложёное тесто*, обозначавшее праздничное кушанье в крестьянских семьях Тульского края, разновидность достаточно распространенной на юге России солончатой. По свидетельству Лёвшина, такое кушанье было характерно для патриархальных семей региона: «*Щи из капусты, иногда соложеное тесто*,

каша, удабриваемая конопляным маслом, — пища сельских жителей, живущих по обычаю предков» [242].

Обрядовые словосочетания традиционно составляют центр любого региолекта, поскольку именно они в силу семантической специфики дают представления о сущности мировоззрения простых людей, их отношения к духовным основам бытия. Тульский региолект включает в основном общероссийские идиоматические и неидиоматические устойчивые словосочетания такого типа, но встречаются в нем и своеобразные единицы. Из таковых, по записям Лёвшина, можно отметить следующие:

Княжой пир — застолье второго дня свадебного обряда, происходившие в доме жениха.

Кукушку крестить — праздник, отмечаемый в третье воскресенье после Пасхи, в неделю жен-мироносиц: «*Молодые бабы и девки, собравшись и запасшись яичницами и пирогами, ходят в роццу кукушку крестить. В роцце приискивают траву кукушкины слезы на таком месте, где всем можно было усесться. Сломив два прута, втыкают оные над этою травкою, на прутки вешают каждая свой крест, садятся в кружок, поют песни... после чего размениваются крестами и с того времени целую неделю остаются совершенными друзьями и называют друг друга кумою» [246].*

К числу троичких обрядовых словосочетаний относятся *завивать венки* и *развивать венки*, которые в Тульской губернии оформляли реальные обрядовые действия в день Святой Троицы и через неделю после этого праздника. В обрядах участвовали преимущественно самые молодые девушки. Характеризуя ритуальную сторону жизни населения Тульской губернии, Лёвшин замечает: «*Вообще можно сказать, что поселяне сей губернии нрава веселаго и в обхождении своем любят шутки; песни и пляски — любимое ими препровождение времени. Женщины и мужчины поют в уединении, за легкими ручными работами и даже с пением возвращаются в дома с тяжелых полевых работ» [246].*

Заключение

Номинативный статус неидиоматических устойчивых словосочетаний позволяет рассматривать их как показательные и наиболее разнообразные характеристики жизни человека. В этих сочетаниях находят отражение мельчайшие, а потому самые интересные детали минувшего. Поскольку подобные сочетания используются в текстах всех стилей, жанров и направлений, они с наибольшей полнотой фиксируют информацию. Письменные

источники прошлых веков, в том числе научного и энциклопедически-описательного характера, включают большое количество подобных сочетаний как атрибутов естественного языка эпохи. Их направленная выборка из текста, осуществляемая, как правило, наряду с выборкой фразеологизмов, позволяет реконструировать целостную картину человеческой жизни определенного периода. Для современного лингвокультурологического регионоведения это неоценимый источник материала, который пока не получил должного отражения в научном лексикографическом и фразеологическом фонде региолектов. Следовательно, изучение неидиоматических устойчивых словосочетаний, особенно в работах русских ученых второй половины XVIII — начала XIX вв., способствует введению в научный оборот подлинных фактов бытования региолектов в исторической перспективе.

Источники

Лёвшин В. А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год. Тула: Пересвет, 2006. 392 с.

Литература

Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб.: Издательство СПбГУ, 2001. 486 с.

Горбачевич К. С. (ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 1. М., СПб., 2004. 661 с.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2023. 461 с.

Дудников А. В. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1990. 424 с.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.

Кузнецов О. Ю. Локализация ареала топонима «Куликово поле» по русским средневековым письменным источникам // Тульская старина. 2017. Вып. 1. С. 14–28.

Отин Е. С. Из этимологических исследований донской гидронимии // Этимология. 1970. М.: Наука, 1972. С. 230–241.

Отин Е. С. Топонимия поля Куликова // Русская речь. 1980. № 4. С. 56–61.

Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М.: Армада-пресс, 2002. 416 с.

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 360 с.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1969. 232 с.

References

- Dudnikov A. V. *Sovremennyyi russkii yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1990. 424 p.
- Gerd A. S. *Vvedeniye v etnolingvistiku* [Introduction to Ethnolinguistics]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ. House, 2001. 486 p.
- Gorbachevich K. S. (ed). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large academic dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 661 p.
- Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. Moscow, AST Publ., 2023. 461 p.
- Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskii analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok. Antroponimicheskii kod kul'tury* [Linguocultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings. Anthroponymic code of culture]. Moscow, LENAND Publ., 2019. 400 p.
- Kuznetsov O. Yu. [Localization of the area of the toponym “Kulikovo field” according to Russian late medieval written sources]. *Tul'skaya starina*, 2017, no. 1, pp. 14–28. (In Russ.)
- Otin E. S. [From etymological studies of Don hydronymy]. *Etimologiya. 1970*, Moscow, Nauka Publ., 1972. pp. 230–241. (In Russ.)
- Otin E. S. [Toponymy of Kulikov Field]. *Russkaya rech'*, 1980, no. 4, pp. 56–61. (In Russ.)
- Shanskii N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1969. 232 p.
- Smolitskaya G. P. *Toponimicheskii slovar' Tsentral'noi Rossii* [Toponymic Dictionary of Central Russia]. Moscow, Armada-press Publ., 2002. 416 p.
- Tolstoy N. I. *Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya. Semasiologicheskie etyudy* [Slavic geographical terminology. Semasiological studies]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012. 360 p.

Всякого чїна людемъ: способы выражения адресата в печатных указах Петра I

Анастасия Артемовна Чекина, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), fillinfolk@gmail.com

DOI: 10.7868/S3034592826020061

аннотация: В статье рассматриваются способы выражения адресата в печатных указах Петра I с 1714 по 1725 гг. Подробно анализируются две наиболее типичные формулы-номинации «всякого чїна людемъ» и «всѣмъ в дѣлахъ обрѣтающимся». Выделяется ряд языковых особенностей подобных формул, проявляющихся прежде всего на грамматическом уровне: особое словорасположение (по латинскому образцу); калькирование; сочетание с определительным местоимением; употребление предложно-падежных форм и некоторые другие. Наблюдается стремление Петра I всем и каждому разъяснить содержание указов и довести его до сведения всех подданных (независимо от ранга), что проявляется в частом использовании лексики с корнем *вѣд-* (*вѣст-*). Для сравнительного анализа привлекаются указы Екатерины I и Петра II (1725–1730) с целью проследить языковые изменения в традиции оформления номинации адресата в печатных указах постпетровского времени. Первичные наблюдения показали, что самой устойчивой и традиционной формулой, берущей начало еще в XI в., оказывается формула «всякого чїна людемъ», которая зачастую употребляется не только в функции номинации адресата. В указах послепетровской эпохи заметно употребление более сложных синтаксических структур, указывающих на адресата, а также стремление к конкретизации людей по чину, статусу и должности.

ключевые слова: формула, адресат, печатные указы, Петр I, деловой язык XVIII века, формуляр

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чекина А. А. *Всякого чина людемь*: способы выражения адресата в печатных указах Петра I // Русская речь. 2026. № 2. С. 77–87. DOI: 10.7868/S3034592826020061.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ [проект 24-28-00325].

From the History of the Russian Language

Vsyakogo China Lyudem: Ways of Expressing the Addressee in the Printed Decrees of Peter the Great

Anastasiia A. Chekina, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia),
fillinfolk@gmail.com

ABSTRACT: The article studies the ways of expressing the addressee in the printed decrees of Peter the Great from 1714 to 1725. The two most typical formulaic nominations “to all people of all ranks” and “to all those in business” are analyzed in detail. A number of linguistic features of such formulas are identified, manifested primarily at the grammatical level: special word order (following the Latin pattern); calquing; combination with a determinative pronoun; the use of prepositional-case forms, and others. Peter the Great’s desire to explain the content of his decrees to everyone and to bring it to the attention of all subjects, regardless of their rank, is noted. This tendency is reflected in the frequent use of the lexemes with the root *вЪд-* (*вЪст-*). For comparative purposes, decrees of Catherine I and Peter II (1725–1730) on various topics are examined in order to trace the linguistic changes in the tradition of addressee nomination in the printed decrees of the post-Petrine period. Initial observations show that the most stable and traditional formula, dating back to the 11th century, is “every kind of person”, which is often used not only to nominate the addressee. In the decrees of the

post-Petrine era, the use of more complex syntactic structures indicating the addressee is noticeable, as well as the desire to specify people by rank, status and position.

KEYWORDS: formula, addressee, printed decrees, Peter I, official language of the 18th century, formulary

FOR CITATION: Chekina A. A. *Vsyakogo China Lyudem*: Ways of Expressing the Addressee in the Printed Decrees of Peter the Great. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2026. No. 2. Pp. 77–87. DOI: 10.7868/S3034592826020061.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation [project 24-28-00325].

Деловая письменность как система традиционных языковых средств и форм имеет закономерно развивающуюся историю становления. На протяжении XVIII в. продолжает складываться и совершенствоваться традиция письменного делового языка, истоки которой «лежат в глубокой древности» [Колесов 2013: 27]. Довольно отчетливо принципы делового письма формируются уже в XVI–XVII вв., когда «возрастает роль приказного делопроизводства, которое обслуживало все сферы социально-экономической жизни России этого периода» [Генералова, Зиновьева 2024: 23]. Важным этапом в становлении деловой письменности, несомненно, стала Петровская эпоха. «Очевидно, что в результате проводимых реформ Петру I пришлось решать целый ряд задач по эффективному управлению государством. Царь был вынужден менять принципы государственной коммуникации и, как следствие, средство ее реализации — деловой язык» [Садова, Руднев 2019: 44]. За все время своего царствования первый российский император издал большое количество указов (именных; во исполнение: из Сената, из Коллегий), подавляющее большинство из которых было адресовано «всякого чїна людемъ», что определяет стремление Петра I сделать письменный язык своего времени простым и доступным большому количеству людей (в частности, всем подданным).

Указ как документ, как известно, имеет определенный формуляр: «вид документа — автор документа (император или императрица) — кем объявлен документ — кому адресован документ — констатирующая часть (не во всех указах) — распорядительная часть» [Глотова 2011: 228]. Каждый из этих структурных элементов «обслуживается» устойчивыми речевыми

формулами, которые закрепляются в распорядительных документах и фиксируют постепенно складывающуюся и со временем трансформирующуюся традицию делового языка.

В настоящей статье внимание сконцентрировано на способах выражения адресата как одного из главных участников любого распорядительного документа. Материалом исследования служат печатные указы 1714–1725 гг. Петра I в количестве около 200 документов, где встречаются формулы, называющие адресата, а также — для сравнительного анализа — указы 1725–1730 гг. Екатерины I и Петра II (около 40 текстов), которые позволяют рассмотреть изменения в формулах-номинациях адресата в письменном деловом языке первой трети XVIII в.

Типичная формула указания на адресата в рассматриваемом периоде выделяется весьма однозначно и имеет разного рода варианты: **всякого чїна людемЪ** [КЕИВУ 1714–1719: 220]; **всякихЪ чїновЪ людемЪ** [КЕИВУ 1714–1719: 77; 119]; **всѣмЪ чїнамЪ**, *которые у дѣлЪ прїставлены* [ПСЗРИ Т. 5: 135]; **всѣхЪ чїновЪ людемЪ** [КЕИВУ 1714–1719: 57]; **всѣмЪ** *как свѣтскаго, так и духовнаго чїновЪ людемЪ* [КЕИВУ 1714–1719: 109]; *какЪ вышнїм, так и нїжнїмЪ всякихЪ чїновЪ людемЪ* [КЕИВУ 1714–1719: 144]; **всѣмЪ подданнымЪ нашего Государства, какогo чїну и достоїнства оныя нїестъ** [ПСЗРИ Т. 5: 91]; *разныхЪ чїновЪ людемЪ* [КЕИВУ 1714–1719: 244]; **проѣзжїмъ всякого чїна людемЪ** [ПСЗРИ Т. 7: 557]; **мастеровымЪ людемЪ** [ПСЗРИ Т. 7: 570]; **штатскихъ чиновЪ людемЪ** [ПСЗРИ Т. 7: 649]; **всѣмЪ и каждому, высокаго и нїжняго чїна и всѣмЪ чїнамЪ**, *которые при той церемонїи быть повѣлено* [ПСЗРИ Т. 7: 792]; **всякого чїна жїтелямЪ** [КЕИВУ 1714–1719: 67; 129]; **всякого чїна обывателемЪ** [КЕИВУ 1714–1719: 167] и под.

Основой конструкции закономерно является существительное *люди* в дательном падеже в значении адресата: *людемЪ* (реже — *чинамЪ* (1 употребление); *жїтелямЪ* (2 употребления); *обывателемЪ* (1 употребление)). Ядерный лексический компонент формулы *чїн* (*чїна*, *чиновЪ*, *чинамЪ*) как обобщающее указание на всех подданных, подчиненных *людєи* государства выражен различными категориями числа и падежа, в основном в указах представлен дательный адресата + родительный определительный в ед. и мн. ч.: *всякого чїна людемЪ / всякихЪ чїновЪ людемЪ*. В целом подобная конструкция в разных вариантах встретилаь в указах 93 раза. Это самая распространенная формула выражения адресата, которая в некоторых случаях употребляется как номинативная (не в значении адресата). Например — в указе «О взятьѣ пошлинѣ однихъ гривенныхъ по уложению» (1726): «Его Императорское Величество указалъ, сѣ исцовыхъ дѣлѣ, всякихъ чиновъ людей пошлины брать...». Функционирование подобной формулы в разных частях указа, безусловно,

указывает на ее клишированность, устойчивость и закреплённость в деловом языке XVIII в.

Характеризующим элементом, примыкающим к ядерному компоненту формулы, выступает определительное местоимение, указывающее на «всеохватность» адресата: а) «всякий»: *всякого / всякихъ*; б) «все»: *всѣхъ, всѣмъ (и каждому)*; в) «другой»: *других*. В том же значении встречается прилагательное «разный»: *разныхъ чиновъ людемъ*.

В некоторых конструкциях наблюдается уточнение, к людям какого статуса относится повеление: *проезжающія в пути всякихъ чиновъ люди (1725) / штатскихъ чиновъ людемъ (1726) / приказнымъ людемъ, обрѣтающимся въ Юстицъ и въ Вотчинной коллегіяхъ (1726) / всѣмъ и каждому, высокого и нижняго чїна и всѣмъ чїнамъ (1727)*. Такие конструкции используются в большей степени во времена правления Екатерины I и Петра II.

Возможно, что вся конструкция представляет собой кальку с латинского — «*omnium ordinum homines разныхъ, всякихъ чиновъ люди*» [Вейсман 1782: 18]: *всякого чїна людемъ*. В этом случае «инверсионность» формулы придает тексту некоторую риторичность, что в целом не свойственно манере самого Петра I, который, как известно, был «противником сложного и витиеватого слога» [Садова 2024б: 502]. Основные принципы «искусства деловой речи» [Романенко 1980: 17] лишь в XIX в. довольно ясно изложил и определил М. Л. Магницкий: «правильность языка, точность, краткость, благородная простота» [Магницкий 1835: 49].

Формула в подобном виде в деловой письменности отмечена и в более ранние периоды, например в указных грамотах XVI–XVII вв., что фиксирует НКРЯ: *От князя Юрья Ивановича в Кашин сотцким и десяцким и всем городным людем* черным Указная грамота дмитровского кн. Юрия Ивановича в Кашин сотским, десятским и всем городским людям о непритягивании в разметы и церковные проторы слобожан Сретен. монастыря Иерусалимской слободки на посаде в Кашине (1518.11.02); *От государя князя Ивана Васильевича московского и псковского, и ростовского на Двину в обе половины старостам и целовальником и всем посацким людем* лутчим и середним, и молотчим, и в Двинской уезд в станы и в волости старостам и целовальником, и всем черным людем Указная грамота царя Ивана IV населению обеих половин Двинской земли о посылке сына боярского Сутормы Хренова для сбора налогов (1575.11.19); *А сю б естя нашу грамоту велели вы честь всем нашим ратным людем* вслух, чтоб наше жалованье всем было ведомо. Указная грамота ц. Василия Ивановича (Новгородской четверти) в Нижний Новгород всему нижегородскому ополчению с похвалой за службу и о выступлении с войсками боярина Федора Ивановича Шереметева к Москве (1609.02.18). Однако, как показывает материал, формула, имеющая обобщающую лексему *чїн*, встречается

позднее (в XVIII в.) и прочно закрепляется в распорядительных документах (в частности, в указах) как способ выражения адресата.

Рассматриваемая формула, представляющая собой именное словосочетание, может включать в себя определительное придаточное предложение: *всѣмъ чінамъ, которые у дѣлъ пріставлены* [ПСЗРИ Т. 5: 135]. В этом случае выделяется еще одна конструкция, называющая адресата, в основе которой находится устойчивое предложно-падежное сочетание *у дел*. В печатных указах первой трети XVIII в. эта формула функционирует в сочетаниях с разными глагольными частями речи: *губернаторамъ, вице губернаторамъ, и протчімъ чінамъ, и пріказнымъ людямъ у дѣлъ пріставленнымъ* [КЕИВУ 1714–1719: 91]; *всѣмъ в дѣлахъ обрѣтающимся* [КЕИВУ 1714–1719: 196]; *всѣмъ у дѣлъ будучимъ* [ПСЗРИ Т. 5: 136]; *всѣмъ царедворцомъ, и дворяномъ всякого званія, и отставнымъ Афіцеромъ, и которые у дѣлъ* [ПСЗРИ Т. 6: 434]; *Штабъ и Оберъ Офицерамъ, которые у переписнаго дѣла нынѣ обрѣтаются* [ПСЗРИ Т. 7: 535] и под. Формула в различных вариантах встретила в текстах указов примерно 50 раз.

Фразеологически устойчивый оборот содержит в себе ядерный компонент *дело* с семантикой ‘работа, труд, занятие, служба’. Словесное сочетание в этом значении стало появляться в старорусский период (XIV–XVII вв.). Так, в Словаре обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв. уже отмечается его фразеологически связанное значение: «Сидеть у дела (дел). ‘Находиться на службе’. *А иные [стольники] на Москвѣ сидятъ въ Приказхъ у дѣлъ, и у пословъ въ приставехъ. Котошихин, 21, 1667 г. И они в Турханскомъ в таможенной избѣ, не седа у дѣла съхали в хлѣбные города. Сл. Мангаз., 106, 1664–1673 гг.*» [Мжельская (ред.) 2012: 118]. Это значение формулы прочно закрепляется в языке, что подтверждается и в статье Словаря русского языка XVIII века: «Быть, жить у дел (дела), т. е. ‘находиться на службе’. *Всѣмъ дворяном, которья у дѣл, всѣмъ стать на смотр. ПБП VI 194. Вельно .. из воинских и штатских чинов, кои у дѣл, отпускать в годовые отпуски. МАН VII 331 СХVIII века*» [Сорокин (ред.) 2007: 87].

В конструкциях адресата отмечаются предложно-падежные сочетания: а) в родительном падеже: *у дѣлъ, у дѣла*; б) в предложном падеже: *в дѣлахъ*. Вся формула представляет собой определительный оборот, основной смысл которого содержится в предложно-падежной форме *у дел* в сочетании с: а) кратким причастием: *приставлены, поручены*; б) полным причастием: *обретающимся, приставленным*; в) прилагательным: *будучим*; г) глаголом: *обретаются*. В некоторых случаях конструкция предстает без глагольного компонента, но сама структура формулы от этого не теряет смысла: *и которые у дел (будут, обретаются, находятся и т. д.)*.

В подобных указах «повеление» адресуется в первую очередь должностным лицам (приказным), которые в прямом смысле «должны»

находиться (обретаться) у дел, т. е. служить, трудиться, выполнять должностные обязательства. В Словаре русского языка XVIII века глагол «обретаться» отмечается в значении: 'пребывать, состоять в каком-л. чине, звании и т. п.' «Дамы и дъвицы при дворъ имѣют, пока они дѣйствительно в чинах своих обрѣтаются, слѣдующие ранги получить. ТР 11. Имѣют всѣ дъвицы, которых отцы в 1-м рангѣ, пока они за муж не выданы, ранг получить над всѣми женами, которыя в 5-м рангѣ обрѣтаются. Дсн. 1775 28» [Сорокин (ред.) 2006: 76].

Наряду с представленной конструкцией в современном русском языке возникает и начинает употребляться сочетание с отрицанием *не у дел*: «**Не у дел** — без службы. Сельский учитель не у дел, Кирилл Ярославцев, — смотрел тупыми глазами на рассыпанные перед ним статистические карточки. М. Горький, Ошибка». [Евгеньева (ред.) 1981: 305]. Формула известна с XVII в., что подтверждается контекстами из НКРЯ: *в Устюжской чети Александр Анисимов; в Костромской чети Иван Чистаго; в Новой чети Ларион Иванов; у соляной роздачи Микита Ядин, Осип Карнов, Богдан Ефимов; не у дел Петр Малыгин, Микита Наумов, Исай Дубинин, Микифор Великосенской, Александр Алексеев. Запись о дьяках, пожалованных в чин за «Рижскую службу», служащих в Москве в приказах (1663–1664).*

В указах Петра тоже отмечается такой способ выражения адресата, но реже, в рассматриваемом материале такая формула встретилась один раз: *и отставнымЪ <...> которые у дѢлЪ, а которые не у дѢлЪ, тѢмЪ всѢмЪ для смотра Его Царского Величества быть въ Москву...* [ПСЗРИ Т. 6: 434].

Со второй половины XVIII в. формула начинает употребляться активнее, о чем свидетельствуют материалы НКРЯ: *А в прибавок Сыскного приказа к членам к настоящему в том приказе присудствию определить из обретающихся не у дел калужского асесора князя Михайла Вадбольского, которого сыскав, герольдии отослать в тот приказ немедленно Копия с указа Правительствующего Сената об отсылке Каина с товарищами для следствия из Полиции в Сыскной приказ (1749); Геролдмейстерская Кантора, состоящая под ведением Правителствующаго Сената, должность имеет ведение всего шляхетства, и оных чины, и гербы, и кто не у дел, онаго к делам определяет А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751).*

Со временем меняется и сфера употребления: из делового письменного языка формула переходит в разговорный устный, что зафиксировано, например, во Фразеологическом словаре русского литературного языка конца XVIII — XX вв.: «**НЕ У ДЕЛ**. Разг. Оказаться без службы, без работы, без занятия по какой-либо причине. Перехватив встревоженный взгляд оказавшегося не у дел Бологова, Янчик быстро прикинул расчёты и, чеканя каждое слово, доложил: — Дивизион готов к открытию огня! (А. Полянский. Царица полей)» [Федоров (ред.) 1991: 115].

В отдельную значительную группу формул-номинаций адресата объединяются такие, в которых используется лексика с корнем *вѣд-* (*вѣст-*) в значении ‘знать, ведать’: и *протчѣмъ, кому вѣдати надлежит* [ПСЗРИ Т. 5: 69]; *объявить для вѣденія въ народъ, чтобъ всякъ свѣдом былъ* [ПСЗРИ Т. 5: 685]; *чтобъ всякъ о тѣхъ зборѣх, подлинно былъ свѣдом, и нікомуъ нельзя было прибавить или убавить* [ПСЗРИ Т. 6: 238; 244]; *чтобъ всѣмъ о томъ было вѣдомо* [ПСЗРИ Т. 6: 198]; *того ради всѣмъ и каждому, високаго и нѣжняго чѣна, какъ Россійскѣмъ, такъ и иностраннѣмъ о томъ вѣдать* [ПСЗРИ Т. 7: 792].

Вновь в позиции адресата выступают определительные местоимения в разных вариантах: а) в Д. п.: *протчѣмъ, всѣмъ, каждому*; б) И. п.: *всякъ, всѣ*. Зачастую они входят в придаточную часть сложного предложения в значении цели высказывания: *чтобъ всѣмъ о томъ было вѣдомо / чтобъ всѣ были извѣстны, и невѣденіемъ бы не отговаривались*. Это самая частотная формула, которую можно определить как типичную в этой группе формул. Часто такие формулы используются в финансовых указах, когда речь идет о каких-либо государственных зборѣх. В рассматриваемых указах формула встретилась 16 раз.

Как видно, употребляется разночастеречная лексика: глагол — *вѣдати* (*вѣдать*); краткое прилагательное — *свѣдом былъ, были свѣдомы, были извѣстны*; категория состояния — *было вѣдомо*; существительное с отриц. семантикой — *невѣденіемъ бы* (*не отговаривались*). Такое количество лексем с корнем *вѣд-* (*вѣст-*), содержащихся именно в формуле адресата, волне закономерно, т. к. с эпохи Петра I прослеживается традиция подробно и детально разъяснять всем и каждому содержание указов: было важно повсеместное знание воли царя. Отсюда и некоторые плеонастические, повторяющиеся в одном месте формулы адресата: *всякіхъ чиновъ людемъ... и всякого чѣна людемъ* (*объявить*). В связи с этим указы было принято публиковать *всенародно, в народ, всем*, «во многих местах общественного пребывания, т. е. охватывать большое количество получателей распорядительной информации» [Садова 2024а: 6].

Формула выражения адресата в печатных указах Петровского времени и в последующие эпохи представляет во всех случаях сложную, многокомпонентную структуру, что проявляется, прежде всего, на грамматическом уровне. Принципиальная «синтаксичность» формул адресата заключается в отсутствии прямых номинаций, все формулы представляют собой некую грамматическую структуру: формула-словосочетание превращается постепенно в целое предложение или в его часть. Сложно не согласиться с тем, что «латино-польский и немецкий синтаксис существенно повлиял на словорасположение слов внутри предложения (с глаголом на конце, отрывом определяемого слова от определяющего и постпозицией первого,

дистантным расположением управляемого и управляющего слова и др.)» [Чередниченко 2017: 5], на что обращал внимание еще В. В. Виноградов, утверждая, что эти особенности «укрепились в русской литературной речи конца XVII века» [Виноградов 1982: 39]. Такая сложность конструкций, возможно, связана с тем, что сам адресат был неоднороден: распоряжения от императора (императрицы) поступали всем подданным, разного статуса, чина и ранга, о чем свидетельствуют выделенные формулы-номинации.

В формулах заметно преобладание лексики со значением 'знание', поскольку в задачи указов входило повсеместное распространение их содержания во исполнение повелений царя. В анализируемом материале подобные конструкции встретились 33 раза. Самой распространенной формулой оказывается конструкция *всѣхъ (всякихъ) чиновъ людемъ*, которая в разных лексических вариантах встретилась в указах 93 раза. Формула с устойчивым предложно-падежным сочетанием *у дѣлѣ* фиксируется 50 раз. Эти показатели свидетельствуют об устойчивом функционировании формул, выражающих адресата в письменном деловом языке первой трети XVIII в.

Первичные результаты сравнительного анализа формуляра указов эпохи Петра I как ключевой и времени царствования Екатерины I и Петра II как примыкающих показывают, что формулы выражения адресата сохраняются, однако некоторые из них используются реже или дополняются более точными характеристиками. При Екатерине I, а затем и при Петре II идет процесс «конкретизации» адресата — в указах наблюдаются более точные формулы-номинации и все реже используются общие, типичные, «для всех»: *Дворцовымъ крестьянамъ; земским Комисарамъ и писарямъ и подъячимъ; Дворянамъ и др.*, а также различные безличные предложения с инфинитивными конструкциями без прямого указания на адресата, которые следует рассмотреть отдельно, что и будет выполнено в дальнейшем.

Источники

Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731. 424 с.

КЕИВУ 1714–1719 — Копии его императорского величества указов, состоявшихся с 1714, по 1719 год. Опубликованных и в прежних Санктъ-петербургской типографии двух выходов в книжках напечатанных. Ныне со приобщением к ним собранных в Сенате, состоявшихся указов же, надлежащих впредь к действию и ведению. В Санктъ-петербурхе: В Сенатской типографии напечатаны, 1724. 321 с.

Магницкий М. Л. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. М., 1835. 120 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 14.06.2025).

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1–45. СПб., 1830.

Литература

- Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
- Генералова Е. В., Зиновьева Е. И.* Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв.: Монография. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. 462 с.
- Глотова С. А.* Указ как основной распорядительный документ в высших органах власти XVIII в. // История и архивы. 2011. № 18 (80). С. 225–238.
- Демидов Д. Г., Калиновская В. Н., Колесов В. В., Черепанова О. А.* Язык и ментальность русского общества XVIII века / Отв. ред. В. В. Колесов. СПб.: Издательство СПбГУ, 2013. 318 с.
- Евгеньева А. П.* (ред.). Словарь русского языка в четырех томах. Т. I. 3 изд., стереотип. М.: Русский язык, 1981. 699 с.
- Мжельская О. С.* (ред.). Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Т. 5. СПб.: Наука, 2012. 342 с.
- Романенко А. П.* Проблемы нормализации русского канцелярского стиля первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 17 с.
- Садова Т. С.* *Объявить в народ*: о речевых формулах со значением 'доведение до сведения' в печатных указах Петра I (1714–1719) // Мир русского слова. 2024а. № 2. С. 4–11.
- Садова Т. С.* Печатные указы Петра I: издания для публичного чтения // Журналистика XXI века: социальный заказ. Материалы международной научно-практической конференции. СПб.: Медиапапир, 2024б. С. 497–504.
- Садова Т. С., Руднев Д. В.* Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 43–47.
- Сорокин Ю. С.* (ред.). Словарь русского языка XVIII века. Вып. 16. СПб.: Наука, 2006. 278 с.
- Федоров А. И.* (ред.). Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII — XX в.: в 2 т. Т. 1. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1991. 340 с.
- Чередниченко А. П.* К истокам официально-делового стиля: о функционально-синтаксической неоднородности делового языка в России XVIII столетия // Метеор-Сити. 2017. № 2. С. 3–8.

References

- Cherednichenko A. P. [Towards the origins of the official business style: on the functional and syntactic heterogeneity of the business language in Russia of the 18th century]. *Meteor-Siti*, 2017, no. 2, pp. 3–8. (In Russ).
- Demidov D. G., Kalinovskaya V. N., Kolesov V. V., Cherepanova O. A. *Yazyk i mental'nost' russkogo obshchestva XVIII veka* [Language and mentality of the Russian society of the 18th century]. Ed. by V. V. Kolesov. St. Petersburg, Publ. House of the St. Petersburg Univ., 2013. 318 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka v 4-kh tomakh* [Dictionary of the Russian language in 4 vols]. Vol. I. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981. 699 p.
- Fedorov A. I. (ed.). *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII – XX v.: v 2 t.* [Phraseological dictionary of the Russian literary language of the end of 18th – 20th c.: in 2 vols]. Vol. 1. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991. 340 p.
- Generalova E. V., Zinovieva E. I. *Istoki russkoi frazeologii: ustoichivye sochetaniya yazyka delovogo i povsednevnogo obshcheniya Moskovskoi Rusi XVI–XVII vv.: Monografiya*. [The origins of Russian phraseology: stable combinations of the language of business and everyday communication in Moscow Rus of the 16th – 17th centuries: Monograph]. St. Petersburg, Publ. and Print. Association of Higher Education Institutions, 2024. 462 p.
- Glotova S. A. [Ukaz as the main administrative document in the higher authorities of the XVIII century]. *Istoriya i arkhivy*, 2011, no. 18 (80), pp. 225–238. (In Russ).
- Mzhel'skaya O. S. (ed.). *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoi Rusi XVI–XVII vekov* [Dictionary of the everyday Russian language of Moscow Rus of the 16th – 17th centuries]. Vol. 5. St. Petersburg, Nauka Publ., 2012. 342 p.
- Romanenko A. P. *Problemy normalizatsii russkogo kantselyarskogo stilya pervoi poloviny XIX veka: avtoref. dis.... kand. filol. nauk* [Problems of normalization of the Russian clerical style of the first half of the 19th century: Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1980. 17 p.
- Sadova T. S. [To announce to the people: about speech formulas with the meaning of 'bringing to notice' in the printed edicts of Peter I (1714–1719)]. *Mir russkogo slova*, 2024a, no. 2, pp. 4–11. (In Russ).
- Sadova T. S. [Printed edicts of Peter I: editions for public reading]. *Zhurnalistsika XXI veka: sotsial'nyi zakaz. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Journalism of the 21st century: social order. Materials of the international scientific-practical conference]. St. Petersburg, Mediapirpir Publ., 2024b, pp. 497–504. (In Russ).
- Sadova T. S., Rudnev D. V. [Crystallization of business speech in the Petrine era]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 5 (182), pp. 43–47. (In Russ).
- Sorokin Yu. S. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Iss. 16. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 278 p.
- Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [Essays on the history of the Russian literary language of the 17th – 19th centuries]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1982. 528 p.

«В добром житье лице белеется и румянеется...» (слово *лицо* в русской необрядовой лирике)

Мария Александровна Бобунова, Курский государственный университет (Россия, Курск),
bobunova61@mail.ru

DOI: 10.7868/S3034592826020079

АННОТАЦИЯ: В статье дается описание языкового портрета существительного *лицо* в русской необрядовой песенной лирике. Выбор слова, входящего в лексическое ядро русского языка, обусловлен его семантической и фразеологической ценностью, а также высоким словообразовательным потенциалом. Материалом исследования стали 12 лексикографических комплексов, подготовленных курскими лингвофольклористами на базе лирических песен, записанных в разных регионах России в XIX в. и включенных в свод «Великорусские народные песни». С опорой на словарные материалы проводится всесторонний анализ синтагматических связей слова *лицо*. Выявлены характерные атрибутивные пары, глагольные сочетания существительного и территориально маркированные конструкции, нередко включающие диалектные и специфически фольклорные слова. Отмечено, что анализируемое слово входит в состав разных ассоциативных рядов с упоминанием других соматизмов. С помощью таких конструкций емко рисуется портрет, передается красота девушки или молодца, их эмоциональное состояние или переживание. В статье описывается не только слово *лицо*, но и встретившиеся в народно-песенных текстах производные от него существительные и прилагательные. Делается вывод об исследовательском потенциале лексикографических комплексов для описания языкового портрета значимого для фольклорной картины мира слова и намечаются перспективы дальнейшей работы.

М. А. Бобунова. «В добром житье лице белеется и румянеется...» (слово *лицо* в русской необрядовой лирике)

M. A. Bobunova. "V Dobrom Zhit'e Litse Beleetsya i Rumyaneetsya..." (the Word Face in Russian Non-Ritual Lyrics)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: язык фольклора, лингвофольклористика, лирическая песня, лексикографический комплекс, соматизм, существительное *лицо*
для ЦИТИРОВАНИЯ: Бобунова М. А. «В добром житье лице белеется и румянеется...» (слово *лицо* в русской необрядовой лирике) // Русская речь. 2026. № 2. С. 88–100. DOI: 10.7868/S3034592826020079.

The Language of Fiction

“*V Dobrom Zhit’e Litse Beleetsya i Rumyaneetsya...*” (the Word Face in Russian Non-Ritual Lyrics)

Maria A. Bobunova, Kursk State University (Russia, Kursk), bobunova61@mail.ru

ABSTRACT: The article examines the linguistic portrait of the noun *litso* in Russian non-ritual song lyrics. The choice of the word, which belongs to the lexical core of the Russian language, is due to its semantic and phraseological significance, as well as its high word-formation potential. The material for the study consists of twelve lexicographic complexes compiled by Kursk linguafolklorists on the basis of lyric songs recorded in different regions of Russia in the 19th century and included in the collection “Great Russian Folk Songs”. On the basis of the dictionary materials a comprehensive analysis of the syntagmatic relations of the word *litso* is carried out. Characteristic attributive collocations and verbal combinations of the noun are identified, as well as territorially marked constructions that often include dialectal and specifically folklore words. It is noted that the analyzed word is a part of various associative series involving references to other somatisms. Through such constructions, a concise portrait is created: the beauty of a girl or a young man, their emotional state or experience is conveyed. The article examines not only the word *face* itself, but also nouns and adjectives derived from it that occur in folk song texts. The study concludes by highlighting the research potential of lexicographic complexes for describing

the linguistic portrait of a word that is significant for the folkloric worldview, and by outlining prospects for further work.

KEYWORDS: language of folklore, linguofolkloristics, lyrical song, lexicographic complex, somatism, noun *face*

FOR CITATION: Bobunova M. A. “*V Dobrom Zhit’e Litse Beleetsya i Rumyaneetsya...*” (the Word *Face* in Russian Non-Ritual Lyrics). *Russian Speech = Russkaya Rech’*. 2026. No. 2. Pp. 88–100. DOI: 10.7868/S3034592826020079.

Существительное *лицо* входит в лексическое ядро русского языка. По данным «Нового частотного словаря русской лексики», оно имеет высокий ранг: в частотном списке лемм занимает 104-ю позицию, а в частотном списке имен существительных — двенадцатую [Ляшевская, Шаров 2009]. В словаре под редакцией В. В. Морковкина слово *лицо* приводится в списке 500 самых важных русских слов [Морковкин (ред.) 2003: 49]. Значимость данной лексемы подтверждается также тем, что она обладает высоким словообразовательным потенциалом: в словообразовательном гнезде с вершиной *лицо* представлено 106 производных, среди которых слова разных частей речи (*личико, лицевой, обезличить, лично*) и разной морфемной структуры (*личность, безличный, перелицевать, пухлолицый, двуличный*) [Тихонов 2003: 553–554]. Можно говорить и о фразеологической ценности многозначного существительного *лицо*, которое входит в состав многочисленных устойчивых языковых конструкций: *лицом к лицу, на одно лицо, знать в лицо, невзирая на лица, на лице написано, стереть с лица земли, лицом в грязь не ударить, с лица воды не пить* и др. [Евгеньева (ред.) 1986: 191–192].

Являясь своеобразной визитной карточкой человека, *лицо* многое может рассказать. Неслучайно это существительное относится к группе доминантных слов в текстах разных литературных жанров. Не является исключением и фольклор. Лингвофольклористы уже обращались к описанию соматизма *лицо* в ряду других номинаций частей тела человека (см., например: [Завалишина 2005; Петрухина 2006]), однако эти исследования проводились на ограниченном материале русской народной лирики и волшебной сказки. Работа над словарем языка фольклора позволила значительно расширить базу исследования. За прошедшие годы нами была подготовлена серия лексикографических комплексов. Каждый комплекс, под которым мы понимаем совокупность взаимосвязанных словарных материалов, состоит из четырех частей: 1) фольклорного

мегатекста; 2) алфавитно-частотного словника; 3) частотного словаря; 4) конкорданса.

Фольклорный мегатекст в нашем понимании — это упорядоченный корпус конкретных паспортизированных текстов. На его базе с помощью специально разработанной компьютерной программы NewSlov (автор — М. В. Литус) создается алфавитно-частотный словник, который включает все лексемы мегатекста, расположенные в алфавитном порядке с указанием количества употреблений каждого слова. Частотный словарь представляет собой перечень всех лексем в порядке убывающих частот. Наиболее информативным для исследователя оказывается конкорданс — алфавитный список всех слов фольклорного мегатекста с приведением паспортизированных контекстов их употребления. Построенные на основе жанровой и территориально-временной однородности текстов, комплексы содержат богатый материал для наблюдений и размышлений (подробнее о комплексе см. [Бобунова 2023]).

Целью настоящей статьи является описание языкового портрета слова *лицо* (в совокупности всех значений) в русской необрядовой песенной лирике. Источниками стали 12 комплексов лирических песен, записанных в разных регионах России в XIX в. и включенных в семитомный свод «Великорусские народные песни»¹.

Как оказалось, существительное *лицо* представлено во всех словниках, причем в частотных словарях оно, как правило, занимает довольно высокие позиции (входит в группу ста наиболее употребительных знаменательных слов). Активно используется и диминутивная форма *личико*, а также диалектное слово *лiчкo* 'лицо, личико' [Филин (ред.) 1981: 88], которое, по сведениям сводного диалектного словаря, фиксируется повсеместно: *Полюблю я молоденькаго, Я на личко хорошенькаго, Раскасятую ласточку, Что рябую перепелушку!* <2, 363>. А в саратовских песнях зафиксирована лексема *личенько*: *У меня, младой, личенько загарливое, У меня, младой, сердечушко забольчивое...* <2, 442>.

Характерной чертой фольклорных текстов является использование постоянных эпитетов, с помощью которых передаются наиболее существенные, типичные особенности разных понятий и явлений. Ранее уже было замечено, что постоянным эпитетом существительного *лицо*, как и названий других частей тела (*рука, грудь*) в разных фольклорных жанрах оказывается прилагательное *белый*. Это обусловлено тем, что это слово, «обладающее в фольклоре предельно расширенной семантикой, используется как оценочное определение (= "хорошее, красивое")» [Хроленко 1992: 72]: *Как один из них добрый молодец Призадумался, Не по батюшке,*

¹ Далее при цитировании песен по этому своду в ломаных скобках указывается номер тома свода и номер песни.

не по матушке Загорюнился, А **об белом лице** красной девицы, Об ясных очах, о черных бровях <5, 106>.

Белое лицо, наряду с черными бровями и ясными очами, — это эталон женской красоты. Правда, в песнях подобную характеристику может получать и мужской персонаж: *Сизый голубчик — удалой молодчик, Брови, брови его черны, Очи его ясны, Сам на личико беленок* <5, 610>.

Для передачи белого цвета лица в необрядовой лирике используются разные синтаксические конструкции: и эпитетосочетания, и предикативные единицы, и сравнительные обороты.

*Текут, текут слезоньки **по белу лицу***
<3, 31>.

*Изволь, душа, насмотреться
На своего ль дружка милаго:
Брови черны, **лице бело**,
Сама девка — раскрасавка* <4, 239>.

*Ой ты, девица, красавица моя,
Для чего, про что красна девица
Уродилась хороша:
Лице — белый снег,
Во щечках — алый цвет,
Брови черны — колесом,
Очи ясны — соколом!* <3, 249>.

В песнях неоднократно подчеркивается, что белое лицо необходимо беречь от жары и холода, от атмосферных осадков и сухой погоды: *Я от жару и от морозу Бело личико стерегла* <5, 742>; *От солнышка, от непогодышки лицо белое свое сберегла* <5, 55>.

Еще один эпитет красивого лица (и девушки, и парня) — прилагательное *румяный*: *Его **личико румяно** И головушка кудрява!* <4, 393>. Часто два эпитета соседствуют в одном контексте: *Он не может наглядеться, Наглядеться-насмотреться На мое **лице белое**, На мое ли **румяное**, На мои ли очи ясны, На мои ли соколины, На мои ли брови черны, На мои ли соболины...* <4, 274>; *Что моя радость — хорошенька, **Лицем бела, румянешенька**, Лицем бела, румянешенька, На нее глядеть милешенько* <3, 244>.

Другие определения встречаются значительно реже, причем большинство из них единично и фиксируется в текстах того или иного региона: *бледное* (Воронеж), *вспыльчивое* 'легко покрывающееся румянцем' (Вологда), *милое* (Архангельск). В песнях используются не только общеупотребительные, но и диалектные и собственно фольклорные прилагательные. Например, в курских песнях — *подманчиватый* 'привлекательный' [Сороколетов (ред.) 1994: 75], *непомёрный* 'Фольк. Необыкновенный; чрезвычайный' [Филин (ред.) 1986: 117].

*А девушки **белое лицо подманчивато**... <5, 661>.
Перекликала — красота моя,
Лице белое, непомерное,
Щечки алая, брови черныя <4, 312>.*

В архангельских и пермских песнях зафиксировано прилагательное *разгáрчивый* 'Фольк. Легко, быстро покрывающийся румянцем (о лице, щеках)' [Сороколетов (ред.) 1999: 301], а в орловских — *разгáрчиватый* 'То же, что разгарчивый' [Сороколетов (ред.) 1999: 300]: *Не хватай меня за белое лицо: Мое личико разгарчивато: Разгорится, не уйдет* <2, 55>. В саратовской лирике — *загáрливый* 'хорошо, легко загорающий на солнце' [Филин (ред.) 1972: 355], а в песнях Сибири — причастие *призатёртый*, образованное от глагола *призатереть* 'Фольк. Растереть, размазать (краску, слезы)' [Сороколетов (ред.) 1997: 222]: *У молодушки, да у молодушки Призаплаканы глаза, У хорошенькой, да у хорошенькой Призатертое лицо* <5, 570>.

В отдельных случаях встретились притяжательные местоимения (*мое, свое*) и прилагательные (*вдовье, девичье, Иваново*) — Вологда, Самара: *Из Иванова лица Выступали румянца* <5, 286>. В подавляющем большинстве случаев существительное *лицо* в необрядовой лирике используется в значении 'передняя часть головы человека' [Евгеньева (ред.) 1986: 191], хотя отмечены и другие примеры, о чем говорят синтагматические связи слова: *Посадили молодца Против вдовьяго лица* <4, 130>. Здесь существительное *лицо* реализует значение 'отдельный человек в обществе, индивидуум' [Евгеньева (ред.) 1986: 191].

Белый цвет лица и румянец на нем — это и естественная красота, и красота, создаваемая с помощью разных косметических средств. Ср.:

*У девицы в белом лице
Румянец играет,
Холостому, молодому
Назолу дает* <5, 247>.

*Вы, белильца-румянца мои,
Дорогая новокупленная,
В зелено вино разложенная,
На бело лицо положенная,
Вы скатитесь со бела лица долой!* <2, 458>.

В песнях, записанных на разных территориях России, зафиксированы различные диминутивные варианты слов *белила* и *румяна*, которые в сводном диалектном словаре характеризуются как фольклорные (*белильца, белильцы, белилицы; румянца, румянцы, румяницы, румянички, румянышко*): *Белилицы, румяницы мои, Сокатитесь со бела лица!* <2, 456>.

Лицо — это экран эмоциональной жизни человека, на нем отражается и печаль, и радость: *Видна кручина по бледному лицу* <3, 7>; *С радости — лице белится, Белится лице, румянится;* *С печали — лице чернится. Чернится лице, марается* <3, 8>; *В добром житье лице белеется и румянеется, В худом житье лице чернеется и стареется* <3, 7>.

Показательны глагольные связи существительного. Лицо может *белеться, белиться, чернеться, черниться, румянеться, мараться, стареться,*

потускнуть, призатускнуть ‘Фольк. Потускнеть, сделаться потухшим, невыразительным’ [Сороколетов (ред.) 1997: 223], *припотеть* ‘вспотеть’ [Сороколетов (ред.) 1997: 356].

Лицо бело призатускло ночью в темноте,
Щеки алая призапали с горя, с тоски,
Очи ясны помутились, все стали не те <5, 295>.
Лице бело припотело,
Разгуляться захотело! <4, 294>.

Для необрядовой лирики характерны сочетания с глаголами *гореть, загореться, разгораться* ‘становиться теплым, горячим, начинать пылать, чувствовать жар’ [Сороколетов (ред.) 1999: 311]: *Запривныло мое сердце ретивое, Разгорелось мое личко* белое, Белое мое лицо, румяное <5, 398>.

Описание волнения от любовных переживаний передается с помощью разных конструкций, в составе которых используются существительные *жар* ‘румянец на лице’ [Филин (ред.) 1972: 71] и *кровь*: *появился в лице жар, жар в лице разгорается/возгорается, вступил жар во лицо, жар в лице полируётся* ‘разгораться, вспыхивать ярким румянцем; играть (о крови)’ [Сороколетов (ред.) 1995: 74]; *кровь появится в лице, горит кровь в лице, разгорается в лице кровь, кровь лицо разгорает, пылает в лице кровь, кровь в лице споллируется* (сов. к полироваться).

<i>Уж я рук не отнимала,</i>	<i>Отчего-то пылает в лице кровь?</i>
<i>Появился в лице жар</i> <4, 314>.	<i>Она пылает, лице разгорает</i> <3, 85>.
<i>Где я его увижу, сердце радуется,</i>	<i>Где ж ее увижу, сердце взрадуется,</i>
<i>Жар во лице полируется</i> <4, 245>.	<i>Кровь во лице споллируется</i> <4, 244>.

Лирические герои пытаются сдерживать излишние эмоциональные переживания от общения или встречи с любимым человеком, для этого им необходимо *простудить лицо* ‘освежать, вызывать чем-л. ощущение свежести, бодрости’ [Сороколетов (ред.) 1998: 255] или *простудиться* ‘освежиться, прохладиться’ [Сороколетов (ред.) 1998: 254]: *А сам вышел на паратное крыльцо, Простудил он свое белое лицо!* <5, 731>; *Вышла в сени Саши простудиться, Чтобы жар с лица согнать* <2, 285>.

Подмечено, что «жару» и его симптому — румянцу — противостоит «остуда» физическая или эмоциональная» [Завалишина 2005: 6]. Материалы лексикографических комплексов подтверждают это. Результатом расставания влюбленных становится утрата красоты: *Тело тает, тело тает, Красота с лица спадает* <5, 20>. Охлаждение в отношениях передается разными глагольными сочетаниями, свидетельствующими о потере румянца: *вынуть краску* ‘кровь’ [Филин (ред.) 1979: 177] *из лица; кровь стынет в лице; в лице поблекли розовые цветы.*

*Довел красну девушку до славушки до худой,
До худой до славушки, вынял краску из лица! <5, 89>.
Когда кровь в лице моем застынет,
Тогда кончится с милым любовь <5, 55>.
Ну, когда с тобой разстался, дружок,
Потеряла я веселье и покой,
Во лице поблекли розовы цветы <4, 515>.*

Заметим, что потеря красоты и ее атрибутов (косметических средств) может быть и результатом замужества: *Скоро Сашу взамуж отдадут, Скоро волюшка минуется, Красота с лица стеряется! <2, 116> (стеряться 'исчезнуть с поверхности кожи, лица' [Сороколетов (ред.) 2007: 153]); — Воля, нега — красным девкам; Молодушкам миновалась: Лицо бело замаралось, С пылью, с грязью перемешалось! <2, 485>; Вы, белилички, румянички мои, Сокатитесь со бела лица долой! Едет, едет мой ревнивый муж домой <2, 451> (сокатиться 'убираться, удаляться с лица (о румянах и т. п.)' [Сороколетов (ред.) 2005: 236]). Потере красоты часто способствуют слезы: *Не рони слезы по белому лицу: Слезы ронишь — лице портишь, Портишь свою красоту! <5, 338>.**

Отметим другие глагольные связи, характерные для песен, записанных в разных регионах России. Так, конструкция *открыть* лицо является характерным знаком выбора девушки: *Девушка парню говорила: «Одного тебя любила, Одного тебя любила, Лице белое открыла» <4, 294>; Девка парня полюбила, Потому лице открыла <4, 296>.*

Как свидетельствуют материалы разных конкордансов, лицо нередко оказывается объектом физического воздействия. При заигрывании за него можно *хватать, щипать, пощипывать*, его можно просто *задеть*: *Стал он с девушкой заигрывать, За бело лице пощипывати <2, 56>; Не шути-ка, парень, шуточки, Не задень меня по белому лицу: Мое личико разгарчивое, Ретиво сердце зазнобчивое!.. <2, 52> (зазнобчивый 'влюбчивый' [Филин (ред.) 1974: 96]). Неверность же девушки влечет за собой наказание (*бить по лицу, ударить вдоль по лицу, хлестать по лицу*): «Всю я верность расскажу: Семерых одна любила, Я восьмаго — женатаго, Руса-кудрява парничкишу!» *Парень слушать перестал, — Хлесть по белому лицу <5, 276>.**

Доверительные отношения между влюбленными или супругами предполагают общение лицом к лицу: *Кто кого верно любит, Через поле гулять ходит, Ко сударушке заходит, Супротив лица садитесь <4, 239>.* В противном случае фиксируются сочетания *лицом к стене, на край лицом или лицом от мужа*: *Он ложился спать ко мне на кровать Не по людскому, — по дурацкому: Ко стене лицом, ко мне спинкою, Поясницею <2, 476>; Он ложится спать на кроватишке, На край лицом, ко мне спиной <2, 469>; Отвори дверку тихохонько, Пройди горенку плавнехонько, Ляг к нему,*

невестушка, на кроватишку, Ребрышком к стене, лицом от мужа! <2, 519>. В качестве противопоставления используется не только пара *лицо — спина*, но и *лицо — плечо*: *К людям ходит личиком, Ко мне, радость, плечиком!* <3, 536>; *Жена меня не любит, Душа ненавидит, К людям ходит личком, Ко мне ходит плечком!* <3, 549>. Здесь у слов *личиком* и *личком* проявляется значение ‘передом’.

В солдатских песнях неоднократно фиксируется предложно-падежная форма *на лицо* с особой семантикой ‘на глаза потребовать, приходиться и т. п.’ [Филин (ред.) 1981: 86]: *Требовали Алешеньку На парадное крыльцо, К начальнику на лицо* <6, 528>; *Выводили мальчоночка На паратное крыльцо, К начальничку на лицо* <6, 529>.

Кроме общих для необрядовой лирики конструкций, выделяются и такие, которые зафиксированы в песнях одного региона, что подтверждается материалами сводного диалектного словаря. Например, сочетание *наводить лицо* ‘подкрашивать брови, губы, румяниться, пудриться’ [Филин (ред.) 1983: 172] отмечено только в орловских песнях: *Я лицо ли наводила — майора любила* <5, 408>.

В курском фольклоре встретилась конструкция *из личика написанный* (*с личка написан*): *Александрюшка — хорош, пригож, Он из личика что написанный, Умом разумом что насыпанный* <2, 259>; *Что хорош, пригож милой зародился, Он и ростом, дородством, красотю, Он и молодецкою чистотю, Он и с личка краличка написан, Умом-разумом, ягодка, насыпан!* <5, 396>. *Написанный* ‘Фольк. 1. Будто нарисованный, красивый’ [Филин (ред.) 1985: 75]; *насыпанный* — *насыпать* ‘Фольк. Наделять чем-либо в большой степени’ [Филин (ред.) 1985: 210–211].

В вологодских песнях отмечено сочетание *разыграть в лице румянец* ‘Заставить играть (о румянце)’ [Сороколетов (ред.) 2000: 81]: *Что не ты ли мое сердце разжег, Во белом лице румянец разыграл?* <5, 166>, в архангельских — *подхожий лицом*: *Уж я всем дружку понравилась: Белым лицом подхожая, Мыслями дружку прехитрая, Во компаньюшке веселая, Во девицах красавица* <5, 26>. В «Словаре русских народных говоров» данный пример приводится в качестве иллюстрации сочетания *подхожий чем-л.* при описании значения ‘похожий, сходный’ [Сороколетов (ред.) 1994: 242]. Полагаем, что здесь реализуется сема ‘подходящий’.

Характерной чертой устно-поэтических текстов является активное использование ассоциативных рядов — устойчивых словесных комплексов «вертикального» характера, когда слова, «принадлежащие одному лексико-семантическому полю, устойчиво следуют друг за другом в смежных стихах. Компоненты этой конструкции обнаруживают грамматический и позиционный параллелизм» [Хроленко 1981: 25]. Приведенные контексты наглядно свидетельствуют о том, что в народной лирике

М. А. Бобунова. «В добром житье лице белеется и румянеется...» (слово *лицо* в русской необрядовой лирике)

М. А. Bobunova. "V Dobrom Zhit'e Litse Beleetsya i Rumyaneetsya..." (the Word Face in Russian Non-Ritual Lyrics)

существительное *лицо* входит в состав разных вертикальных конструкций с упоминанием других соматизмов. Это могут быть названия

— частей лица (*щеки, глаза, очи, брови*):

Очи его ясны,

Брови его черны,

Личико беленько <5, 614>;

В кого, радость, уродилась хороша:

Лицом бела — да что беленький снежок,

Щеки алы — в саду аленький цветок,

Брови черны, с поволокою *глаза*... <4, 177>;

— внутренних органов (*сердце*):

Не дождичком бело *лице* смочило,

Не морозом ретиво *сердце* познобило,

— *Смочило* бело *лице* слезами,

Познобило-то сердце тоской-кручиной... <5, 89>;

Твое личико разгарчивое,

Ретиво сердце доносливое! <2, 116>;

— элементов кровеносной системы (*кровь*):

Разгоралось мое белое *лицо*,

*Зазноблялося сердце*чушко,

Разыгралась кровь горячая... <2, 52>

(*зазнобляться* 'влюбляться' [Филин (ред.) 1974: 95].

Замечено, что «русская народная лирическая песня обнаруживает тончайшее искусство при помощи устойчивой словесной конструкции передавать не только различные ситуации, в которых находится лирический герой, но и многообразные оттенки человеческих чувств» [Хроленко 1981: 104]. С помощью указанных ассоциативных рядов емко рисуется портрет, передается красота девушки или молодца, их эмоциональное состояние или переживание.

Кроме существительных с корнем *лиц-//лич-* в необрядовой лирике используются сложные прилагательные *белолицый, круглолицый, круглоличка* 'Нар.-поэт. Круглолицая девушка' [Кузнецов (ред.) 2000: 474]: *Зазнобушка — красна девушка, Белолица, круглолицая, Чернброва, черноглазая* <6, 469>; *Не за то ли милый любит, что я невеличка, Невеличка, круглоличка, лицо беленькое, Щечки румяньенькия, глаза забавньенькие?* <4, 213>. Обратим внимание на то, что в песнях, записанных в Казанской губернии, встретилась не отмеченная в словарях и НКРЯ форма мужского рода *круглоличек*: *Во саду ли, в огороде молодец гуляет, Сам собою невеличек, лицом круглоличек* <4, 771>.

Еще одно производное прилагательное *личный* 'собственный' [Филин (ред.) 1981: 89] зафиксировано единожды в архангельских песнях в сочетании со словом *любезный*: *Не дали со миленьким подольше гулять, Подольше гулять, речей говорить, Личному любезному в очи попенять: Что долго не женишься, миленький дружок, Меня, раскрасавицу, замуж не берешь?* <3, 400>.

В словообразовательном словаре современного русского языка слово *лицемер* является вершиной отдельного словообразовательного гнезда [Тихонов 2003: 553], хотя этимологически это сложное слово со значением 'меняющий лица, двуличный' [Фасмер 1986: 506]. В песнях Поволжья встретились существительное *лицемёрщик* 'лицемер' [Филин (ред.) 1981: 85] (Саратов) и глагол *лицемёрить* (Казань): *Ты, изменщик, лицемерщик, Изменил ты девушку с белого лица!* <5, 324>; *Отойди-ка прочь, любезный, в глазах лицемеришь, Лицемеришь, лицемеришь, ничему не веришь!* <4, 286>.

В русском языке есть объемный синонимический ряд с доминантой *лицо*, однако в лирических песнях он представлен скудно. В анализируемых текстах нами зафиксировано два употребления слова *рожа*, причем только в одном случае (Самарская губерния) это название лица: *Муж руку отвел, По щечке жену оплел; Жена руку отвела, По всей рожке оплела* <2, 593> (*оплесті* 'наносить побои, сильно бить' [Филин (ред.) 1987: 263]). А в песне, записанной в Пермской губернии, значение лексемы установить трудно: *Еще свекор говорит: «Нам медведицу везут»; Что свекровка говорит: «Людоедицу везут»; Что деверья говорят: «Из окна рожу продать»* <2, 596>. В диалектном словаре приводится данный пример с пометой [Знач?] при указании одного из значений существительного *рожа*: '6. Красота, красивость. — Доп. [Знач?]' [Сороколетов (ред.) 2001: 147].

Таким образом, материалы лексикографических комплексов позволяют представить языковой портрет лексемы *лицо* в необрядовой лирике XIX в. с учетом значений слова, его частотности, синтагматических и парадигматических связей. Кроме того, комплексы, созданные на базе текстов, записанных в разных регионах России, способствуют выявлению общепесенных черт и характерных для той или иной местности особенностей в описании значимого для фольклорной картины мира существительного. В перспективе расширение базы исследования позволит уточнить сделанные выводы и, вероятно, откроет новые подходы к описанию народнопесенного слова в жанровом и пространственно-временном аспектах.

Источники

Великорусские народные песни: в 7 т. / Изд. проф. А. И. Соболевским. СПб.: Гос. типография, 1895–1902. Т. 2–6.

Литература

- Бобунова М. А. Об исследовательском потенциале лексикографических комплексов фольклорных текстов // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 44–65.
- Евгеньева А. П. (гл. ред.). Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 2. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. 736 с.
- Завалишина К. Г. Концептосфера «человек телесный» в языке русского, немецкого и английского песенного фольклора: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Курск. гос. ун-т. Курск, 2005. 19 с.
- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Новый частотный словарь русской лексики [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 20.05.2025).
- Морковкин В. В. (ред.). Система лексических минимумов современного русского языка: 10 лексических списков: от 500 до 5000 самых важных русских слов. М.: Астрель, АСТ, 2003. 768 с.
- Петрухина М. В. Кластер «человек телесный» в лексиконе русской волшебной сказки: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Курск. гос. ун-т. Курск, 2006. 19 с.
- Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1994. Вып. 28. 399 с.; СПб.: Наука, 1995. Вып. 29. 346 с.; СПб.: Наука, 1997. Вып. 31. 432 с.; СПб.: Наука, 1998. Вып. 32. 271 с.; СПб.: Наука, 1999. Вып. 33. 361 с.; СПб.: Наука, 2000. Вып. 34. 367 с.; СПб.: Наука, 2001. Вып. 35. 360 с.; СПб.: Наука, 2005. Вып. 39. 342 с.; СПб.: Наука, 2007. Вып. 41. 342 с.
- Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. Т. 1. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель, АСТ, 2003. 860 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1986. 671 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1972. Вып. 9. 362 с.; Л.: Наука, 1974. Вып. 10. 388 с.; Л.: Наука, 1979. Вып. 15. 399 с.; Л.: Наука, 1981. Вып. 17. 383 с.; Л.: Наука, 1983. Вып. 19. 359 с.; Л.: Наука, 1985. Вып. 20. 376 с.; Л.: Наука, 1986. Вып. 21. 360 с.; Л.: Наука, 1987. Вып. 23. 375 с.
- Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. 163 с.
- Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. 137 с.
-

References

- Bobunova M. A. [On the research potential of lexicographic complexes of folklore texts]. *Voprosy leksikografii*, 2023, no. 28, pp. 44–65. (In Russ.).
- Evgen'eva A. P. (ch. ed.) *Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t.* [Russian language dictionary]. In 4 vols. Vol. 2. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1986. 736 p.

- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 2. Moscow, Progress Publ., 1986. 671 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 9. 362 p.; Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 10. 388 p.; Leningrad, Nauka Publ., 1979, vol. 15. 399 p.; Leningrad, Nauka Publ., 1981, vol. 17. 383 p.; Leningrad, Nauka Publ., 1983, vol. 19. 359 p.; Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol. 20. 376 p.; Leningrad, Nauka Publ., 1986, vol. 21. 360 p.; Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 23. 375 p.
- Khrolenko A. T. *Poeticheskaya frazeologiya russkoi narodnoi liricheskoi pesni* [Poetic phraseology of Russian folk lyric song]. Voronezh, Publ. House of Voronezh University, 1981. 163 p.
- Khrolenko A. T. *Semantika fol'klornogo slova* [Semantics of folklore words]. Voronezh, Publ. House of Voronezh University, 1992. 137 p.
- Kuznetsov S. A. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Grand Dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. *Novyi chastotnyi slovar' russkoi leksiki* [New frequency dictionary of Russian vocabulary]. Available at: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (accessed 20.05.2025).
- Morkovkin V. V. (ed.). *Sistema leksicheskikh minimumov sovremennogo russkogo yazyka: 10 leksicheskikh spiskov: ot 500 do 5000 samykh vazhnykh russkikh slov* [The system of lexical minimums of the modern Russian language: 10 lexical lists: from 500 to 5000 most important Russian words]. Moscow, Astrel', AST Publ., 2003. 768 p.
- Petrukhina M. V. *Klaster "chelovek telesnyi" v leksikone russkoi volshebnoi skazki*. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [The cluster "corporeal man" in the lexicon of Russian fairy tales. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Kursk, 2006. 19 p.
- Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, vol. 28. 399 p.; St. Petersburg, Nauka Publ., 1995, vol. 29. 346 p.; St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 31. 432 p.; St. Petersburg, Nauka Publ., 1998, vol. 32. 271 p.; St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, vol. 33. 361 p.; St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, vol. 34. 367 p.; St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, vol. 35. 360 p.; St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, vol. 39. 342 p.; St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, vol. 41. 342 p.
- Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: v 2-kh t.* [Word-formation dictionary of the Russian language]. In 2 vols. Moscow, Astrel', AST Publ., 2003. 860 p.
- Zavalishina K. G. *Kontseptosfera "chelovek telesnyi" v yazyke russkogo, nemetskogo i angliiskogo pesennogo fol'klora*. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [The conceptual sphere of "corporeal man" in the language of Russian, German and English folk songs. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Kursk, 2005. 19 p.

О двух незамеченных новациях в стихе поэтов-шестидесятников

Кирилл Михайлович Корчагин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), stivendedal@gmail.com

DOI: 10.7868/S3034592826020081

аннотация: В статье рассматриваются два специфичных для поэтов-шестидесятников типа стиха. Первый из них может быть назван дольником на двусложной основе с цезурными эффектами, а второй — пеоническим дольником. Оба этих типа, хотя и употреблялись эпизодически в русской поэзии первой половины XX в., были популяризированы именно в этом поколении усилиями, в первую очередь, Андрея Вознесенского и Роберта Рождественского. Несмотря на то что оба упомянутых типа стиха обладают узнаваемыми структурными особенностями, ранее они практически не получали специального рассмотрения (по крайней мере, на материале поэзии второй половины XX в.). Анализ таких относительно маргинальных метрических типов позволяет указать на связь официальной советской поэзии, — одним из самых ярких проявлений которой была как раз поэзия шестидесятников, — с поэзией неофициальной, обращающейся к тем же стиховым формам, но декларативно отвергающей любые связи с советским литературным истеблишментом. Установление подобных связей, нередко отрицаемых литературной критикой, становится возможным благодаря использованию поэтического подкорпуса НКРЯ, позволяющего представить более точную генеалогию стиховых форм, употребляемых современными поэтами.

ключевые слова: поэты-шестидесятники, русский стих, дольник, тактовик, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, поэтический подкорпус НКРЯ

для цитирования: Корчагин К. М. О двух незамеченных новациях в стихе поэтов-шестидесятников // Русская речь. 2026. № 2. С. 101–112. DOI: 10.7868/S3034592826020081.

The Language of Fiction

On a Couple of Missed Innovations in the Verse of the Sixtiers

Kirill M. Korchagin, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), stivendedal@gmail.com

ABSTRACT: This article examines two verse types specific to the poets of the 1960s generation. The first type can be described as a *dolnik* (a Russian strict-stress meter) with a binary basis and a caesura, while the second can be described as a *paemonic dolnik*. Although both forms appeared sporadically in Russian poetry of the early 20th century, they were popularized by this generation, primarily through the efforts of Andrei Voznesensky and Robert Rozhdestvensky. Despite their recognizable structural features, these metrical types have rarely been studied in the context of late 20th-century poetry. The analysis of these relatively marginal metrical forms reveals connections between official Soviet poetry—epitomized by the 1960s generation—and unofficial poetry, which employed the same verse forms while ostensibly rejecting ties to the Soviet literary establishment. The identification of such links, often disregarded by literary criticism, is facilitated by the use of the poetic subcorpus of the Russian National Corpus. This tool enables a more precise genealogical mapping of verse forms adopted by contemporary poets, thereby challenging established narratives of poetic evolution.

KEYWORDS: 1960s generation poets, Russian verse, *dolnik*, *taktovik*, Robert Rozhdestvensky, Andrei Voznesensky, RNC poetic subcorpus

FOR CITATION: Korchagin K. M. On a Couple of Missed Innovations in the Verse of the Sixtiers. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2026. No. 2. Pp. 101–112. DOI: 10.7868/S3034592826020081.

Слава поэтов-шестидесятников за последнее десятилетие несколько померкла: это связано и с уходом со сцены практически всех ключевых фигур поколения (за знаменательным исключением Юнны Мориц), и со все бóльшим вниманием, которым пользуется со стороны филологов и читателей неофициальная поэзия, долго находившаяся в незаслуженной тени. Кроме того, можно говорить и о своего рода «исследовательской иллюзии» — как будто творчество поэтов этой плеяды прозрачно и не требует никаких специальных изысканий, тем более что оно пользовалось большим вниманием со стороны исследователей и в России, и за рубежом в то время, когда неофициальная литература была практически неизвестна. Однако, несмотря на то что такое внимание действительно имело место, некоторые вопросы, напрямую касающиеся творчества шестидесятников, остаются нерешенными — вплоть до того, что не вполне ясно подлинное место шестидесятников в литературе своего времени — прежде всего, в международном контексте, с которым они поддерживали плотные связи, перетекавшие в многолетнюю дружбу или творческий диалог (например, с поколением битников), но также и в отечественном, где шестидесятники со временем были заслонены фигурой Иосифа Бродского; недостаточно исследована антропологическая и медиалогическая составляющая оттепельного поэтического бума; наконец, не вполне прояснено, какой именно след это некогда знаменитое сообщество поэтов оставило в истории поэтической формы. Не рискуя отвечать на первые два вопроса, настоящая статья попытается хотя бы отчасти ответить на третий.

Поэзия шестидесятников еще при жизни всех основных представителей движения была подробно исследована стиховедами: соответствующие главы в «Современном русском стихе» и «Очерке истории русского стиха» М. Л. Гаспарова рисуют широкий спектр поэтических техник, используемых этими поэтами, и намечают основные тенденции, которые наблюдаются в их поэтической форме [Гаспаров 1974; 2002]; отдельные работы посвящены самой заметной инновации этого поколения — относительно широкому употреблению свободного стиха [Орлицкий 2002]. Принципиальна перестройка литературных институций в 1990-е годы, казалось бы, заставила пойти русскую поэзию по новому пути, и те тенденции, которые подмечались исследователями на материале стиха шестидесятников, во многом оказались перечеркнуты: молодые поэты пошли либо вслед за Бродским и его длинным дольником [Левашов, Ляпин 2012], либо вслед за неофициальными поэтами [Корчагин 2022],

а в наиболее консервативных кругах произошло радикальное сужение метрического репертуара до нескольких наиболее употребительных силлабо-тонических размеров, что было не без удивления отмечено уже М.Л. Гаспаровым [Гаспаров 2002: 306–314]. В таком контексте особый интерес представляют метрические инновации шестидесятников, которые не были широко развиты, но составляют узнаваемую черту поэзии этого сообщества.

Особая черта этих инноваций состоит в том, что они чаще всего обладают нечеткими границами, занимают пограничное положение между различными метрическими типами. Такая динамика в целом характерна для истории русского стиха, где новые формы постепенно отходят от старых, появляются внутри них как своего рода допустимая вольность, *licentia poetica*. Так выглядела и эволюция трехсложных размеров, где на ранних этапах амфибрахий и анапест слабо отличались друг от друга, похожим было и развитие дольника [Гаспаров 2002: 70, 73–74]. При этом некоторые метрические типы так и не достигли в полной мере стадии «кристаллизации»: как показывают материалы поэтического подкорпуса НКРЯ, даже *тактовик*, о котором уже столетие дискутируют поэты, литературные критики и стиховеды, часто не вполне отделим от дольника, с одной стороны, а с другой — от акцентного стиха. Такие метрические типы можно называть «слабо дифференцированными», и какое-то их количество обнаруживается в истории русской метрики [Корчагин 2014]. Ниже будут рассмотрены два метрических типа, которые мы застаем у поэтов-шестидесятников в стадии «кристаллизации»: на их примере можно увидеть, как ритмическая интуиция поэта может сложиться в новый, ранее не употреблявшийся размер.

Обширное исследование цезуры в русском стихе, которое было проведено автором настоящей статьи, завершилось обзором того, как цезура употребляется в неклассических размерах — прежде всего, в дольнике [Корчагин 2021]. С тех пор как эта работа была завершена, появились новые данные об одном в целом довольно редком размере, вошедшем в своего рода моду в период оттепели. Более всего он известен по стихотворению Андрея Вознесенского «Прощание с Политехническим» (1962) (двойными вертикальными чертами отмечено предполагаемое цезурное членение):

Ты ворожи ему, храни разиню.	Я2д Я2ж
Политехнический — моя Россия! —	Я2д Я2ж
ты очень бережен и добр, как Бог,	Я2д Я2м
лишь Маяковского не уберег...	Я2д Я2м

<...>

...но где б я ни был — в земле, на Ганге, —	Я2ж Я2ж
ко мне прислушивается магически	1*1*2*2*2
гудящей раковиную гиганта	1*1*5*1
большое ухо Политехнического!	Я2ж Я2г

Метрическая основа этого текста узнаваема и без дополнительного анализа: в его основе лежит 4-стопный ямб с цезурными наращенными, хорошо известный по поэзии 1900–1910-х гг., особенно по стихам Константина Бальмонта и Игоря Северянина («Хочу быть дерзким, хочу быть смелым...» и т. д.¹). Но здесь мы имеем дело с существенно иной модификацией этого знаменитого ритма: во-первых, у Вознесенского может изменяться характер цезурного наращения — предцезурное окончание то женское, то дактилическое (может оно быть и мужским — тогда размер «сливается» с бесцезурным ямбом); во-вторых, здесь могут происходить разные процессы в окрестности цезуры — и слева, и справа от нее: например, слово, которое стоит в позиции цезуры, может «удлиниться» и «перекрывать» цезурный интервал — ср. «прислушивается» и «раковиную» в процитированных строках, — что приводит к разрушению исходной цезурной структуры и превращению такой строки в дольникую, где почти не ощущается исходная ямбическая инерция.

После Вознесенского этот размер входит в относительно широкое употребление, причем как у поэтов, биографически связанных с движением шестидесятников (как Юнна Мориц), так и у поэтов, стоявших от него в стороне и даже отрицавших значимость этого движения (как Олег Юрьев). Однако независимо от отношения к шестидесятникам и персонально к Вознесенскому размер прочно входит в метрический репертуар поэзии второй половины XX в. У самого Вознесенского им написано несколько стихотворений: «Сирень “Москва — Варшава”» (1961), «Монолог Мерлин Монро» (1963), «Конспиративная квартира» (1963) и другие, датированные в основном 1960-ми годами, так что в целом этот размер можно считать «оттепельным» — попыткой найти ритм, созвучный времени относительной культурной и политической либерализации. Кажется, не случайно, что генеалогически этот ритм восходит к двум наиболее «восторженным» поэтам русского модернизма — Бальмонту и Северянину.

¹ Полный список этих текстов можно получить, если ввести в поиске поэтического корпуса в графе «метр» — «ямб», в графе «стопность» — «4», а в графе «дополнительные параметры» — «цезурные наращения».

Ожидаемо встречается этот размер и у других шестидесятников — например, у Булата Окуджавы, который хотя и был старше Вознесенского, сразу же последовал за его стиховой новацией:

Когда под хохот Куры и сплетни,	Я2ж Я2ж
в холодной выпачканный золе,	1*1*4*0
вдруг закричал мангал последний,	Я4ж
что он последний на всей земле,	Я2ж Я2м
мы все тогда над Курой сидели	1*1*2*1*1
и мясо сдабривали вином,	1*1*4*0
и два поэта в обнимку пели	Я2ж Я2ж
о трудном счастье, о жестяном.	Я2ж Я2м

<1963>

Но более интересно употребление этого размера у ленинградских неофициальных поэтов, яростно отрицавших всякое родство с шестидесятниками. Например, они встречаются у Олега Охупкина (1944–2008) и Олега Юрьева (1959–2018), принадлежащих к одной ленинградской традиции, хотя и к разным ее поколениям, причем Охупкин пользуется таким размером еще в 1970-е годы (хотя у него есть и более поздние примеры), видимо, под непосредственным впечатлением от поэзии официальных шестидесятников, а Юрьев обращается к нему только в 2010-е — когда прямая связь с оттепельной поэзией уже, видимо, не ощущалась читателем:

Чихает бабушка, поет комод,	Я2д Я2м
Картонная музыка «Паяца» орёт	1*2*2 1*2*0
За стеной. Карузо ещё любим.	2*1*2*1*0
Кот жестикулирует под лампой, как мим...	1*2*2 1*2*0
Значит, время ещё идёт.	2*2*1*0

*О. Охупкин, «Тьма, хоть выколи глаз.
Живём...», 1970*

...а как я вышел, был полон сад	Я2ж Я2м
огней сдвоенный, теней строений;	Я2ж Я2ж
был сразу клетчат, затем полосат,	1*1*2*2*0
и паром из облачных строений	1*2*1*1*1
окачен с краю, где неба скат...	1*1*2*1*0

*О. Юрьев, «А как я вышел,
был полон сад», <2011>*

Такой размер удовлетворяет классическому определению дольника как размера с переменным междуиктовым интервалом в 1–2 слога, и поэтому с «обычным» 4-иктным дольником его особенно легко спутать, хотя любой пример 4-иктного дольника, выбранный навскидку из поэтического корпуса, будет совершенно иначе организован ритмически. Но если такой размер легко спутать с дольником, то следующий размер, о котором пойдет речь, так же легко смешивается с тактовиком. Напомним, что, согласно М. Л. Гаспарову, «тактовик — это стих, в котором объем междуударных интервалов колеблется в диапазоне трех вариантов: 0–1–2 или 1–2–3 слога, как правило, не меньше и не больше» [Гаспаров 1974: 305]. В широкие рамки этого определения вписывается довольно большое количество разных ритмов, которые могут интуитивно восприниматься как достаточно далекие друг от друга. Это обстоятельство, по всей видимости, смущало и самого Гаспарова, который в более поздних работах пытался хотя бы отчасти развести эти типы [Гаспаров 2001].

Шестидесятники часто обращались к тактовикам, по всей видимости ощущая именно эту широту его рамок: этот метр позволял создавать самые разные ритмические типы, которые могли достаточно сильно обособляться друг от друга, а затем, как будет видно дальше, даже жить собственной жизнью. Одним из таких типов можно считать специфический размер, где безударный интервал между соседними иктами колеблется в диапазоне 2–3 слога: формально такой тип вписывается в определение тактовика, но, как будет показано ниже, составляет внутри него особое подмножество.

В науке о стихе подобный тип был замечен и описан на материале поэзии Георгия Иванова В. А. Плунгяном и получил наименование «пеонического дольника», подчеркивающее его связь с ритмикой пеона, где действительно междуиктовый интервал должен составлять три безударных слога [Плунгян 2008]. В разбираемых им случаях этот размер представлял в «логаэдизированном» виде, то есть последовательность междуударных интервалов и их величина в нем были «застывшими» и не варьировались. Как бы там ни было, этот размер довольно четко противопоставлен другим видам тактовика, что можно заметить и в поэзии Иванова (о чем пишет В. А. Плунгян), и у других поэтов. Этот метрический тип складывался постепенно — к нему вплотную подходили наиболее ритмически чуткие поэты русского модернизма — от Константина Бальмонта до Марины Цветаевой, но у них ритм, напоминающий о нашем размере, носит пока еще экспериментальный характер. Описывается этот размер — как редкий и малоупотребительный — и у А. П. Квятковского, который видит в нем производную от пеона (четырёхдольника), смешивая при этом с другими размерами на основе ямба [Квятковский 2008: 110–111 и далее].

Однако начиная по крайней мере с 1950-х гг. пеонический дольник постепенно становится достаточно употребительным размером. Так, в поэтическом корпусе представлено около 130 текстов, написанных его различными вариантами (в корпусе они сопровождаются специальной дополнительной пометой «пеонический дольник», так что пользователь может проследить, как будет меняться это число по мере пополнения корпуса). Поэты нечасто используют пеонический дольник, но все-таки с некоторой регулярностью, и особенно часто он появляется у тех авторов, которые склонны работать с различными типами тактовика (среди таких поэтов, например, Мария Степанова). Но пальма первенства в употреблении этого размера в послевоенной советской поэзии принадлежит, по всей видимости, Роберту Рождественскому, который и ввел его в моду на десятилетия, так что затем он встречался и у старших (Юрий Левитанский), и у младших поэтов.

В корпусе Рождественского присутствует порядка 25 текстов, которые можно считать пеоническими дольниками (некоторая сложность подсчетов связана с тем, что часть пеонических дольников входит в состав полиметрических композиций). Причем эти тексты Рождественский сочинял на протяжении всей жизни — начиная с середины 1950-х гг. и вплоть до последних лет: у нас нет точных датировок стихов, но самый ранний обнаруженный пеонический дольник вошел в книгу «Испытание» (1956), а самый поздний — в книгу «Последние стихи» (1994). Правда, среди них нет широко известных текстов, и в целом они существуют как бы на периферии внимания поэта, но представленный в них метрический тип вполне устойчив.

На примере Рождественского можно увидеть, как этот размер, постепенно «застывая», обретает все более четкие структурные признаки. Так, в ранних образцах у этого размера нет признаков логаздизации — как будто поэт сам не уверен, на каком варианте ритма он остановится; а в поздних текстах перед нами уже «застывший», логаздизированный ритм: если поначалу он мог использовать два равноправных варианта ритма строки — *3*2* и *2*3*, то в поздних стихах остается только один из них (цитируем эти тексты без учета характерной для поэта графической парцелляции, «лесенки»):

Переплунуть можно, вброд перейти,	2*3*2*0
перепрыгнуть без усилий почти.	2*3*2*0
Речка, речка! Понимаешь ли ты,	2*3*2*0
почему по перекрученной тропе	2*3*3*0
я пришел твоей напиться воды,	2*3*2*0
я пришел за песней к тебе?	2*1*2*0

«Речка Иня», 1952

Снова осень. Светлый сумрак небес.	2*3*2*0
И дорога через реденький лес.	2*3*2*0
И неслышная пустая река.	2*3*2*0
И почти прозрачный дым костерка.	2*3*2*0
Он струится. Он летит к небесам...	2*3*2*0
Ах, как близко стали слезы к глазам!	2*3*2*0

«Снова осень...», <1992>

Фоном для таких текстов оказываются «обычные» тактовики, которыми Рождественский пользовался довольно часто: из 720 текстов в его корпусе 65 написано тактовиком, то есть целых девять процентов. Такой тактовик у него заметно отличался от пеонического дольника: как правило, он 4-иктный, в то время как пеонический дольник — всегда 3-иктный. Важно, что уже у конструктивистов, которые сделали общеупотребительным само слово «тактовик», этот размер должен был быть именно 4-иктным — именно так его описывал, например, Илья Сельвинский в «Студии стиха» (1962). Различие 4-иктного тактовика с 3-иктным пеоническим дольником слышно даже неподготовленному читателю:

Скачки на экране! Скачки! Скачки!	0*3*1*1*1
В клубе Улан-Батора народу полно...	0*3*3*2*0
Пожалуйста, не ждите восточной сказки.	1*3*2*1*1
Я расскажу о том, что было в кино.	3*1*1*2*0
А в кино было вот что: летели по экрану	2*2*2*3*1
кони, распластанные в серой пыли.	0*2*3*2*0
И было непонятно, и было очень странно,	1*3*2*3*1
что они должны еще касаться земли!	2*1*3*2*0

«Кино в Улан-Баторе», 1965

Можно сказать, что после Рождественского этот размер занял свое место в метрическом репертуаре русской поэзии, и позднейшие поэты пользовались им совершенно свободно. Встречается он и у неофициальных поэтов, которые хотя и отвергали эстетические установки официальной поэзии, нередко оставались в рамках ее метрического репертуара (а то и более консервативного). Поиск по поэтическому подкорпусу НКРЯ показывает разных неофициальных поэтов, которые пользуются пеоническим дольником (помета при поиске — «пеонический дольник»); среди них как более близкие к официальной среде (такие, как Александр Галич), так и далекие от нее — Наталья Горбаневская, Николай Байтов, Ольга Седакова, Леонид Губанов, Олег Юрьев и другие. Не вдаваясь глубоко в анализ

корпуса пеонических дольников, написанных после Рождественского, приведем два примера, где исследуемый размер представлен в уже полностью сложившемся виде:

Чьи-то брови, чьи-то брови подряд,	2*3*2*0
Что вам надо, мой крыжовник раздет,	2*3*2*0
Это паруса старинный обряд,	2*3*2*0
Это пауза лиловых побед.	2*3*2*0

Леонид Губанов, 1965

Опускается, встуманяся, фортка.	2*3*2*1
В-ней-за-нею, над листвой онемелой —	2*3*2*1
Что корейская червивая водка,	2*3*2*1
Небо с молнией иссиня-белой.	2*3*2*1

Олег Юрьев, «Очерк грозы», 1988

История пеонического дольника продолжается и за пределами советской поэзии — например, у Марии Степановой, которая в целом обращает внимание на многие метрические открытия советской эпохи, особенно в области неклассической метрики: много в собрании ее стихотворений и 4-иктного тактовика такого же типа, как «Кино в Улан-Баторе», или даже более вольного, переходящего в акцентный стих; пеонический дольник у нее, наоборот, используется для более урегулированных размеров, в том числе при попытках подражания песенной поэзии в сборнике «Киреевский» (2012):

Тебе, Риорита,	Аф2ж
Подземные чертоги открыты.	1*3*2*1
Тебе, дорогая,	Аф2ж
Заречные гремят соловьи	1*3*2*0
И, лишенная лоска,	Ан2ж
Рожденная из пламя и воска,	1*3*2*1
Как Флория Тоска,	Аф2ж
Ты досыта поешь о любви.	1*3*2*0

Конечно, эти два метрических типа не исчерпывают всех новаций, которые появились в русском стихе во второй половине XX в. и были в той или иной мере восприняты поэтами. Однако указание на их наличие позволяет продолжить разговор о том, что осталось «за кадром» классических описаний русской метрики и какие явления оказались пропущены в силу того, что поддерживавшая их на плаву поэтическая практика была

не вполне известна стиховедам. Поэтический подкорпус НКРЯ представляет возможность отчасти решить эту проблему и создать новую «дорожную карту» русской метрики, которая по мере приближения к сегодняшнему дню обнаруживает все больше «белых пятен».

Литература

- Гаспаров М. Л. Современный русский стих. М.: Наука, 1974. 488 с.
- Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX в. в комментариях. Изд. 2-е (доп.). М.: Фортуна Лимитед, 2001. 288 с.
- Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. Изд. 2-е (доп.). М.: Фортуна Лимитед, 2002. 352 с.
- Квятковский А. П. Ритмология. СПб.: ИНА ПРЕСС; Изд-во «Дмитрий Буланин», 2008. 346 с.
- Корчагин К. М. Метрическая амбивалентность в русском стихе («сверхкороткая» силлаботоника, силлабический стих, кольцовский пятисложник и гиперпеон) // Корпусный анализ русского стиха: Сборник научных статей. Вып. 2. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2014. С. 87–104.
- Корчагин К. М. Русский стих: цезура. СПб.: Алетейя, 2021. 520 с.
- Корчагин К. М. Метрический идиолект в русской поэзии второй половины XX века // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 1. С. 298–306.
- Левашов А. М., Ляпин С. Е. Ритмико-синтаксическая структура «Прощальной оды»: к гексаметрической концепции шестииктного дольника Бродского // Иосиф Бродский: проблемы поэтики. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 139–151.
- Плунгян В. А. Об одном «незамеченном» типе русского стиха: логаздический пеонический дольник // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. М.: ЯСК, 2008. С. 646–663.

References

- Gasparov M. L. *Sovremennyi russkii stikh* [Modern Russian verse]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 488 p.
- Gasparov M. L. *Russkii stikh nachala XX v. v kommentariyakh* [Early 20th century Russian verse: a commentary]. 2nd ed. (expanded). Moscow, Fortuna Limited Publ., 2001. 288 p.
- Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha. Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika* [An outline of Russian verse history: metrics, rhythm, rhyme, strophics]. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2002. 352 p.
- Korchagin K. M. [Metrical ambivalence in Russian verse: “ultra-short” syllabo-tonics, syllabic verse, koltsov’s pentasyllable, and hyperpeon]. *Korpusnyi analiz russkogo stikha: Sbornik*

- nauchnykh statei* [Corpus analysis of Russian verse: a collection of scholarly articles]. Iss. 2. Moscow, Azbukovnik Publ., 2014, pp. 87–104. (In Russ.)
- Korchagin K. M. *Russkii stikh: tsezura* [Russian verse: the caesura]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2021. 520 p.
- Korchagin K. M. [Metric idiolect in Russian poetry of the second half of the 20th century]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN*, 2022, no. 1, pp. 298–306. (In Russ.)
- Kviatkovskii A. P. *Ritmologiya* [Rhythmology]. St. Petersburg, INA PRESS; Dmitrii Bulanin Publ., 2008. 346 p.
- Levashev A. M., Lyapin S. E. [Rhythmic-syntactic structure of the “Farewell Ode”: toward Brodsky’s hexametric concept of the six-ict dolnik]. *Iosif Brodskii: problemy poetiki* [Joseph Brodsky: problems of poetics]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2012, pp. 139–151. (In Russ.)
- Plungian V. A. [On an “Missed” type of Russian verse: logaoedic peonic dolnik]. *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst* [Dynamic models: word, sentence, text]. Moscow, YASK Publ., 2008, pp. 646–663. (In Russ.)

О семантическом ореоле трехстопного амфибрахия в русском фольклорном стихе

Александр Михайлович Петров, Институт языка, литературы и истории Карельского
научного центра РАН (Россия, Петрозаводск), hermitage2005@yandex.ru

DOI: 10.7868/S3034592826020094

Аннотация: В статье предложена интерпретация семантического ореола трехстопного амфибрахия в русских духовных стихах поздней традиции. Ранее эта проблематика на данном материале изучению не подвергалась. В основе исследования лежит методика выделения семантических окрасок метра, разработанная М. Л. Гаспаровым. Дана общая характеристика трехстопного амфибрахия, обозначена его роль в истории русской поэзии. Выполнен краткий историографический обзор важнейших специальных работ по семантике метра (размера). Сформулированы основные задачи статьи: 1) установить точки пересечения фольклорной и литературной традиций, 2) выявить степень освоения народной культурой литературных семантических окрасок метра, 3) описать возможные специфические свойства семантического ореола трехстопного амфибрахия в русских духовных стихах, обусловленные влиянием религиозной картины мира, характерной для этого жанра. Исследование показало, что во многом духовные стихи сохраняют семантические линии классической литературной поэзии: *балладная* традиция (с «морской» тематикой, вниманием к экзотике, темой смерти и памяти); *ностальгические* мотивы, темы *сна, работы (труда), быта*, причем *труд* приобретает дополнительную христианскую коннотацию: «труд во славу Бога», «труд Божий». Меньше внимания уделено в духовных стихах *торжественной* и *романтической* интонации, поскольку их светская тематика лежит за пределами религиозного

сознания. Прослеживаются образы и мотивы *здравных песен*, однако в контексте христианского жанра им дана отрицательная этическая оценка (осуждается пагубное «хмельное» вино). Впервые выявлены семантические окраски трехстопного амфибрахия, обусловленные христианской системой ценностей: *молитва, покаяние (покаянная интонация; проповедь), слезы и плач*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стиховедение, народный стих, трехстопный амфибрахий, семантический ореол, семантика метра, русский фольклор, русская литература, духовные стихи, поэтика фольклора

для цитирования: Петров А. М. О семантическом ореоле трехстопного амфибрахия в русском фольклорном стихе // Русская речь. 2026. № 2. С. 113–127. DOI: 10.7868/S3034592826020094.

благодарности: Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках работы по госзаданию.

Благодарю анонимных рецензентов статьи за полезные замечания и комментарии.

The Language of Fiction

On the Semantic Halo of the Three-Footed Amphibrach in Russian Folklore Verse

Alexander M. Petrov, Institute of Linguistics, Literature, and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (Russia, Petrozavodsk), hermitage2005@yandex.ru

ABSTRACT: The article offers an interpretation of the semantic halo of the three-footed amphibrach in Russian spiritual verses of the late tradition. This topic has not previously been studied using this material. The study is based on the method of identifying semantic colourings of metre, developed by M. L. Gasparov. The author provides a general description of three-footed amphibrach and offers a brief outline of its role in the history of Russian versification. In addition, the article presents a concise historiographical

review of the most important special works on the semantics of metre. The main objectives of the paper are as follows: 1) to reveal the points of intersection between folklore and literary traditions, 2) to identify the degree of assimilation of literary semantic colourings of metre within folk culture; and 3) to describe the specific features of the semantic halo of three-footed amphibrach in Russian spiritual poetry. The study shows that spiritual verses largely preserve the semantic lines of classical literary poetry: the *ballad* tradition (including “marine” theme, an emphasis on exoticism, the theme of death and memory); *nostalgic* motifs, themes of *sleep*, *work (labour)*, and *everyday life*. It should be noted that *work* acquires an additional Christian connotation: “labour for the glory of God”. In spiritual verses, less emphasis is placed on solemn and romantic intonation, since their secular themes lie outside religious consciousness. The images and motifs derived from drinking-songs can be traced, however, within the Christian genre they receive a negative ethical evaluation (the harmful “intoxicating” wine is condemned). As far as can be determined, spiritual verses contain semantic colourings of three-footed amphibrach, shaped by the Christian system of values: *prayer*, *repentance (penitential intonation, sermon)*, *tears*, and *crying*.

KEYWORDS: versification, folk verse, three-footed amphibrach, semantic halo, semantics of metre, Russian folklore, Russian literature, spiritual verses, poetics of folklore

FOR CITATION: Petrov A. M. On the Semantic Halo of the Three-Footed Amphibrach in Russian Folklore Verse. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2026. No. 2. Pp. 113–127. DOI: 10.7868/S3034592826020094.

ACKNOWLEDGEMENTS: The paper was written as part of the state task assigned to the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences.

I thank the anonymous reviewers of this paper for their helpful remarks and comments.

«Б ушует житейское море, // В волнах утопает народ» [Бучилина (сост.) 1999: 323]. Этими строками начинается поздний околофольклорный духовный стих о конце света, о «последних временах». Вариант, который мы процитировали, обнаружен в рукописном стиховнике 70–80-х гг. XX в. [Бучилина (сост.) 1999: 323]. Автор стихотворения не установлен. *Море* здесь — метафора мирской суеты [Никитина 2014: 109]. Этот духовный стих — достаточно редкий образец трехстопного амфибрахия

в русском фольклоре, хотя сам по себе амфибрахий — метр в русской литературной поэтической традиции известный. Он получает распространение с 1840-х годов [Гаспаров 2012: 165], т. е. чуть позже, чем другие трехсложные метры [Гаспаров 1974: 62]. В стихотворениях, написанных этим метром (в особенности трехстопным амфибрахией с перекрестной рифмовкой), воспроизводились лирические и балладные интонации и мотивы [Гаспаров 1984: 173].

Трехстопный амфибрахий прочно освоен русской стихотворной культурой. По данным поэтического подкорпуса «Национального корпуса русского языка», литературных стихотворений, написанных в этом метре и размере (либо полиметрических композиций, содержащих строки данного типа), насчитывается порядка 3000 (с 1761 по 2020 г.).

С русским стихотворным фольклором дело обстоит и проще, и сложнее: с одной стороны, текстов этих существенно меньше, обычно они все перед глазами, как на ладони. Но в то же время в фольклоре варианты нелегко поддаются учету, сформировать целостную картину затруднительно.

Однако общее представление о трехстопном амфибрахиях в фольклоре получить все же можно. Продемонстрируем это на примере поздних духовных стихов. Ранее мы неоднократно касались этого типа словесного творчества, подробнее см. [Петров 2022; Петров 2025б].

Материалом для работы послужили сборники духовных стихов [Бучилина (сост.) 1999; Поздеева (ред.) 2007; Пухова (сост., ред.) 2011]. Всего мы отобрали **19** поэтических текстов хорошей сохранности, в достаточной мере передающих исконную литературную метрику.

Определим круг тем, которые затрагиваются в духовных стихах, сложенных трехстопным амфибрахией с перекрестной рифмовкой¹. Обычно это сюжеты, связанные с библейско-евангельской традицией: «Всемирный потоп» [Бучилина (сост.) 1999: 41]; «Иордан», или «Крещение Спасителя» [Бучилина (сост.) 1999: 83] (автор стихотворения — епископ Серпуховский Арсений (Жадановский) [Жадановский 2002: 428–429], название «Стих пророку Иоанну Крестителю»); лирические размышления-вариации на христианскую тематику: стихи в форме молитвы, покаянные, нравоучительные: «Душа моя грустью убита, // Я воли Твоей не творю, // И дверь мне к спасенью закрыта, // Закрыта дорога к Царю» [Пухова (сост., ред.) 2011: 147]; «Измученный жизнью суровой, // Не раз я себя² находил // В глаголах предвечного слова // Источник покоя и сил»

¹ Сразу оговоримся, что перекрестная рифмовка выдерживается не всегда, бывают нарушения. Это норма для литературного текста, бытующего в народной культуре (искажения и ошибки встречаются довольно часто), и для самодеятельного стихотворения. Также вполне обычное явление — непредсказуемые метрические сбои.

² Себе.

[Бучилина (сост.) 1999: 300] (автор — И. С. Никитин [Никитин 1914: 42], название «Новый Завет»); «О Боже, дай слабому силу // Безропотно крест свой нести, // Чтоб под тяжелою ношей // Не падал малодушный в пути³» [Бучилина (сост.) 1999: 304] (автор — епископ Серпуховский Арсений (Жадановский) [Жадановский 2002: 436–437], название «Молитва»).

Приведем полный список исследованных текстов с указанием их порядковых номеров.

В сборнике [Бучилина (сост.) 1999]: № 2 — «Всемирный потоп», № 10 — «Иордан», № 33 — «Встреча Иисуса Христа» («Ходят по городу вести // Господь нас хотит посетить...»), № 94 — «Покаяние о искусителе», № 115 — «Новый Завет» («Измученный жизнью суровой, // Не раз я себя находил...»), № 120 — «Молитва» («О Боже, дай слабому силу // Безропотно крест свой нести...»), № 132 — «Обитель» («Прощай же, обитель святая, // Прощай наша мать навсегда...»), № 134 — «Кант» («Бушует житейское море, // В винах утопает народ...»), № 135 — [Бушует житейское море...] («Бушует житейское море, // В волнах утопает народ...»), № 160 — «Кант» («Вот скоро настанет мой праздник, // И первый и последний мой пир...»), № 161 — [Скоро наступит мой праздник...] («Скоро наступит мой праздник, // Последний и первый мой пир...»), № 162 — «Стих» («Вот скоро настанет мой праздник. // Последний и первый мой пир...»).

В сборнике [Поздеева (ред.) 2007]: № 102 — «Ходят по городу вести...» («Ходят по городу вести, // Христос нас решил посетить...»).

В сборнике [Пухова (сост., ред.) 2011]: № 55 — «Народ на земле размножался», № 141 — «Душа моя грустью убита», № 196 — «А годы мои престарелые» («А годы мои престарелые, // Отрады мне нет никакой...»), № 200 — «Проходят по городу вести» («Проходят по городу вести — // Господь нас идет навестить...»), № 207 — «Бушует житейское море» («Бушует житейское море, // В волнах потопают народ...»), № 228 — «Как много страданий приносит» («Как много страданий приносит // На свете хмельное вино...»).

Поскольку все эти стихотворения объединены религиозной тематикой, возникает вопрос: можно ли выделить какой-то общий смысловой шлейф и у того метра, которым они были написаны? В современном стиховедении этой проблематикой занимается отдельная отрасль лингвистики стиха. В центре ее внимания — вопрос о семантике стихотворного метра (размера), или о *семантическом ореоле метра* [Тарановский 2000; Гаспаров 1976; Гаспаров 2012; Гаспаров, Скулачева 2004: 22–24; Шапир 2015].

³ В двух последних строках — метрический сбой. В оригинале: «О, Боже! Дай слабому силы // Безропотно крест свой нести, // Чтоб он под тяжелою ношей // Не пал малодушно в пути» [Жадановский 2002: 436].

Иногда употребляется термин *семиотика метра* [Шапир 2015: 395]. Под семантическим ореолом понимаются исторически накопленные смысловые ассоциации [Гаспаров 1976: 365], связанные с конкретным метром и размером. Семантический ореол складывается из совокупности *семантических окрасок*; семантическая окраска — это «отдельная тема, жанр, тематическая или жанровая вариация, т. е. более или менее ограниченный набор взаимосвязанных образов и мотивов, повторно появляющихся в данном размере» [Гаспаров 2012: 115]. Например, семантический ореол пятистопного хоря в русской поэзии — это тема *пути и одиночества* («Выхожу один я на дорогу...»), о чем писали Р. Якобсон, К. Тарановский и др. [Тарановский 2000: 381; Гаспаров 2012: 332].

Попробуем найти такие окраски в трехстопном амфибрахии русских духовных стихов. Сделать это нелегко: «выделяя и группируя стихотворения по их семантике, мы всегда рискуем впасть в субъективизм» [Гаспаров 2012: 335], «однозначная сортировка стихотворений по тем или иным подвидам семантических окрасок <...> — дело невозможное» [Гаспаров 2012: 207]. «Формализация <...> ощущения смыслового строя» [Гаспаров 2012: 335] — это основная проблема, с которой сталкиваются все исследователи семантики стихотворного метра (размера). В современных научных работах используется метод извлечения ключевых слов [Piperski 2017]. Попытки обнаружить связь между метром (размером) и смыслом предпринимаются и в других работах (на материале стиха русского, чешского, немецкого, английского, голландского и т. д.); исследователи привлекают корпусные технологии, математические методы анализа и обработки данных, что позволяет оперировать большими текстовыми объемами и верифицировать интуитивное читательское ощущение семантики стиха [Plecháč, Kolár 2022; Šeļa, Plecháč, Lassche 2022].

Для наших целей вполне достаточно традиционного филологического подхода, поскольку количество текстов невелико. Разумеется, на незначительном материале проблема семантического ореола метра не может быть даже поставлена. Однако можно задаться другими вопросами: имеются ли в фольклорных текстах какие-либо смысловые пересечения с литературной традицией? Насколько освоены народной культурой литературные семантические окраски метра? Привнесла ли специфика религиозного текста новые черты в семантический ореол трехстопного амфибрахия? Поиск ответов на эти вопросы и составляет задачу статьи.

Ранее семантика русского литературного трехстопного амфибрахия была подробно рассмотрена в [Гаспаров 2012: 165–210], что дает надежную опору для работы. Вот основные, согласно М. Л. Гаспарову, семантические окраски русского трехстопного амфибрахия: 1) *Заздравные песни*, 2) *Баллада*, 3) *Гейне*: «отдаление от милой, воспоминания, мечты

с виденьями и снами, столкновение возвышенной любви с прозой быта» [Гаспаров 2012: 182], в т. ч. тема *труда*, 4) *Торжественная интонация*, 5) *Романтическая интонация*.

В духовных стихах обнаруживаются элементы тональности *засдравных песен*, но, конечно, с изменением их исконного смысла на противоположный. Если в классической поэзии засдравная песня звучит празднично, радостно, торжественно [Гаспаров 2012: 167–168], а застольный гост с бокалом (чашей, стаканом) вина — это гимн жизни («Я пью за здоровье не многих, // Не многих, но верных друзей»), то в аскетических по мировоззрению религиозных текстах вино (спиртное, алкоголь⁴) предстает как губительный напиток, «питие» осуждается: «Великий народ погибает // На нашей любимой Руси. // Вино, как секирой, сшибает // Цвет жизни, любого спроси. // Убойся, приятель, спиртного, // Беги от сего дурману. // Сгубил ты уж времени много, // Не медли загладить вино» [Пухова (сост., ред.) 2011: 187]. Как отмечают исследователи, «тема пагубности пьянства и употребления табака» [Пигин 2024: 145] известна еще древнерусской и старообрядческой литературе [Пигин 2024: 145], но встречается и в поздних произведениях, в частности, в сатирическом произведении «Стих о споре Хмеля и Табака», созданном, предположительно, в XIX в. [Пигин 2024: 145].

«Праздником» же (а также «пиром») называется смерть: «Вот скоро настанет мой праздник. // Последний и первый мой пир. // Душа моя горестна взглянет // На здешний покинутый мир. // Вот страшна в то время мне будет, // Расстанется с телом душа. // И много я в мире грешила, // Увижу тогда все дела» [Бучилина (сост.) 1999: 355].

Множество смыслов сконцентрировано в *балладной* линии. Подчеркнем, что «балладная линия» вовсе не означает буквального наличия в духовных стихах балладных сюжетов. Речь идет лишь о том, что определенная система художественных образов исторически зародилась в недрах балладного жанра. Однако эти образы, как мы уже заметили на примере *засдравной* тематики, в духовном стихе могут быть существенно переосмыслены. Часть «балладной» образности — это, скорее, *воспоминание* о балладе.

В первую очередь выделим *морскую* тематику. Уже процитированный нами духовный стих «Бушует житейское море...» занимает прочное место в этой традиции. Можно вспомнить, например, лермонтовские строки «По синим волнам океана» (из «Воздушного корабля») и «Волна нагоняла волну» (из «Тамары»), но в действительности смысловая парадигма

⁴ В речевом обиходе вином может называться любой алкогольный напиток, вплоть до водки, см. [Даль 1981: 205], вспомним фольклорную формулу «зелено вино» [Степанов 2004: 329].

образа *моря*, закрепленная в типовых синтаксических клише, представлена в русской поэзии очень широко, ср.: «Мы вышли в открытое море...», «Мы в море выходим, ребята...», «Бушует полярное море...», «Грохочет Балтийское море...», «Сурово Балтийское море...», «Бушует Балтийское море...», «Играет Цимлянское море...», «Мелеет Азовское море...», «Шумело Эгейское море...», «Охотского моря раскаты...» [Гаспаров 2012: 176–177]. Ср. также со стихотворением «На западе солнце пылает, // Багряное море горит...» [Никитин 1914: 356].

Приведем несколько примеров «морской» тематики из духовных стихов на другие сюжеты: «А ну, Расскажи, как по морю // Вот этот корабль поплывет» [Бучилина (сост.) 1999: 44]; «Вода прибывала все выше, // Собой затопляя поля, // И в поле казалос(ь) все тише, // И морем казалась земля. // Но вот и ковчег колыхнулся, // И волны подняли его, // Поднятый, волной покачнулся, // Отплыв от земли далеко» [Бучилина (сост.) 1999: 48]; «Волнуется Мертвое море, // Назад побежал Иордан» [Бучилина (сост.) 1999: 84] и т. д.

Важны здесь и *экзотические мотивы*: часто в стихотворениях, написанных трехстопным амфибрахийем, встречаются образы чужих, далеких земель, овеянные ореолом таинственности. По М. Л. Гаспарову, это «знак экзотики» [Гаспаров 2012: 174], ср.: «С горячих песков Палестины» («Ночной смотр» В. А. Жуковского) и духовный стих «В далекой стране Палестине» [Бучилина (сост.) 1999: 83].

Вообще, в балладной поэтической традиции повышенную значимость приобрело указание на *место действия* в зачине стихотворения. Целый ряд характерных примеров приводит М. Л. Гаспаров: «По славному русскому царству...», «По диким степям Забайкалья...», «В Москве за Калужской заставой...», «У дальней восточной границы...» и мн. др. [Гаспаров 2012: 171]. В духовных стихах отражена и эта особенность: «Народ на земле размножался...» [Бучилина (сост.) 1999: 41]; «В далекой стране Палестине...» [Бучилина (сост.) 1999: 83]; «Проходят по городу вести...» [Пухова (сост., ред.) 2011: 173] и т. д.

Очень сильно развита тема *смерти* [Гаспаров 2012: 181]. Для духовных стихов, посвященных самым фундаментальным вопросам бытия — *жизнь и смерть, правда и кривда, добро и зло, временное и вечное, начало и конец мироздания* и т. д. — эта тема имеет особое значение. Например: «По улице шумной толпою // Все будут идти и рыдать. // Покрыта парчей небогатой, // Я буду во гробе лежать» [Бучилина (сост.) 1999: 356]; «Лишь только луна над могилкой // Светила всю темную ночь» [Пухова (сост., ред.) 2011: 147]. Традиционной символикou смерти наделен образ воды: «Весь мир он потопит водой» [Бучилина (сост.) 1999: 44], см. также [Петров 2021: 285–286].

Здесь же имеется ответвление в сторону темы *памяти*: эта тема под-сказана церковно-обрядовой, ритуальной практикой; в духовных стихах она предстает в виде формульного молитвословного стереотипа «вечная память»: «И “Вечную память...” со вздохом // Они будут мне говорить» [Бучилина (сост.) 1999: 353]; «Чтоб “Вечную память” пропеть» [Пухова (сост., ред.) 2011: 147].

Трагические картины сиротства, нищенства и одиночества, характерные для духовных стихов, продолжают некрасовскую «крестьянскую» линию: «Я думала, выйду навстречу, // Ему поклонюсь в тишине. // Но слышу, дитя где-то плачет // И прямо подходит ко мне. // Изорвана вся одежка, // Глазенки от плача блестят. // Обмазаны кровью ручонки // И голые ножки дрожат» [Пухова (сост., ред.) 2011: 174].

Следующая семантическая окраска связана с влиянием творчества *Гейне* на русскую поэзию, она реализована преимущественно в темах *ностальгии, воспоминания, сна, труда и быта*.

В духовных стихах эти темы, осмысленные в религиозном ключе, также присутствуют. Например, семантическая линия «сон» («видение»): «Уснула и вижу во сне я: // Явился Господь предо мной» [Бучилина (сост.) 1999: 139]; «Старец явился во сне...»⁵ [Бучилина (сост.) 1999: 264], ср.: «Во сне неутешно я плакал...» [Гаспаров 2012: 186].

Тема *ностальгии (прощания, расставания, воспоминаний, одиночества, тоски)* звучит в духовном стихе «Обитель»⁶: «Прощай же, обитель святая, // Прощай наша мать навсегда. // Тебя нам, обитель святая, // Уже не видать никогда <...> // Зачем ты пуста, одинока, // Зачем не зовешь нас к себе, // А мы на чужбине далекой // Льем слезы в тоске по тебе?» [Бучилина (сост.) 1999: 319].

Мотив *одиночества* появляется в духовном стихе «А годы мои престарелые...»: «Живу я одна-одинока...» [Пухова (сост., ред.) 2011: 171].

Встречается мотив *сожаления* об упущенном времени, об утрате духовной чистоты (запоздалое *раскаяние, духовное страдание*): «Душа моя грустью убита, // Я воли Твоей не творю, // И дверь мне к спасенью закрыта, // Закрыта дорога к Царю» [Пухова (сост., ред.) 2011: 147].

В рамках этой семантической окраски выделяется «вспомогательный стереотип» [Гаспаров 2012: 189]: *перечисление*, «преимущественно картин природы» [Гаспаров 2012: 189]. Например: «Вот солныце взошло над землю, // Сияло оно, как всегда, // Все так же покрыло(сь) росой // Луга, и леса, и поля» [Бучилина (сост.) 1999: 47]; «И солнце светить будет жарко, // Затем раскалится земля, // Народу смотреть будет жалко, // Как

⁵ Строка с метрическим сбоем. Метр целого стиха — трехстопный амфибрахий.

⁶ Зд. «обитель» — келья в старообрядческом скиту (прим. сост.) [Бучилина (сост.) 1999: 319].

сохнут и вянут поля» [Пухова (сост., ред.) 2011: 178]; «Там будет зубов скрежетанье // Там радости все отойдут, // Там вечные муки настанут, // Там вечные муки придут» [Пухова (сост., ред.) 2011: 178] и т. д.

Тематика *труда* и *быта* воспроизведена в духовных стихах вполне по канонам литературной традиции: «Нельзя оставаться в покое, // Когда у нас нет чистоты. // До пота я мою и чищу, // Потом расставляю цветы. // В день этот поспешной работы // Старушка мне в двери стучит. // Болезнь, нужда и заботы, // Печальный и старческий вид» [Бучилина (сост.) 1999: 138]; «От сна пробудились люди, // Спешат на работы свои» [Бучилина (сост.) 1999: 47]; «Работой они занимались, // И каждой мечтал о себе» [Бучилина (сост.) 1999: 47]; «С работы домой возвращайся, // Утешь и жену, и детей. // А с пьяным совсем не общайся, // Беги от бесовских сетей» [Пухова (сост., ред.) 2011: 188] и т. п. Ср. с хрестоматийными брясовскими строками: «Единое счастье — работа, // В полях, за станком, за столом, — // Работа до жаркого пота, // Работа без лишнего счета, — // Часы за упорным трудом!» (1917) [Гаспаров 2012: 192].

В духовных стихах *труд* может пониматься не только в привычном бытовом плане, но и в высоком смысле христианского служения: «Жил старец-отшельник, молился // Он богу, всегда угождал, // Для бога он много трудился, // Лукавый его искушал» [Бучилина (сост.) 1999: 259].

Трудовая тематика может соединяться с «квартирной»: «День этот проходит напрасно⁷, // Работа повсюду видна: // Квартира чиста и уютна, // До ночи сижу я одна» [Бучилина (сост.) 1999: 139]. М. Л. Гаспаров справедливо называет «квартирную тему» нечастой в поэзии [Гаспаров 2012: 193], но вокруг трехстопного амфибрахия эти смыслы все же иногда концентрируются: «В квартире прохлада усадьбы...» (Пастернак), «Квартира тиха, как бумага...» (Мандельштам) и т. д. [Гаспаров 2012: 193].

О торжественной окраске можно говорить с некоторой долей условности. Это определение больше применимо к светской, гражданской поэзии: здесь обычны патриотические стихи, «маршевые» мотивы, типична формула «да здравствует...» и т. д. [Гаспаров 2012: 194–202]. В духовной лирике все сложнее и одновременно масштабнее. Торжественность здесь предстает как восхищение Божественной гармонией; чрезвычайно важен мотив обретения смысла жизни в Божьей благодати. Духовно-философские искания не ограничиваются земными, посюсторонними пределами: «Как дышат святые их звуки // Божественным словом любви! // И сердца тревожные муки // Как скоро смиряют они! <...> // Как сладко шептать эти строки, // Читая, молиться в тиши, // И плакать, и черпать уроки // Из них для ума и души!» [Бучилина (сост.) 1999: 300].

⁷ В варианте, опубликованном в [Пухова (сост., ред.) 2011: 173–174], эта строка передана точнее: «Но день тот прошел не напрасно» [Пухова (сост., ред.) 2011: 174].

Что касается *романтической* окраски, то она по вполне понятным причинам чужда духовным стихам: эта интонация свойственна любовной лирике, стихотворениям на тему «вековой тоски» по родине и т. п. [Гаспаров 2012: 202–205]. Впрочем, и сама эта окраска еще недостаточно отчетливо выделена в трехстопном амфибрахии.

Все эти семантические окраски, по М. Л. Гаспарову, и образуют ядро семантического ореола трехстопного амфибрахия. Однако на материале духовных стихов можно выделить дополнительные смыслы, которые, насколько нам известно, ранее не были замечены. Они, разумеется, могут присутствовать и в других метрах, но это — предмет для дальнейших исследований. Пока что ограничимся кратким перечислением регулярных семантических окрасок, которые удалось обнаружить в нашем материале.

Во-первых, *молитва*. Для воспроизведения молитвенной интонации трехстопный амфибрахий оказался удобен благодаря проникновенности звучания: «О Боже, дай слабому силу // Безропотно крест свой нести...» [Бучилина (сост.) 1999: 304]; «Приди на мое умиление, // Все скорби мои исцели, // Пошли мне за муки прощения, // И здесь меня в жизни храни» [Пухова (сост., ред.) 2011: 171].

Во-вторых, *покаянная интонация*, призыв к *покаянию* (мотивы *проповеди*): «И он, обратившись к народу, // “Покайтесь!” — ему говорил» [Бучилина (сост.) 1999: 43]; «Нахмуривши брови седые, // Насмешников Ной вразумлял: // “Покайтесь вы, дорогие”, — // Безбожникам Ной повторял» [Бучилина (сост.) 1999: 45]; «“Покайтесь, люди, покайтесь, // Очистите ваши сердца, // И грешную душу исправьте, // Чтоб встретить мессию Христа”» [Бучилина (сост.) 1999: 83]; «Молитесь, грешники, кайтесь // Приходит последний конец, // Живые назад обратитесь, // За нами следит наш Отец» [Пухова (сост., ред.) 2011: 178] и т. д.

Один из духовных стихов называется «Покаяние о искусителе» [Бучилина (сост.) 1999: 259–265], т. е. покаяние стало темой всего стихотворения (подробнее об этом стихе см. [Пигин 2001]).

В-третьих, тема покаяния естественно пересекается с темой *слез* и *плача*. В духовных стихах мотив «слезного рыдания» является одним из ключевых [Хлыбова 2004: 149; Петров 2025а], ср.: «Несли покаянье с слезами, // В сердца омывали грехи» [Бучилина (сост.) 1999: 83]; «Напрасно рыдаете, люди, // Конечно, вам жалко меня, // Создателю вы помолитесь, // Великая грешница я» [Бучилина (сост.) 1999: 354]; «Пел он смиренно и плакал, // И голос его утихал, // Камень, на котором стоял он, // Слезю своей орошал. // И камень от слез расплывался, // Опаляло его как огнем, // И он сердцем своим сокрушался, // Скорбел о паденьи своем» [Бучилина (сост.) 1999: 263]; «Я плакала в скорби глубокой, // И горько так сделалось мне. // И слезы катились потоком // В безмолвной ночной тишине!» [Поздеева (ред.) 2007: 312] и т. д.

* * *

Семантический ореол трехстопного амфибрахия в фольклорном стихе складывается достаточно поздно, на фоне сосуществования со стихом литературным и сохраняет многие качества своего литературного предшественника. Унаследована **балладная** традиция: «морская» тематика, внимание к экзотическим топосам, тема смерти и памяти (в религиозном дискурсе — «вечной памяти»). Переданы **ностальгические** мотивы, воспроизведены темы **сна, работы и быта**. При этом смысловая линия «работа» наделена добавочным значением, которое обусловлено христианской картиной мира: работа — это не только ежедневный труд в его мирском, бытовом понимании, но и труд «во славу Божию» (т. е. «Божий труд»). Меньше внимания народная традиция уделяет **торжественной и романтической** интонации, поскольку их ценности лежат, скорее, в области светской культуры: гражданская и любовная лирика, «маршевые» ритмы и т. д. Удивительным образом в духовных стихах сохранены следы (пусть и едва заметные) **здравных песен**, однако соответствующие образы и мотивы переосмыслены с позиций христианских воззрений: им дана резко отрицательная этическая оценка (пагубное «хмельное» вино в духовных стихах выступает как антипод винной чаше на пиру, символу земных, плотских наслаждений и радостей).

Нам удалось выявить семантические окраски, которые ранее в трехстопном амфибрахии не выделялись: **молитва, покаяние (покаянная интонация; проповедь), слезы и плач**. Это уже сугубо религиозные смысловые линии. Разумеется, эти темы могут быть выражены и другими силлабо-тоническими метрами: например, молитвословные интонации широко распространены в четырехстопном ямбе [Петров 2025б: 99]. Поэтому следующим шагом в изучении семантического ореола метра в духовных стихах должна стать количественная оценка степени распространенности этих семантических окрасок в разных формах силлаботоники.

Важно отметить, что все эти линии (или некоторые из них) могут сосуществовать в одном стихотворении. Распределение текстов по семантическим ореолам с их однозначным соответствием друг другу, конечно, недопустимо. В поэзии важны и недосказанность, и полисемантизм, «каждое стихотворение нашего размера неизбежно получает многостороннюю смысловую ориентацию» [Гаспаров 2012: 208]. В настоящей работе мы предприняли лишь первый шаг: проблема семантики метра в околофольклорных духовных стихах ранее никем не рассматривалась. Думается, что дальнейшие исследования в этой области помогут сделать типологию семантических окрасок силлабо-тонических метров в фольклорном стихе более ясной, точной и убедительной.

Источники

Бучилина Е. А. (сост.). Духовные стихи. Канты: сборник духовных стихов Нижегородской области. М.: Наследие, 1999. 416 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А–З. М.: Русский язык, 1981. 699 с.

Жадановский (Арсений). Жизнеописание и труды епископа Серпуховского Арсения (Жадановского) / Сост. С. Фомин. Т. 2. М.: Паломник, 2002. 623 с.

Никитин И. С. Полное собрание сочинений И. С. Никитина / Под ред. А. Я. Кракова. Екатеринослав: Издание М. Л. Ротенберга, 1914. 528 с.

Поздеева И. В. (ред.). Кому повем печаль мою: духовные стихи Верхотурской обители: Исследования и публикации. М.: Данилов ставропигиальный мужской монастырь, 2007. 332 с.

Пухова Т. Ф. (сост., ред.). Духовные стихи Воронежского края. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. 282 с.

Литература

Гаспаров М. Л. Современный русский стих: Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974. 487 с.

Гаспаров М. Л. Метр и смысл: к семантике русского трехстопного хорей // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. Т. 35. 1976. № 4. С. 357–366.

Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М.: Наука, 1984. 320 с.

Гаспаров М. Л. Метр и смысл: об одном из механизмов культурной памяти. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 416 с.

Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004. 288 с.

Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. 2-е изд. М.: Ленанд, 2014. 192 с.

Петров А. М. Очерк поэтики русских духовных стихов: символика акватических образов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 281–297. DOI: 10.17223/19986645/69/14.

Петров А. М. Четырехстопный хорей в русских фольклорных духовных стихах поздней традиции: некоторые вопросы метрики и ритмики // Вопросы языкознания. 2022. № 3. С. 54–74. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.54-74.

Петров А. М. «Пали слезушки на бело лицо...»: мотив плача в русских фольклорных духовных стихах // Словесность и история. 2025а. № 2. С. 128–146. DOI: 10.31860/2712-7591-2025-2-128-146.

- Петров А. М. Четырехстопные ямбы в русских фольклорных духовных стихах: литературные истоки, тематика, метроритмические особенности // *Русская речь*. 2025б. № 2. С. 92–105. DOI: 10.31857/S0131611725020079.
- Пигин А. В. Духовный стих «Покаяние о искусителе» (К изучению сюжета о покаянии дьявола) // *Проблемы исторической поэтики*. 2001. № 6. С. 67–80.
- Пигин А. В. Стих о споре Хмеля и Табака // *Словесность и история*. 2024. № 2. С. 143–157. DOI: 10.31860/2712-7591-2024-2-143-157.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
- Тарановский К. О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики // *Тарановский К. О поэзии и поэтике*. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 372–403.
- Хлыбова Т. В. Эстетика духовного стиха // *Славянская традиционная культура и современный мир*. Вып. 6. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2004. С. 144–158.
- Шанур М. И. «Семантический ореол метра»: термин и понятие (Историко-стиховедческая ретроспекция) // *Шанур М. И. Universum versus: Язык–стих–смысл в русской поэзии XVIII–XX веков*. Кн. 2. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 395–404.
- Piperski A. Ch. Semantic Halo of a Meter: A Keyword-Based Approach. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2017”*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2017, pp. 342–354.
- Plecháč P., Kolár R. Metre and Semantics in the Poetry of Czech Post-Symbolists Accessed via LDA Topic Modelling // *Studia Metrica et Poetica*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 7–19. <https://doi.org/10.12697/smp.2022.9.1.01>.
- Šeĭa A., Plecháč P., Lassche A. Semantics of European Poetry Is Shaped by Conservative Forces: The Relationship Between Poetic Meter and Meaning in Accentual-Syllabic Verse // *PLOS One* 17 (4). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0266556>.

References

- Gasparov M. L. *Sovremennyyi russkii stikh: Metrika i ritmika* [Modern Russian verse: metrics and rhythm]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 487 p.
- Gasparov M. L. [Meter and meaning: on the semantics of Russian trochaic trimeter]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. Literaturny i yazyka*, vol. 35, 1976, no. 4, pp. 357–366. (In Russ.).
- Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha: metrika, ritmika, rifma, strofika* [Outline of the history of Russian verse: metrics, rhythm, rhyme, stanza]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 320 p.
- Gasparov M. L. *Metri i smysl: ob odnom iz mekhanizmov kul'turnoi pamyati* [Meter and meaning: about one of the mechanisms of cultural memory]. Moscow, Fortuna EL Publ., 2012. 416 p.
- Gasparov M. L., Skulacheva T. V. *Stat'i o lingvistike stikha* [Articles on verse linguistics]. Moscow, Yazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2004. 288 p.

- Khlybova T. V. [Aesthetics of spiritual verse]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremenniy mir* [Slavic traditional culture and the modern world]. Iss. 6. Moscow, State Republican Center of Russian Folklore Publ., 2004, pp. 144–158. (In Russ.).
- Nikitina S. E. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoie soznanie* [Oral folk culture and linguistic consciousness]. Moscow, Lenand Publ., 2014. 192 p.
- Petrov A. M. [An essay on the poetics of Russian spiritual verses: symbolism of aquatic images]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2021, no. 69, pp. 281–297. (In Russ.). DOI: 10.17223/19986645/69/14.
- Petrov A. M. [Trochaic tetrameter in Russian folk spiritual verses of late tradition: some issues of metrics and rhythmicity]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2022, no. 3, pp. 54–74. (In Russ.). DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.54-74.
- Petrov A. M. [“Tears fell on a handsome face”: the motif of weeping in Russian folklore spiritual verses]. *Slovesnost' i istoriya*, 2025a, no. 2, pp. 128–146. (In Russ.). DOI: 10.31860/2712-7591-2025-2-128-146.
- Petrov A. M. [Iambic tetrameter in Russian folk spiritual verses: literary sources, thematic range, metrical and rhythmical peculiarities]. *Russkaya Rech'*, 2025b, no. 2, pp. 92–105. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0131611725020079.
- Pigin A. V. [Religious lyric “Repentance for Temper” (to the studying of the subject of the devil’s repentance)]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2001, no. 6, pp. 67–80. (In Russ.).
- Pigin A. V. [A verse about the dispute between hops and tobacco]. *Slovesnost' i istoriya*, 2024, no. 2, pp. 143–157. (In Russ.). DOI: 10.31860/2712-7591-2024-2-143-157.
- Shapir M. I. “Semantic halo of a meter”: term and concept (historical and poetic retrospective). Shapir M. I. *Universum versus: Yazyk–stikh–smysl v russkoi poezii 18–20 vekov* [Universum versus: language–verse–meaning in Russian poetry of the 18th–20th centuries]. Book 2. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2015, pp. 395–404. (In Russ.).
- Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: A dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2004. 992 p.
- Taranovskii K. [On the relationship between poetic rhythm and subject matter]. Taranovskii K. *O poezii i poetike* [On poetry and poetics]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 2000, pp. 372–403. (In Russ.).

Русская речь / Russian Speech

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Заведующая редакцией *М. А. Пузина*
Редакторы *О. В. Антонова, С. В. Дьяченко*
Корректор *Н. Н. Занегина*
Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rusrech@pran.ru, rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://slavras.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-82889 от 14 марта 2022 г., выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано к печати .
Дата выхода в свет .
Формат 60×88 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. . Тираж экз.
Зак. .
Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук
119071, Москва, Ленинский пр.-кт, д. 14
Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-020-2-25
ФГБУ «Издательство «Наука» 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука» 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+